

№3-4(63-64) 2022

ПРО

КНИГИ

ЖУРНАЛ БИБЛИОФИЛОВ

МОСКВА
2022

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ БИБЛИОФИЛОВ

Редакционно-издательский совет журнала

Сеславинский Михаил Вадимович, *председатель*

Афанасьев Михаил Дмитриевич

Гусев Павел Николаевич

Ласунский Олег Григорьевич

Самарин Александр Юрьевич

Редакция журнала

Главный редактор *Александр Самарин*

Ответственный редактор *Дмитрий Бакун*

Технический редактор *Екатерина Игнатьева*

Компьютерная верстка *Аида Сидоренко*

Корректор *Елена Ковдерко*

Представитель журнала в Санкт-Петербурге *Елена Матвеева*

*про
Книги*

Содержание

<i>Л.Г. Ларионова</i> Принадлежала ли «Библия Карла XII» шведскому королю <i>Одна из книжных загадок Петровской эпохи</i>	4
<i>М.М. Богданович</i> «Он умел воодушевлять других и прививать им любовь к прекрасному...» <i>Воспоминания Елены Кульпа-Иваск о своем отце</i>	26
<i>О.Н. Наумов</i> «...Всякий любитель должен стремиться к возможной полноте своих собраний...» <i>Д.В. Ульянинский в письмах У.Г. Иваску</i>	42
<i>О.А. Рябов</i> Комплекты собираются, или Почему иногда важно вовремя купить мешок.. <i>Из рассказов бывалого библиофила</i>	50
«Мне интересны всякие книги...» <i>Интервью с Э.П. Казанджаном</i>	56
<i>О.Г. Ласунский</i> Из записок собирателя	80
<i>М.В. Сеславинский</i> Домашние гостиные на Суворовском проспекте	98
Хроника заседаний клуба «Библиофильский улей» <i>Июнь — октябрь 2022 г.</i>	122
Книжные ПРОисшествия <i>Д.Н. Бакун</i> Презентация на Красной площади	160
<i>М.М. Богданович</i> Очередная встреча немецких библиофилов	163
Ex libris «Про книги» <i>Н.В. Плунгян</i> Неузнанная Маврина...	168
Памяти Вилли Александровича Петрицкого	172

Принадлежала ли «Библия Карла XII» шведскому королю

Одна из книжных загадок Петровской эпохи

Л.Г. Ларионова

*Внешний вид Библии Карла XII
(Стокгольм, 1703). Экземпляр ГПИБ*

Отдел редких книг Государственной публичной исторической библиотеки России (далее — ОИК, ГПИБ) отмечает в этом году знаменательную дату: 100 лет со дня основания. В нем хранятся уникальные книжные памятники, многие из которых все еще ждут своего исследователя.

С 2018 года автор настоящих строк ведет планомерную работу по раскрытию и популяризации фондов ОИК. При этом во множестве возникают сюжеты, которые, как оказывается, давным-давно базируются на легендах, а не на подлинных фактах.

Но тем интереснее раскрывать книжные тайны прошлого!

В 2022 году в России широко отмечается 350-летие со дня рождения Петра I (1672–1725). В ОИК среди редчайших изданий начала XVIII века хранится

*Суперэклибрис шведского короля
с его монограммой на Библии Карла XII
(Стокгольм, 1703).
Экземпляр ГПИБ*

*Застежки на переплете Библии Карла XII
(Стокгольм, 1703). Экземпляр ГПИБ*

книжный памятник, история которого весьма необычна.

Речь идет об экземпляре Библии на шведском языке (Стокгольм, 1703)¹. Книга весом 8,5 кг заключена в переплет из темно-коричневой кожи, на обеих крышках которого стоит суперэкслибрис —

монограмма короля Карла XII. Застежки с теми же вензелями отлиты из бронзы. На форзаце — надпись сотрудника библиотеки Государственного исторического музея² (далее — ГИМ): «Инв. 22046 / Щ. По словам П.И. Щукина, библия взята у шведов после Полтавской победы».

Полтавская битва — переломное сражение Северной войны (1700–1721), которое состоялось 27 июня (8 июля) 1709 года. Казалось бы, столь знаменитое событие, обширная историография... Однако ни масштаб битвы, ни изученность вопроса не исключают мифотворчества: сказывается и труднодоступность ряда архивных документов, часть из которых до сих пор не введена в оборот³. Подтверждает это и судьба экземпляра из фондов ГПИБ.

* * *

К сожалению, мы не знаем, кто именно продал Библию и, по-видимому, тогда же сообщил Щукину о том, что ей в свое время владел Карл XII. Возможно, переписка коллекционера с антикварами и букинистами конца XIX — начала XX века, которая хранится в Отделе письменных источников ГИМ⁴, сможет помочь в решении нашей загадки (изучение этих документов выходит за рамки настоящей публикации).

¹ Biblia, thet är All then Heliga Skrift på Swensko; efter Konung Carl then Tolftes Befalning medh förriga Editioner jamnförd; Summarier, och Marginalier å nyo öfwersedde; Concordantier, och Anmärckningar förökade; Nya Register, och Biblisk Tideräkning inrättade; medh mera, som Företalet närmare uthwisar. Stockholm: Tryckt uthi sal. Heinrich Keyzers Tryckerij, åhr 1703. [88], 962, [1] p.; 6 s. il., map.

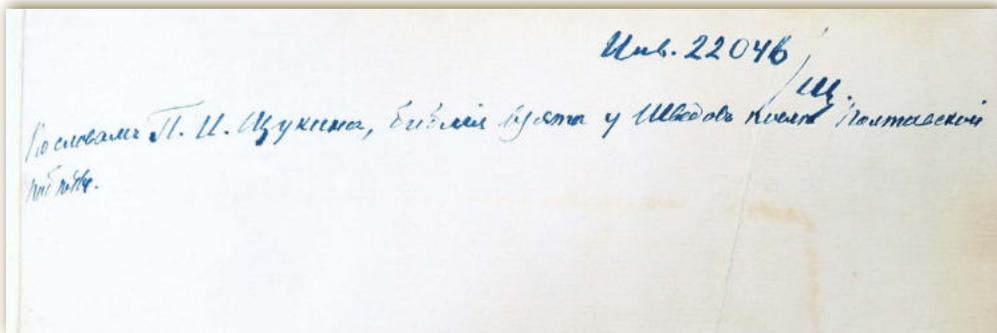
² До 1938 г. значительная часть нынешних фондов ГПИБ входила в состав Исторической библиотеки при ГИМ (ранее — Библиотеки ГИМ).

³ Счастливым исключением — многолетняя работа сотрудников Российского государственного архива древних актов. См.: Полтавская битва 27 июня 1709 года: документы и материалы / Федер. арх. агентство, Рос. гос. арх. древ. актов; [сост. Е.Е. Рычаловский и др.]. М.: РОССПЭН, 2011. 806, [1] с.: ил., табл. Кроме того, ряд уникальных документов 1699–1709 гг. был впервые опубликован в издании «Северная война 1700–1721 гг.: к 300-летию Полтавской битвы» (М.: Объедин. редакция МВД России: Кучково поле, 2009. Т. 1 [единственный]).

⁴ См.: ОПИ ГИМ. Ф. 265: Щукин П.И. 1857–1912.

Исследователи, занимающиеся историей частного коллекционирования в России, обращают внимание на то, что «основным, определяющим содержание

созданного П.И. Шуккиным музея, было собрание памятников реликвийно-мемориального характера, которые имели владельческие или иные надписи, знаки

Запись сотрудника Библиотеки Государственного исторического музея о принадлежности экземпляра к собранию Карла XII

Фронтиспис и титульный лист Библии Карла XII (Стокгольм, 1703).
Экземпляр ГИИБ

П.И. Шукин. Фото А.О. Карелина. Ок. 1906 года

и легенды, отражающие быт и духовную культуру российского общества»⁵. Вопрос о том, сколько среди уникального собрания Шукина оказалось предметов с «легендарным» (или «квази-легендарным») провенансом, остается открытым. Нам доподлинно известно лишь о подделках картин⁶. А вот с книгами, видимо, все не так однозначно.

Между тем, проблема подлинности антикварных предметов беспокоила Шукина. Известен и уважительный отзыв о нем А.П. Бахрушина: «Серьезнейший собиратель из всех мне известных, потому что он не собирает ничего, предварительно не собравши об этом предмете целую библиографию и не изучивши его по книгам»⁷.

Однако от ошибок никто не застрахован, даже маститые коллекционеры, деятельность которых пришлось на рубеж XIX–XX веков. Именно тогда проблема подделок (мы употребляем это слово в самом широком смысле, включая в него предметы с ошибочным провенансом или намеренным искажением их истории) стала широко распространенной в среде русских собирателей⁸.

* * *

Вернемся к экземпляру Библии 1703 года. Как видно из приведенной записи, до того, как попасть в фонды ГПИБ, он находился в библиотеке ГИМ. Еще при жизни Шукина книга (в числе прочих изданий и коллекций) перешла в собственность музея (1905)⁹. Но лишь

⁵ Горбушина Н.В. Эволюция собирательства П.И. Шукина и его взаимоотношения с антикварами // Забелинские научные чтения — 2005: Исторический музей — энциклопедия отечественной истории и культуры. М.: ГИМ, 2006. С. 383.

⁶ См.: «Я поведу тебя в музей...»: истории, рассказанные музейщиками России: сборник. М.: АСТ, 2017. С. 43–45; Полякова О.Б. Коллекция и музей купца Шукина // Московский журнал. 1996. № 9. С. 57.

⁷ Бахрушин А.П. Из записной книжки А.П. Бахрушина: [кто что собирает] / примеч. [и предисл.] сост. М.А. Цявловский. М.: Л.Э. Бухгейм, 1916. С. 35.

⁸ См.: Катагощина М.В. Антикварное дело в России XVIII — первой трети XX века. М.: Русский мир, 2014. С. 241–260; Минцлов С.Р. Подделки старинные: памятка любителям и собирателям ее. Конотоп, 1915. 14, [1] с.; Фальсификации: подделка редкостей // Коллекционер. 1902. № 1. С. 5–6 и др.

⁹ В 1905 г. Шукин передал свое уникальное собрание, включавшее более 20 тыс. (по описи, но по оценкам искусствоведов — не менее 300 тыс.) предметов (иконы, памятники декоративно-прикладного искусства, древние рукописи и др.) и комплекс зданий по Малой Грузинской улице, где размещались эти коллекции, в дар ГИМ. Историк русского коллекционирования Н.М. Полунина отмечает, что собрание Шукина по числу экспонатов было равно всему тогдашнему музейному фонду: «Это был беспрецедентный дар за всю историю музея». Сегодня в здании бывшего Музея российских древностей купца и коллекционера П.И. Шукина находится Государственный биологический музей им. А.К. Тимирязева. См.: Корнеева (Борисова) Н.И. Шукинская коллекция // Сокровищница книги. М., 1988. Ч. 1. С. 106; Полунина Н.М. Дарители, меценаты, покровители Российского Исторического музея. М.: ГИМ, 1998. С. 71–72, 109 и др.

спустя годы раритет был перевезен в здание на Красной площади.

Кроме того, известно, как минимум, об одной выставке, где эта Библия экспонировалась. В конце декабря 1909 — начале января 1910 года в залах нижнего этажа Исторического музея среди других временных бесплатных выставок открылась экспозиция, посвященная Петру I и его эпохе¹⁰. Возможно, тогда версия о происхождении книги никем не оспаривалась (так, в тексте заметки «Исторического вестника» сказано: «громодная библия на шведском языке, принадлежавшая Карлу XII»). Более нейтрально описание в малотиражном каталоге

выставки: «Библия шведская с гравированным портретом Карла XII; переплет кожаный, тисненный, с медными украшениями и шифром Карла XII»¹¹.

Вряд ли анонимный составитель указателя сомневался в официальной версии. Однако отметим ряд важных деталей. Во-первых, в музее знали о предполагаемой принадлежности книги Карлу XII. Во-вторых, в случае, если происхождение экспоната было четко зафиксировано (на бумаге или при помощи гравировки), то описание всегда конкретно. Например: «кружка серебряная, чеканная, с позолотой, отбита у шведов под Переволочной; на дне подробная пояснительная

Музейная библиотека (Шукин П.И. Краткое описание Шукинского музея в Москве. С девятью фототипиями. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1895)

¹⁰ См.: Выставки в Историческом музее // Исторический вестник. 1910. Т. 119. С. 766; А.О. Выставка в память двухсотлетия Полтавской победы // Старые годы. 1910. Янв. С. 51–53; Указатель выставки в память двухсотлетия Полтавской победы. М., 1910. 28 с.

¹¹ Указатель выставки в память двухсотлетия Полтавской победы. С. 27.

*Здание Музея П.И. Щукина на Малой Грузинской улице в Москве.
Начало XX века*

надпись»¹², «книга печатная: Lexicon Technicum (London, MDCCX), т. II, с автографом Я.В. Брюса»¹³ (кстати, и кружка, и книга — как раз из собрания Щукина). И наконец: в каталоге все же дано описание без яркой «трофейной» легенды.

В последующие годы считалось доказанным, что книгой некогда владел шведский король. Это подтверждает машинопись неопубликованной заметки И.Н. Розанова «Трофей Полтавской победы. Библия Карла XII»¹⁴. Ее автор — библиофил и книговед, создатель и первый заведующий ОИК в те годы, когда отдел находился в составе Библиотеки ГИМ.

Текст, предположительно, был закончен в 1938 году, т.е. незадолго до пере-

езда основной части книжной коллекции из музея в Старосадский переулок. По всей видимости, и Розанов не сомневался в «трофейной версии» Библии Карла XII. Его работа — в русле книговедческой мысли 1930-х годов. Полный текст ее приводится ниже.

* * *

«После Полтавского поражения шведы, как известно, отступали в беспорядке. В Государственной [Исторической] Библиотеке при Историческом Музее хранится трофей победы — книга, попавшая туда от известного коллекционера П.М. (sic! — *примеч. Л. Л.*) Щукина, и имеющая пометку, что она была взята

¹² Там же. С. 25.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ См.: ОР РГБ. Ф. 653. Картон 29. Ед. хр. 22. Розанов И.Н. «Трофей Полтавской победы. Библия Карла XII» — заметка. 1938. Машинопись с авторской правкой. 2 л.

*Здание Исторического музея.
Начало 1910-х годов*

у шведов после Полтавской битвы. Книга эта — Библия на шведском языке, изданная в 1703 году. Это толстый фолиант в тысячу слишком страниц, причем самый текст Библии напечатан в два, а “Указатель” — в три столбца. Толстый деревянный переплет, обтянутый кожей, с многочисленными металлическими украшениями, еще более увеличивает тяжесть этого фолианта. Эту-то книгу шведский король возил с собой в походах. По словам биографов, он был воспитан матерью “в духе благочестия”, а на заглавном листе этой книги читаем, что и самый перевод этот на шведский язык сделан был по повелению короля, а на следующем листе после заглавного находим гравированный портрет Карла XII, вокруг портрета надпись по-латыни, где

Карл именуется благочестивым королем, победителем, триумфатором и т.д., внизу страницы латинские стихи (12 строк), также восхваляющие военную доблесть и благочестие Карла. О принадлежности данного экземпляра королю свидетельствует главным образом переплет. На нем дата 1705 г.¹⁵, т.е. двумя годами позже издания книги, а металлические украшения — на передней и задней крышках и на застежках, под короной — инициалы Карла и римская цифра XII. Обычных в библиях иллюстраций на библейские сюжеты в книге нет, но обращает на себя внимание большое количество прекрасно выполненных географических карт: Египта, Аравии, Иудеи, Малой Азии и т.д. Есть также план Иерусалима и несколько изображений фасада

¹⁵ Со временем тиснение на переплете «угасло», поэтому сегодня сложно определить последнюю цифру в дате, о которой писал Розанов. Каким образом эта деталь оформления экземпляра может послужить обоснованием его принадлежности к коллекции шведского короля, мы ответить затрудняемся.

Изменилось ли восприятие Библии из шукинской коллекции после 1938 года, когда она в числе прочих книжных фондов попала в ГПИБ? В этом вопросе помогут разобраться публикации сотрудников библиотеки. Первым о книге упомянул заместитель директора ГПИБ по библиотечной работе И.Г. Семенычев¹⁹. Учитывая дату публикации — 1941 год, незадолго до начала Великой Отечественной войны, — внимание к трофею Полтавской баталии вполне оправданно. Естественно, повода не доверять имеющейся информации у Семенычева не было. Известно, что он очень внимательно относился к фондам вновь образованной библиотеки и интересовался историей книги²⁰.

Примечательно, что он решил включить «карловскую Библию» в «краткий выборочный перечень редких изданий, характеризующих ценность фонда редких книг Исторической библиотеки»²¹.

В 1958 году одна из наиболее авторитетных сотрудниц ОИК Е.В. Благовещенская²² несколько иначе описала данный раритет. В ее статье «Отдел редкой книги и его работа (1922–1938–1958 гг.)» читаем: «Здесь же находятся и книги, индивидуальная судьба которых связана с примечательными событиями. Напри-

мер, большая, в 8 килограммов весом, шведская библия 1703 г., с вензелями Карла XII на переплете, ставшая трофеем наших войск под Полтавой»²³. Как видим, такой тонкий знаток редких книг, как Благовещенская, решила не повторять вслед за Шукиным, Розановым и Семенычевым сведения о королевском экземпляре. Однако она связала появление данного издания в России исключительно с Полтавской битвой и поражением шведских войск; другие версии не рассматривались.

В 1960-х годах эстафету подхватила тогдашняя заведующая ОИК Н.Ф. Чернышева, автор двух заметок об этой Библии²⁴. Любопытно, что вопрос о бытовании экземпляра решался в них по-разному. В первой публикации говорилось, что «принадлежала книга одному из придворных и была подобрана русскими солдатами на поле сражения после Полтавской битвы 27 июня 1709 г.»²⁵.

В другой ее заметке, написанной спустя два года, происхождение Библии уточнялось: «Судя по вензелю, она принадлежала или самому Карлу XII или кому-либо из его свиты»²⁶. Старейшие сотрудники ОИК отмечают, что Нина Федоровна действительно искренне поверила в принадлежность книги к собранию шведского короля, в чем, в конце концов, убедила и их.

¹⁹ См.: Семенычев И.Г. Государственная публичная историческая библиотека // Историк-марксист. 1941. Кн. 4 (92). С. 75. Примечательно, что именно после письма Семенычева к Сталину, в котором он предложил создать ГПИБ, вопрос о создании специализированной библиотеки для историков наконец решился положительно.

²⁰ См.: Гузеева И.А. Жизнь и деятельность И.Г. Семенычева: новые документы // Библиография. 2009. № 1. С. 92–101; Семенычев И.Г. Как родилась Государственная публичная историческая библиотека (из личных воспоминаний) / публ. И.А. Гузеевой // Библиография. 1999. № 3. С. 100–102 и др.

²¹ Семенычев И.Г. Государственная публичная историческая библиотека. С. 74.

²² В те годы — заведующая ОИК ГПИБ.

²³ Благовещенская Е.В. Отдел редкой книги и его работа (1922–1938–1958 гг.) // Государственная публичная историческая библиотека: сб. ст. (из опыта работы за 20 лет). М., 1958. С. 31–32.

²⁴ См.: Чернышева Н.Ф. Книги — трофеи // В мире книг. 1964. № 6. С. 48; Она же. Найдены на поле боя // Книжное обозрение. 1966. № 26. 28 окт. С. 12.

²⁵ Чернышева Н.Ф. Книги — трофеи. С. 48.

²⁶ Чернышева Н.Ф. Найдены на поле боя. С. 12.

Поэтому до недавнего времени настоящее издание значилось именно как «Библия Карла XII». При этом повторяли слова Н.Ф. Чернышевой о «военном трофее», брошенном «шведами во время поспешного отступления после Полтавской битвы»²⁷. Лишь отдельные сотрудники ГПИБ выражали сомнение и полагали, что все-таки это — книжный миф²⁸.

Здесь важно напомнить, что не всегда наши предшественники обладали полной знанием о предмете — как и нужной квалификацией (не избежало этого, впрочем, и современное книговедение). Сейчас в нашем распоряжении гораздо большее количество источников, в том числе архивных, более совершенные методы библиографического поиска и научной работы. Поэтому, если есть возможность, нужно исправлять ошибки прошлого.

Об этом ярко и убедительно написали П.А. Дружинин и А.Л. Соболев в предисловии к трехтомному каталогу «Магия книги»²⁹ (что вызвало горячие отклики в библиофильской среде). Из года в год одни и те же недостоверные сведения повторяются разными авторами... Именно поэтому необходимо заново пересмотреть многие библиофильские сюжеты, обра-

щаясь к архивным документам. Правда, и сами Дружинин и Соболев, в свою очередь, не избежали неточностей³⁰.

* * *

Но теперь поговорим о короле, с именем которого связана эта Библия. Суждения о Карле XII противоречивы. Он был немногословен, по-военному краток³¹. Известен и как король-солдат, и как король-реформатор, решительно порвавший с придворным укладом; фигура Карла XII до сих пор вызывает интерес у исследователей³².

Розанов прав: его мать Ульрика Элеонора Датская приложила немало усилий для того, чтобы дать принцу хорошее христианское воспитание. Характерен первый из сохранившихся автографов Карла XII. Это библейская цитата из Евангелия от Матфея: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (1687)³³. В тот момент принцу было пять лет.

Система воспитания Карла XII включала четыре аспекта. Специальная инструкция 1688 года подчеркивала главное — наставление в христианской вере

²⁷ Чернышева Н.Ф. Найдены на поле боя. С. 12.

²⁸ Шапошников К.А. Примечания // Историческая библиотека в 1920-е — 1930-е гг. М.: ГПИБ, 2019. С. 197.

²⁹ Дружинин П.А. Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева: аннотированный научный каталог выдающихся памятников письменности XV — начала XX века: в 3 т. / П.А. Дружинин, А.Л. Соболев. М.: Слово / Slovo, 2021. Т. 1. С. V–XV.

³⁰ Так, например, излагая историю запрещенной и уничтоженной библиофильской дезидераты «Болотные лилии. Книга о женщинах не для женщин» И. Дю-Кира (СПб., 1902), Дружинин и Соболев сообщили о двух сохранившихся экземплярах. Однако ими не были учтены три экземпляра из фондов Российской национальной библиотеки. К сожалению, в электронных каталогах государственных библиотек до сих пор не указаны многие книги или отдельные их экземпляры. См.: Дружинин П.А. Музей книги Петра Дружинина и Александра Соболева. С. 402–404.

³¹ См.: Андрен К.Г. Каролинское благочестие и его влияние на Карла XII // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы: сб. ст. М.: Текст, 1999. С. 71.

³² См.: Карл XII: [1682–1718]: беллетризм. биограф. М.: Центрполиграф, 2000. 472, [2] с., 8 л. ил., портр.; Григорьев Б.Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. М.: Молодая гвардия, 2006. 547, [2] с., 16 л. ил. (Сер. «Жизнь замечательных людей»; вып. 1198 (998)) и др.

³³ Цит. по: Андрен К.Г. Каролинское благочестие и его влияние на Карла XII. С. 101.

для воспитания истинного страха Божьего, этого «величайшего и чистейшего сокровища». Таким образом, с самого начала будущему королю следовало научиться «жить христианской жизнью».

Принц усердно посещал богослужения и молился, а также «упражнялся в благочестии», опираясь на предписания Библии. Затем следовали обучение языку, законоведению и управлению государством и, наконец, военному искусству. Неудивительно, что Карла XII отличали особая религиозность и вера в предопределение. Король строго соблюдал лютеранские догматы и решительно отвергал все попытки смягчить их (в том числе пиетизм, популярный в конце XVII века³⁴).

Современники писали о Карле XII: «Он весьма предан религии, не будучи связан никаким суеверием. В любых обстоятельствах он остается верным своей непоколебимой вере в Бога и Его всемогущую помощь. Он в высшей степени благороден и располагает гораздо большей способностью к самообладанию, чем его предшественники, он справедлив и мягок в своих суждениях, но строг по отношению к злонамеренным, и в таких случаях его нелегко переубедить»³⁵. Так, он ужесточил ряд наказаний, применявшихся при его отце (ввел, например, смертную казнь за прелюбодеяние)³⁶.

* * *

Конечно же, шведский король, постоянно обращался к текстам Священного писания. Вот свидетельство первого био-

Давид фон Крафт (David von Krafft).
Портрет короля Карла XII. Швеция, около 1707.
Фрагмент. Национальный музей (Стокгольм)

графа Карла XII Ёрана Нурдберга: «Библию Его Величество читал поутру, встав ото сна; иногда по воскресным и праздничным вечерам после вечернего богослужения, оставшись в одиночестве. Осенью 1708 г. Его Величество, находясь в полевых условиях, прочел Библию четыре раза целиком, притом собственноручно указав день недели и число начала чтения и его конца; но потом он вырвал эту страницу по причине, которая, по его собственным словам, была следующей: кто-нибудь может подумать, что я этим похваляюсь»³⁷.

³⁴ Пиетизм (от лат. pietas — благочестие) — протестантское религиозное течение, где на первом месте — практика христианской жизни, личное благочестие, непосредственная связь верующего человека с Богом. Расцвет пиетизма — конец XVII — начало XVIII веков.

³⁵ Цит. по: Андреев И. Петр I и Карл XII — два портрета в интерьере истории // Наука и жизнь. 2005. № 7. С. 111.

³⁶ Уредсон С. Карл XII // Царь Петр и король Карл. С. 44.

³⁷ Андрен К.Г. Каролинское благочестие и его влияние на Карла XII. С. 113.

Густав Улоф Седерстрём (Gustaf Olof Cederström). Причастие шведских войск перед битвой при Фрайштадте. 1900. Национальный музей (Стокгольм). Фрагмент

Не менее ценно письмо английского дипломата Томаса Вентворта к лорду Галифаксу (1707), где среди прочего сообщалось, что Карл XII имеет в полевом лагере «красивую позолоченную Библию у своей постели, единственную изящную вещь из всего его обихода»³⁸.

Скорее всего, Вентворт имел в виду экземпляр Библии, который ныне находится в собрании Королевской библиотеки в Стокгольме. Он заключен в роскошный красный сафьяновый переплет с миниатюрным портретом Карла XII, а титульный лист украшает надпись, по всей видимости, более поздняя, о том, что настоящий экзем-

пляр сопровождал короля во всех военных кампаниях — вплоть до его смерти. Затем книга перешла к сестре монарха, королеве Ульрике Элеоноре³⁹.

* * *

Примечательно, что в ходе исследования мы обнаружили еще целых три Библии 1703 года, якобы также принадлежавших Карлу XII.

Первая из них происходила из собрания сподвижника Петра I и владельца лучшей в те годы частной библиотеки Я.В. Брюса⁴⁰; ныне находится в Библио-

³⁸ Там же. С. 115.

³⁹ См.: Исаева Е.В. Библия Карла XII — экземпляр из собрания Музеев Московского Кремля // Музеи Московского Кремля. Материалы исследования. М., 2014. Вып. 22. С. 207.

⁴⁰ См.: Библиотека Я.В. Брюса: каталог / БАН СССР; сост. Е.А. Савельева. Л.: БАН, 1989. С. 43–44; Материалы для истории императорской Академии наук в 10 т. СПб., 1889. Т. 5: (1742–1743). С. 153; Савельева Е.А. История в жизни и трудах Я.В. Брюса // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Российской Академии наук. СПб., 1994. С. 226–240 и др.

теке Российской академии наук⁴¹. В дошедшей до нас «Ведомости, что по описи явилось в доме покойного господина генерала фельдмаршала и кавалера Якова Вилемовича Брюса в библиотеке книг немецких разных диалектов и российских» под № 12 значится «Библия на шведском языке, приписана шведскому королю»⁴². По оформлению она идентична изданию из фондов ГПИБ⁴³.

Провенанс данного экземпляра неизвестен. Однако во время Северной войны Брюс помогал Петру I в организации артиллерии русской армии, участвовал во многих сражениях. За командование артиллерией при Лесной и под Полтавой он получил орден св. Андрея Первозванного (1709). Известны случаи, когда особо отличившихся в бою Петр I собственноручно награждал трофеями Полтавской битвы: в распоряжении царя оказался и обоз шведского войска (3 000 возов⁴⁴).

Так, например, генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев, командовавший 27 июня 1709 года пехотой, получил седло Карла XII. Шведский король, раненный в ногу при рекогносцировке, передвигался во время битвы на носилках⁴⁵. Его же конь с полным убором попал в плен. По семейному преданию Шереметевых, седло Карла было подарено именно на поле боя. Сегодня оно хранится в собрании Эрмитажа, куда поступило в 1930-е годы из Фонтанного дома, дворца Шереметевых в Петербурге⁴⁶. Возможно, такая же судьба и у экземпляра Библии из собрания Брюса.

Второй экземпляр выявлен в коллекции Музеев Московского Кремля. Он подробно описан в статье зав. Отделом рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля Е.В. Исаевой, первой из исследователей попытавшейся проследить историю одного из экземпляров Библии, приписываемых Карлу XII⁴⁷.

⁴¹ В декабре 1927 года на заседании Комиссии по изучению старых редких и ценных книг Научно-исследовательского института книговедения (НИИК, 1920–1933) сотрудник БАН В.И. Бернер сделал доклад об этом экземпляре. Установить местонахождение рукописи не удалось. См.: Булгакова Л.В. Научно-Исследовательский Институт Книговедения за два года (октябрь 1926 — октябрь 1928) // Книга о книге. Л., 1929. Вып. II. С. 14–15.

⁴² Материалы для истории императорской Академии наук. С. 153.

⁴³ См.: Библиотека Я.В. Брюса. С. 43–44.

⁴⁴ См.: Максимов В.И. Трофеи и лавры Полтавы // Слово. 2004. № 2. С. 102–111; Его же. «Штандарты и трубы, знамена и барабаны...»: о судьбе взятых русскими под Полтавой боевых трофеев // Московский журнал. 2009. № 7. С. 18–26 и др.

⁴⁵ До начала 1960-х годов в Оружейной палате Московского Кремля хранились носилки Карла XII, входившие в число главных «полтавских трофеев». Сохранилась следующая архивная запись: «И по вышеписанному великого государя указу принять в полату Оружейную Семеновского полку у капитана-поручика Алексея Панина... генеральной под Полтавою баталии — королевские носилки, на них тюшак штофовый отласом писаным, каймы штофовые, подбито выбойкою цветною». Однако в начале 1960-х годов знаменитые носилки шведского короля были списаны и уничтожены как не представляющие исторической ценности, а по другой версии — из-за крайней ветхости. Однако, по всей видимости, настоящие носилки были уничтожены еще в 1737 году во время пожара в Московском Кремле, а те, что были найдены в Палатской кладовой в 1809 году, не принадлежали шведскому королю. См.: Максимов В.И. Трофеи и лавры Полтавы. С. 109; Болотина Н.Ю. «Взятое в баталии швейское ружье, и знамена, и литавры, и иные всякие военные припасы принимать в полату Оружейную»: документы РГАДА о трофеях, взятых у шведов после Полтавской виктории 27 июня 1709 г. / Н.Ю. Болотина, В.Р. Новоселов // Исторический архив. 2009. № 3. С. 16. В изученных нами монографиях и публикациях, посвященных Полтавской битве, факт передвижения Карла XII на носилках не оспаривается.

⁴⁶ См.: Максимов В.И. «Штандарты и трубы, знамена и барабаны...»: о судьбе взятых русскими под Полтавой боевых трофеев. С. 26; Образчиков В.Н. Седло неудачника Карла // Родина. 2009. № 7. С. 60 и др.

⁴⁷ Исаева Е.В. Библия Карла XII — экземпляр из собрания Музеев Московского Кремля // Музеи Московского Кремля. Материалы исследования. М., 2014. Вып. 22. С. 202–208.

*Разворот Библии Карла XII (Стокгольм, 1703)
с гравированным портретом Карла XII. Экземпляр Музеев Московского Кремля*

Как минимум с 1964 года⁴⁸ он находился в экспозиции Оружейной палаты, в отдельной витрине, которая рассказывала о периоде Северной войны (1700–1721)⁴⁹. В ней среди прочего находились остатки трофеев, захваченных русскими войсками после разгрома войск Карла XII под Полтавой: барабаны, литавры, медные фанфары, трубы, кремневые пистолеты и т.д. Особое

внимание сотрудники музея по традиции обращали, однако, не на книгу, а на шпагу и охотничий прибор с вензелем Карла XII⁵⁰.

В Оружейную палату эта Библия поступила из собрания московского коллекционера П.Ф. Коробанова (1767–1851)⁵¹. При экземпляре находится сопроводительная записка, заверенная библиофилом, в которой

⁴⁸ В установлении точной даты могут помочь сотрудники Музеев Московского Кремля, имеющие доступ к архивным документам организации. Указанный нами год взят неслучайно: именно тогда вышло несколько путеводителей по экспозиции Оружейной палаты (см. сноску № 49), где среди прочего упоминалась Библия Карла XII. Поэтому утверждение Е.В. Исаевой о том, что книга появилась в витрине памятников Северной войны в 1986 году, ошибочно. См.: Исаева Е.В. Библия Карла XII — экземпляр из собрания Музеев Московского Кремля. С. 205.

⁴⁹ См.: Оружейная палата / науч. ред. В.Н. Иванов. М.: Моск. рабочий, 1964. С. 67; По Кремлю: краткий путеводитель. 3-е изд., доп. М.: Моск. рабочий, 1964. С. 140 и др.

⁵⁰ Там же.

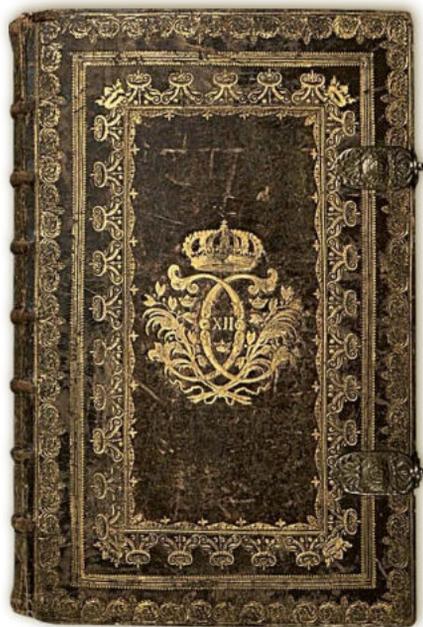
⁵¹ В литературе встречается и другое написание фамилии собирателя: Карабанов (с конца XIX века). См.: Исаева Е.В. Русский музей П.Ф. Коробанова в Москве. История собрания // Судьбы музейных коллекций: материалы VII Царскосельской науч. конф. СПб., 2001. С. 145–156; Полунина Н.М. Карабанов П.Ф. (1767–1851) // Коллекционеры старой Москвы / Н.М. Полунина, А.И. Фролов. М., 1997. С. 180–183; Клюканова О.В. Произведения из музея Павла Федоровича Коробанова в собрании отдела древнерусского искусства Русского музея // Коллекции и коллекционеры: сб. ст. по материалам науч. конф. XVI (Русский музей, Санкт-Петербург, 2008). СПб., 2009. Вып. 253. С. 71–79 и др.

излагается семейное предание о происхождении настоящего экземпляра:

«Библия походная, принадлежавшая Карлу XII королю шведскому, при разбитии его под Полтавою в удел досталась князю Алексею Ивановичу Шаховскому в последствие бывшему в чине генерал-аншефа и при императрице Анне Иоанновне в Малороссии управлявшему на правах гетмана, а по кончине его, в 1737 г. последовавшей, перешла к сыну его князю Николаю Алексеевичу, что свидетельствуется подписью на первых листах. Он начальствовал Лейб-гвардии в конном полку и в 1766 г. также скончался, родная сестра Агриппина Алексеевна наследница его имения получила эту книгу, она была супругою генерал-лейтенанта Леонтия Михайловича Корованова, родного моего деда»⁵².

В нашем распоряжении есть фотографии экземпляра из собрания Музеев Московского Кремля. Он заключен в переплет из деревянных досок, обтянутых коричневой кожей с золотым тиснением. Крышки украшены орнаментальными рамками с коронами в уголках. В центре верхней крышки вновь видим монограмму Карла XII под королевской короной. Золоченый обрез. Две металлические застежки с вензелем шведского короля под короной. Обе пряжки украшены клеймом в форме щитка с крылатым сердцем с литерами С С Н⁵³. Е.В. Исаева предполагает, что это клеймо переплетной мастерской Кристины Катарины Хёёк.

Итак, перед нами *второй* экземпляр Библии 1703 года, также приписываемый собранию шведского короля, но его

*Переплет Библии Карла XII (Стокгольм, 1703).
Экземпляр Музеев Московского Кремля*

оформление гораздо богаче, чем у подобного издания из коллекции ГПИБ.

Примечательно, что до Е.В. Исаевой никто не подвергал сомнению принадлежность книги Карлу XII: «В Описи библиотеки Оружейной палаты начала XX в. читаем: “Экземпляр Библии на шведском языке, принадлежавший, по-видимому, Карлу XII”». Осторожная оговорка «по-видимому», вероятнее всего, была сделана библиотекарем Оружейной палаты Д.И. Успенским. Из этой же Описи мы узнаем, что 30 января 1924 г. Библия была принята в число музейных экспонатов. Ее принадлежность шведскому королю никогда не подвергалась сомнению»⁵⁴.

С сожалением приходится констатировать: не менее «осторожные», чем у ее

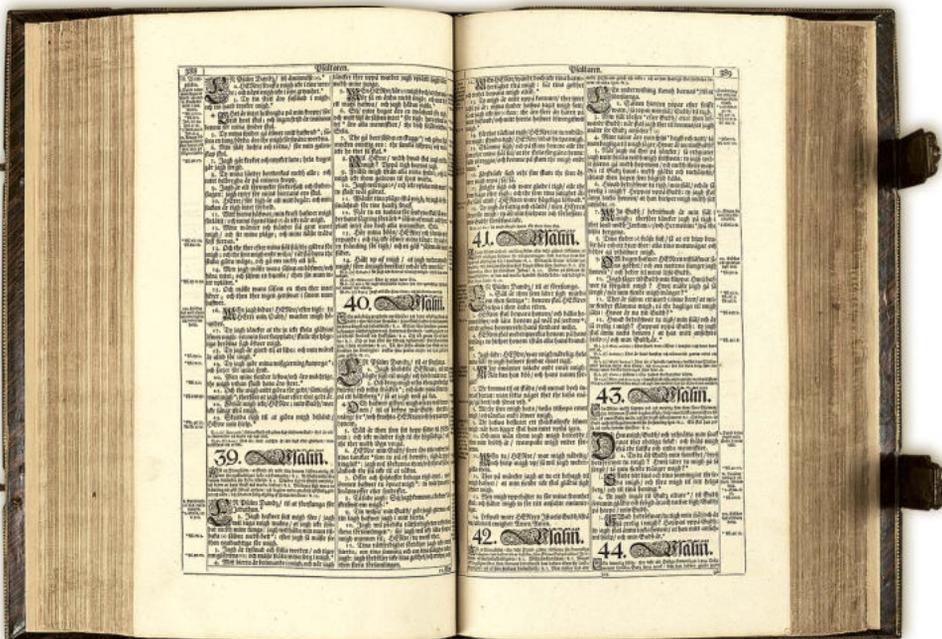
⁵² Цит. по: Исаева Е.В. Библия Карла XII — экземпляр из собрания Музеев Московского Кремля. С. 202.

⁵³ Такое же клеймо на внутренних сторонах застежек и уголков (о чем, видимо, забыла упомянуть Е.В. Исаева) присутствует и на экземпляре Библии из собрания ГПИБ.

⁵⁴ Исаева Е.В. Библия Карла XII — экземпляр из собрания Музеев Московского Кремля. С. 204–205.

Разворот с портретом Карла XII из Библии Карла XII (Стокгольм, 1703).
Экземляр Библиотеки Гётеборгского университета (Göteborg University Library)

Разворот из Библии Карла XII (Стокгольм, 1703).
Экземляр Библиотеки Гётеборгского университета (Göteborg University Library)

предшественников, выводы Е.В. Исаевой («мы не можем говорить о Библии из собрания Оружейной палаты как о памятнике, безусловно принадлежавшем лично шведскому королю, хотя такую возможность мы не можем ни исключить, ни подтвердить документально»⁵⁵) не положили начало новому периоду в изучении экземпляра Музеев Московского Кремля. Напротив, мы с удивлением обнаружили путеводители, изданные в 2019 году, где среди прочего упоминается «личная походная Библия шведского короля Карла XII», будто и нет сомнений в ее истории⁵⁶.

И завершая рассказ об экземпляре Музеев Московского Кремля, обратим внимание на досадную ошибку Е.В. Исаевой. Она отмечает, что, по сведениям директора Оружейной палаты Д.Д. Иванова, в библиотеке ГИМ как минимум в 1923 году находилась еще одна Библия Карла XII. Но исследовательница не смогла найти ее следы в нынешнем фонде музея, о чем честно написала в статье⁵⁷. Уверены, читатели настоящей статьи уже догадались, что речь шла об известном нам экземпляре ГПИБ.

Третья Библия также упоминается в специальной литературе⁵⁸. Согласно легенде, и эта книга принадлежала «книголюбивому» Карлу XII и была взята русскими солдатами в шведском лагере

в качестве трофея. Позднее экземпляр вернулся в Швецию и ныне находится в коллекции Королевской библиотеки в Стокгольме. Его оформление идентично экземпляру Коробанова.

* * *

Россия располагает одним из наиболее внушительных собраний шведской книги XVIII века, находящихся за пределами Скандинавии. Об этом на основании изучения тринадцати частных библиотек указанного периода писал известный историк Г.А. Некрасов⁵⁹. Согласно его сведениям, репертуар шведской книги в них отражал почти все отрасли знания: естественные и социальные науки, технику, филологию и языкознание⁶⁰. И хотя шведская литература в русских частных книжных собраниях носила в основном светский характер, Некрасов нашел там и религиозные издания⁶¹. Возможно, среди них были и другие экземпляры карловской Библии⁶².

Таким образом, нам известно, точно и достоверно, о пяти экземплярах издания 1703 года, связанных (согласно провенансу) со шведским королем. Причем лишь более-менее достоверно

⁵⁵ Там же. С. 208.

⁵⁶ См.: Валявин Д.К. Петр Великий: первый российский император: книга для семейного чтения. М.: Московский Кремль, 2019. С. 91; Оружейная палата: путеводитель: государственные регалии, коронационный костюм, парадное оружие, шедевры ювелирного искусства / Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; [авт.-сост. Т.В. Филатова]. М.: Московский Кремль, 2019. С. 127.

⁵⁷ См.: Исаева Е.В. Библия Карла XII — экземпляр из собрания Музеев Московского Кремля. С. 208.

⁵⁸ См.: Там же. С. 207–208.

⁵⁹ См.: Некрасов Г.А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. М.: Наука, 1993. С. 147–157.

⁶⁰ К сожалению, они не являются исчерпывающими и содержат минимальные количественные показатели из-за недостатка данных об отдельных коллекциях (за исключением библиотек Петра I, Брюса, П.Г. Демидова и Шереметевых). Составленный Некрасовым список насчитывал лишь 268 названий.

⁶¹ Некрасов Г.А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. С. 157.

⁶² Отметим, что сведения Некрасова свидетельствуют о том внимании, которым пользовались тогда в России шведская наука и культура.

принадлежала Карлу XII только одна из них, находящаяся в собрании Королевской библиотеки в Стокгольме, что подтверждается архивными документами. Другие экземпляры, по всей видимости, нуждаются в дополнительном изучении.

* * *

Сегодня довольно сложно реконструировать их судьбы. Предположим, что как минимум 18 экземпляров Библий на шведском языке (Стокгольм, 1703) было на поле брани. Откуда эта цифра? Шведская армия обычно имела по одному священнику для каждого батальона (в сражении под Полтавой участвовало 18 таковых)⁶³. Они играли существенную роль в поддержании морального состояния войска: проводили церковные обряды, читали утренние и вечерние молитвы, благословляли перед сражением и др. Эту же цифру находим в донесениях шведского генерал-майора К.Г. Рооса, участника Полтавской битвы⁶⁴. Логично предположить, что у каждого батальонного священника был как минимум один экземпляр Библии для проведения различных церковных обрядов. Сколько еще этих книг могло находиться в шведском войске, насчитывавшем перед Полтавской битвой 26 550 чел.⁶⁵, вряд ли сейчас возможно установить.

Также представляется маловероятным выяснить, какой из экземпляров, подобранных на поле брани или изъятых из обоза неприятеля, принадлежал

именно Карлу XII. Как мы понимаем, на всех Библиях, находящихся на территории России, нет владельческих записей или иных автографов шведского короля. Оформление переплета также могло бы подсказать, кому ранее принадлежала книга. Об особенностях тиража шведской Библии поговорим ниже. Но все это вряд ли поможет нам в установлении истины — необходимо изучать шведские архивы, и прежде всего, архив переплетной мастерской Кристины Катарини Хёёк (если он, конечно, сохранился).

Каким еще образом шведская Библия могла попасть в Россию? Помимо военного пути? Вариантов может быть множество, и один из них самый очевидный — в процессе купли-продажи. Не стоит забывать о землях, которые отошли России после подписания Ништадтского мирного договора в 1721 году⁶⁶, в т.ч. Лифляндия, Эстляндия и часть Карелии с городами Выборг, Кексгольм (ныне г. Приозерск) и др.⁶⁷ На их территориях могли находиться Библии 1703 года издания. И здесь мы вновь вынуждены обратиться к методам торговли отдельных недобросовестных антикваров и букинистов прошлого⁶⁸ (хотя и в настоящее время таковых немало). Продать вещь с «историей», более похожей на легенду, всегда практиковалось в этой среде. Их жертвами могли стать не только некомпетентные коллекционеры, но и более просвещенные любители редких книг.

Иногда собирателям «хотелось» обмануться. Кроме того, если продавец или

⁶³ См.: Кротов П.А. Битва при Полтаве. С. 138; Сандин П. Шведская армия при Карле XII // От войны к миру: Россия — Швеция: XVIII век. Вып.2: Военные противостояния. СПб.: Славия, 1999. С. 27.

⁶⁴ См.: Полтавская битва 27 июня 1709 года. С. 553.

⁶⁵ См.: Кротов П.А. Битва под Полтавой. С. 297.

⁶⁶ С российской стороны мирный договор подписывали А.И. Остерман и Я.В. Брюс.

⁶⁷ См.: Кротов П.А. Ништадтский мир. 1721 // Большая российская энциклопедия. М., 2013. Т. 23. С. 91–92.

⁶⁸ См.: Катагощина М.В. Антикварное дело в России XVIII — первой трети XX века. С. 241–260.

*Луи Каравак (Louis Caravaque). Полтавское сражение. Россия, 1718. Фрагмент.
Государственный Эрмитаж*

даритель ловко апеллировал такими понятиями, как «семейная реликвия». Об одном из таких случаев рассказал фольклорист, друг поэта Александра Блока Е.П. Иванов:

«Как знаток старинного фарфора и хрустали в старом С.-Петербурге пользовался большой популярностью упомянутый мною выше антикварий Мендель Ерухимович Свердлов. Один из великих князей увлекался этой областью коллекционирования. Услыхав про большого специалиста, князь решил показать ему все свои многочисленные приобретения. Однажды к Свердлову явился блестящий адъютант, передавший перепуганному антикварию приглашение высокопоставленного лица. Сам Мендель Ерухимович рассказывал об этом приблизительно так:

— Как еврей, проживавший в столице лишь благодаря купеческой гильдии, я чувствовал себя не особенно прочно. Строгие, тяжелые были тогда времена. Заволновался я, да и как, в каком costume явиться к великому князю? Ну, думаю, дер-

жись Мендель Ерухимович! Явился... Великий князь за руку со мной поздоровался. Осмотрел я всю коллекцию... Всякий там товар был, и хороший, и слабый, больше чашки и фигуры. Оценил, забраковал кое-что. Узнал, между прочим, стоящую на верхней полке шкафа фигуру и говорю: «А вот эту фигурку я знаю — старый Гарднер, метка крючком, у ней трещина на ножке». — «Как знаете, — удивился великий князь, — откуда?!» — «Да как же не знать, — отвечаю, — она у меня с месяц тому назад графом одним куплена, я ей и ножку чинил. С Александровского рынка она, год назад ее купил». Приказали снять фигурку. Какой-то генерал сам за ней полез. Достали. Все, как я сказал, так и есть: и клеймо, и починочка. Только, вижу, смутился великий князь, наскоро со мной простился и ушел. А генерал один вышел из его кабинета да, как зверь, на меня набросился: надо было вам, кричит, язык развязывать, вздор разный болтать, да я вас, да будете знать! Еле я опомнился

Внешний вид Библии Карла XII (Стокгольм, 1703).
Экземпляр Библиотеки Гётеборгского
университета (Gothenburg University Library)

от страха. “А почему, — спрашиваю, — нельзя было говорить?” — “А потому, — объясняет, — что фигурку эту, как свою фамильную редкость, верноподданнически поднес великому князю граф (такой-то), и милости за это получил. Зарубите себе на носу, что вы ошиблись, наврали, как хотите выкручивайтесь, а то вас граф из столицы вышлет”. Пришел я домой без памяти и в лихорадке. Как вам это дело нравится? А?!”⁶⁹

⁶⁹ Иванов Е.П. Меткое московское слово: быт и речь старой Москвы. М.: Моск. рабочий, 1982. С. 135–136.

⁷⁰ Яковенко Е.Б. Переводы Библии на германские языки // Скандинавские языки: диахрония и синхрония. М., 2001. Вып. 5. С. 274.

⁷¹ См., напр.: Обстоятельное описание торжественных порядков благополучнаго вшествия в царствующий град Москву и священнейшаго коронования ея августейшаго императорскаго величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: Печ. при Императорской акад. наук, 1744. [2], 168 с., [1] л. фронт., 49 л. ил., план.

* * *

Но почему именно Библия 1703 года неоднократно называлась в литературе «Библией Карла XII»? Ответ кроется в истории переводов Библии на шведский язык. Известно, что вскоре после того, как Швеция приобрела независимость от Дании (начало XVI в.), в Стокгольме по повелению короля был издан перевод Нового Завета на шведский язык. В его основе лежали, наряду с текстом Лютера, Вульгата и греческий текст, подготовленный и изданный Эразмом Роттердамским⁷⁰.

Первой полной Библией в Швеции стала так называемая Библия Густава Васы (по имени шведского монарха), изданная в Упсале в 1541 году на основе Лютеровской Библии и предшествующего шведского перевода. Это также первый полный перевод Библии, выполненный на скандинавском языке. Его исправленная версия появилась в 1618 году под названием Библии Густава Адольфа. Очередная версия, в которую Эрик Бенцелиус внес в 1703 году незначительные изменения, стала называться *Библией Карла XII*, причем инициатива ее создания исходила еще от его отца — Карла XI. Таким образом, налицо любопытнейшая коллизия: *Библия Карла XII* вовсе не обязательно принадлежала самому шведскому монарху.

Библия 1703 года вышла в нескольких вариантах оформления в рамках одного тиража. Подобная издательская практика⁷¹ носила общепринятый харак-

тер не только в Европе, но и в России. Вспомним коронационный альбом императрицы Елизаветы Петровны (СПб., 1744), выдающийся памятник русского гравировального искусства середины XVIII века.

Итак, тираж шведской Библии — 4000 экземпляров, из них 2500 предназначалось для церквей и монастырей, и лишь 1500 попали в продажу. Цена книги составляла 20 талеров, переплет заказывался дополнительно. Его выполняли не только в столице, но и в других шведских городах⁷².

Известно, что осенью 1703 года, по выходе в свет тиража издания, один экземпляр, переплетенный лично К. Хёёк, был поднесен Карлу XII⁷³. К сожалению, мы не обладаем достаточными сведениями, чтобы идентифицировать в нем экземпляр в роскошном красном сафьяновом переплете из Королевской библиотеки в Стокгольме.

К сожалению, трофеи и реликвии Полтавской битвы за 313 лет так и не получили должного внимания со стороны исследователей. Как показала история шведской Библии, долгие годы они были окружены всевозможными мифами и легендами из числа «семейных преданий». Лишь в 2009 году впервые были опубликованы отдельные документы, касающиеся передачи Полтавских трофеев в Оружейную палату в 1710 году⁷⁴... Надеемся, что наш материал даст новый толчок в освещении этой интересной, но до сих пор малоизученной библиофильской темы.

Таким образом, скорее всего, Библия Карла XII из собрания ГПИБ не была

собственностью шведского короля. Возможно, она могла находиться среди обоза его войска, хотя и это осторожное суждение представляется на сегодняшний день излишне оптимистичным.

Настоящая работа должна быть продолжена: прежде всего, на основе архивных источников. Изучение других экземпляров, в том числе из собрания Королевской библиотеки в Стокгольме, позволит значительно дополнить историю распространения и бытования Библии Карла XII в России. [ПК]

Титульный лист. Экземпляр Библиотеки Гётеборгского университета (Gothenburg University Library)

⁷² Исаева Е.В. Библия Карла XII — экземпляр из собрания Музеев Московского Кремля. С. 206.

⁷³ Там же. С. 207.

⁷⁴ См.: Болотина Н.Ю. «Взятое в баталии свейское ружье, и знамена, и литавры, и иные всякие военные припасы принимать в палату Оружейную». С. 14–35.

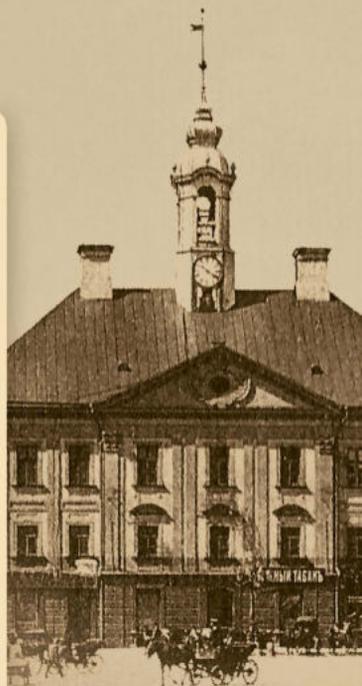

О БИБЛИОТЕЧНЫХЪ ЗНАКАХЪ
ТАКЪ-НАЗЫВАЕМЫХЪ EX-LIBRIS'АХЪ
по поводу 200-лѣтїя ихъ примѣненїя въ Россїи
1702-1902.
(Съ многими иллюстраціями)

ИЗВѢСТІЯ
МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА
БИБЛИОТЕЧНЫХЪ И КНИЖНЫХЪ
ЗНАКОВЪ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ

У. Г. ПИВАСКЪ.
СЕЛО СУХАНОВО,
ПОДМОСКОВНАЯ
СВѢТЛѢЙШИХЪ КНЯЗЕЙ
ВОЛКОНСКИХЪ.

МОСКВА.
1915.

«Он умел воодушевлять других и прививать им любовь к прекрасному...»

Воспоминания Елены Кульпа-Иваск о своем отце

М.М. Богданович

«Даже одно воспоминание о милом Удо Георгиевиче наполняет сердце чувством преклонения и восхищения»

Б.С. Боднарский

Столетие со дня кончины (15 мая 1922 года, в Тарту, на 44-м году жизни) выдающегося эстонско-русского библиофила и библиографа Удо Георгиевича Иваска (1878–1922) — повод вспомнить, что в России, к сожалению, так и не появилось посвященной ему биографии, обстоятельной и подробной (хотя попытки приступить к ее написанию, разумеется, были)¹.

Нам сейчас доступна только архивная копия полного жизнеописания У.Г. Иваска: оно было составлено его дочерью Еленой Удовной Кульпа-Иваск (1910–2005) и в машинописном виде передано в 1981 году в несколько библиотек и архивов Эстонии и России (вместе с весьма обширным архивом самого Иваска). Ценнейшие фактические и библиографические сведения, уникальные личные воспоминания (не

только Елены Удовны, но и друзей, и знакомых ее отца), собранные вместе, дают замечательную картину жизни и деятельности этого «великого любителя книг» (В.Л. Снегирев)².

Елена Удовна готовила свои заметки «не для печати», но очень надеялась, что они смогут послужить надежным источником для книги об Удо Георгиевиче Иваске³.

Воспоминания Елены Удовны состоят из двух взаимодополняющих частей. Очерк «**О жизни и деятельности Удо Георгиевича Иваска. Библиографические материалы**» (ОР РГБ. Ф. 783. Ед. хр. 783.7.62. Далее — I), датированный 1978 годом, открывается фотографическим портретом У.Г. Иваска работы

¹ Столяров Ю.Н. Удо Георгиевич Иваск как деятель библиокультуры: нерализованные проекты книги о нем // Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития: к 95-летию Центр. науч. б-ки им. Якуба Коласа НАН Беларуси. Минск, М., 2020. С. 499–505.

² См.: Снегирёв В.Л. Из личных воспоминаний об У.Г. Иваске / публ. Л.Г. Якуниной (Ларионовой) // Библиофильские известия. 2011. № 11. С.44–49.

³ См.: Кульпа-Иваск Е.У. Образцы библиографической классики: (библиогр. деятельность У.Г. Иваска) // Библиография. 1992. № 5/6. С. 145–150.

У.Г. Иваск

П.П. Павлова (1897 год)⁴. Здесь Елена Удовна стремилась дать «подробное и абсолютно правдивое в смысле достоверности и точности фактов хронологическое описание жизни и деятельности» отца (I. Л. 4). Она старалась «описывать подробнее все те детали из жизненного пути», которые «в значительной степени» объясняют, почему У.Г. Иваск выбрал сферу книжной культуры, «стимулы его трудов и процесс их возникновения», «увлечения и интересы» (I. Л. 5).

Очерк **«Страницы из жизни Удо Георгиевича Иваска»** имеет подзаголовок — «На основании автобиографических, мемуарных и эпистолярных

материалов У.Г. Иваска и высказываний, и воспоминаний о нем других лиц» (ОР РГБ. Ф. 783. Ед. хр. 783.8.3. Далее — II). Машинопись датирована: 20 декабря 1979 года. В ней собраны «живые свидетельства, суждения и воспоминания», «освещающие пройденный путь» У.Г. Иваска, «его духовный облик, характер и внутреннюю жизнь, интересы, времяпрепровождение, его встречи и знакомства с бесчисленными книжниками <...>, с художниками и с другими близкими или интересными для него лицами» (II. Л. 1).

Личные воспоминания удачно дополнены материалами из отцовского архива (это автобиографии, дневники, письма, генеалогические сведения и др.) и из архивов различных учреждений, а также воспоминаниями друзей, знакомых и т.п. Елена Удовна не считала себя вправе давать научную оценку трудам отца и поэтому обращалась к «наиболее важным изданиям по истории русского и эстонского книговедения и библиофильства», так или иначе связанным с его деятельностью (I. Л. 4).

Первая рукопись с подробной хронологией жизни и деятельности почти в полтора раза превышает по объему вторую⁵. Много страниц посвящено исследованиям У.Г. Иваска по генеалогии и книговедению, в том числе так и не увидевшим свет (или незавершенным), работе в библиотеке Румянцевского музея, тартускому периоду его жизни.

Здесь уместно подчеркнуть, что У.Г. Иваск все свои труды создавал в «свободное от работы время». С 1898 года

⁴ П.П. Павлов (1860–1924) — известный московский фотограф, член Русского фотографического общества, владелец фотоателье на Мясницкой улице. Его работы хранятся в фондах Исторического музея, Российской государственной библиотеки и др.

⁵ Существует еще один вариант воспоминаний на эстонском языке, который «несколько отличается» от варианта на русском языке. Kulpa, H. Udo Ivaski eluteest ja tegevusest: Biobibliograafilisi materjale. Käsikiri masinakirjas. Tartu, 1978–1979. 180 l. Fotodega. TÜR KHO. F. 33. S. 45. Sama vene keeles.

Здание Московского совета детских приютов (слева)

он служил секретарем в частной коммерческой конторе К. Я. Гретера⁶. В 1908 году «материальное состояние весьма улучшилось в связи с получением его женой наследства после смерти ее матери» (I. Л. 18). С 1 апреля 1910 года по 1917 год он занимал должность почетного старшины при Московском совете детских приютов⁷. За выслугу лет У. Г. Иваск получил чин коллежского регистратора, а позже — губернского секретаря. В 1918 году он поступил на службу в Библиотеку Румянцевского музея (I. Л. 72).

Разумеется, немало страниц посвящено У. Г. Иваску как исследователю книжного знака (особенно — как «первопроходцу» в его научном изучении в России)⁸. К 1905 году он располагал, вероятно, самой крупной подобной коллекцией в стране. Его публикации в зарубежных журналах, участие в деятельности аналогичных обществ Германии и Швейцарии повышали авторитет российского искусства экслибриса. Более того, он содействовал вступлению в зарубежные клубы других российских собирателей (например, В. К. Трутовского).

⁶ Гретер К. Я. — член администрации Фабрично-торгового товарищества А. И. Абрикосова в Москве (кондитерская фабрика), директор Хамовнического пивомедоваренного завода.

⁷ Благотворительная организация, которая до революции координировала деятельность детских приютов в Москве. Все они входили в систему Ведомства учреждений императрицы Марии (названа в честь Марии Федоровны, супруги Павла I, которая с 1797 г. приняла в свое ведение Воспитательные дома). Сейчас в этом здании — Московский государственный лингвистический университет (Остоженка, 36); на фасаде указаны две даты — год учреждения (1842) и год постройки (1890). Осенью 1917 г. Совет детских приютов был передан в состав Министерства государственного призрения, а в декабре — упразднен.

⁸ См.: Орлов Н. Н. Удо Георгиевич Иваск как исследователь русского книжного знака. М.: Изд. П. Витязева, 1927. 67, [5] с. ил., портр.

Экслибрис графа К.-Э. Лейнинген-Вестербурга
(работы Ханса Волкерта)

Экслибрис графа К.-Э. Лейнинген-Вестербурга
(работы Георга Отто фон Розена). 1900

« Еще юношей, вскоре после своего приезда в Москву, посещая богатые библиотеки города и пользуясь там книгами, У.Г. обратил особое внимание на экслибрисы.

Занимаясь в ателье К.А. Коровина и Строгановском училище технического рисования, У.Г. выполнил свой первый экслибрис для библиотеки своего отца — Георгия Фомича Иваска. Рисунок был им сделан 14 марта 1898 г., но отпечатан позднее. В своем труде «Описание русских книжных знаков» (М., 1905. Вып. 1), У.Г. указывает год печатания — 1901, но в тот год был отпечатан полный тираж, пробные же экслибрисы были напечатаны ранее, а именно — не позднее октября 1900 г., а может быть, и раньше. <...> В своих воспоминаниях У.Г. писал, что этот экслибрис <...> он отправил весной 1900 г. экслибрисисту графу Карлу-Эмиху цу Лейнинген-Вестербургу [Известен он, в первую очередь, своей уникальной коллекцией экслибрисов и справочником: *Deutsche und Oesterreichische Bibliothekzeichen. Exlibris. Ein Handbuch für Samler Bücher- und Kunstfreunde. Stuttgart, 1901*] в Мюнхен и получил <...> письмо от 5 мая 1900 г. с благодарностью за этот экслибрис.»

Е.У. Кульпа-Иваск
(ОР РГБ. 783.7.62. С. 78)

« В 1900 г. У.Г. познакомился с коллекциями экслибрисов видных московских антиквариев — А.М. Старицына и П.П. Шибанова. <...>

У.Г. пишет: « Из разговоров со Старицыным и Шибановым я вынес впечатление, что собирателей exlibris'ов у нас очень мало и что самый вопрос о книжных или библиотечных знаках в России почти не затронут. Порывшись в русских журналах, я действительно нашел всего лишь две статьи по данному предмету... Это обстоятельство навело меня на мысль заняться русскими книжными знаками <...>».

С этой целью У.Г. познакомился прежде всего с Д.В. Ульянинским и А.П. Бахрушиным...»

Е.У. Кульпа-Иваск
(ОР РГБ. 783.7.62. С. 79)

Преимущественно на основе своего собрания он создал фундаментальный труд «Описание русских книжных знаков», три тома которого увидели свет в 1905, 1910 и 1918 годах соответственно (четвертый том, к сожалению, остался в рукописи)⁹. У.Г. Иваск стремился подчеркнуть значение экслибриса как символа развития любви

к книге и библиофильству. В процессе работы им были исследованы и другие частные коллекции. Информацию о выявленных собраниях У.Г. Иваск опубликовал под названием «Список собирателей книжных знаков» в журнале «Известия книжных магазинов т-ва М.О. Вольф» (1904. № 1).

« Между прочим, У.Г. провел особое исследование об одном из старейших русских экслибрисов и установил на основании изображенного <...> герба его принадлежность сподвижнику Петра Великого — фельдмаршалу Я.В. Брюсу [См. статью У.Г. в «Известиях Московского общества любителей книжных знаков», 1907. Вып. 1]. В этой атрибутике долгое время сомневался известный специалист — гербовед-экслибрисист В.К. Лукомский, однако, после долгих розысков, В.К. Лукомский убедился в правильном выводе У.Г., как об этом писал в свое время экслибрисовед-библиофил Н.Н. Орлов [См.: Орлов Н.Н. Удо Георгиевич Иваск как исследователь русского книжного знака. М., 1927. С. 25–26].

<...> В 1963 г. <...> Б. Вилинбахов писал, что установление принадлежности экслибриса Я.В. Брюсу позднее дало возможность <...> определить автора анонимных заметок, сделанных от руки в книге, снабженной экслибрисом Я.В. Брюса [См.: Вилинбахов Б. Книжный знак // Лит. Россия. 1963. № 12. С. 22. Об этом же писал О.Г. Ласунский: Книжный знак. Воронеж, 1967. С. 75].»

Е.У. Кульпа-Иваск
(ОР РГБ. 783.7.62. С. 81)

Другое направление деятельности в области экслибрисистики — организация Московского общества любителей

книжных знаков для научного изучения экслибрисов и для расширения круга коллекционеров. В 1902–1903 годах

⁹ Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков. (Ex-libris). М., 1905–1918.

А.К. фон Мекк

в Москве вокруг Иваска образовалась своего рода «инициативная группа» — небольшой библиофильский кружок (В.К. Трутовский, Д.В. Ульянинский, А.К. фон Мекк, А.А. Бахрушин).

В.К. Трутовский, археолог, востоковед и нумизмат, ученый хранитель Оружейной палаты в Московском Кремле, не нуждается в особом представлении¹⁰. Если имена Бахрушина и Ульянинского знакомы современным библиофилам, то Александр Карлович фон Мекк достоин отдельного упоминания.

Известный благотворитель, фактический основатель русского профессионального альпинизма, библиофил и библиограф, владелец одного из лучших отечественных книжных собра-

ний по экономике и предпринимательству, член и учредитель многих обществ (в том числе Русского горного общества, Общества содействия русскому торговому мореходству и др.), А.К. фон Мекк был членом правления Общества Московско-Казанской железной дороги.

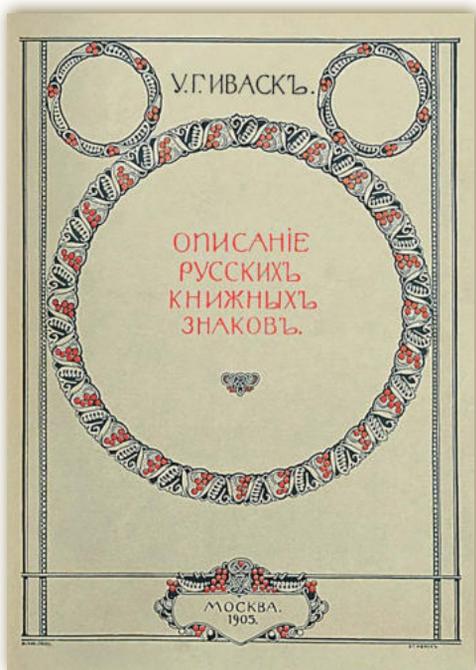
В 1905 году Московское общество любителей книжных знаков было оформлено официально и зарегистрировано. 21 ноября 1905 г. состоялось учредительное собрание, из протокола которого следует, что председателем был избран А.К. фон Мекк, секретарем — У.Г. Иваск, казначеем и одновременно товарищем председателя — В.К. Трутовский. Как пишет Елена Удовна, «У.Г. принципиально отказался быть председателем в им созданном обществе» (I. Л. 38). Однако уже вскоре из-за недостатка средств и отсутствия единства мнений участников о перспективах его развития общество распалось.

Первый выпуск журнала «Известия Московского общества любителей книжных знаков» (1907) так и остался единственным (сейчас большая редкость!). В 1919 году, уже в новых условиях, Иваск возродил общество, однако и теперь оно просуществовало недолго. Елена Удовна считала, что именно эта инициатива впоследствии облегчила создание объединений экслибрисистов в России (I. Л. 27, 35–40, 118–119).

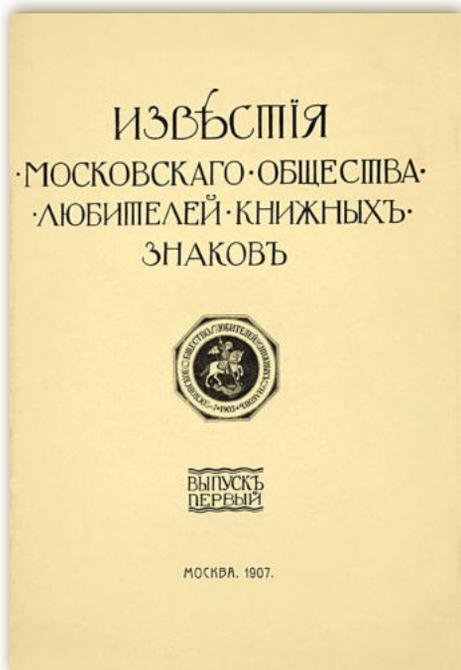
Изучение книжных знаков, с точки зрения Иваска, было невозможно без исследования истории частных книжных собраний — ведь экслибрис «первым делом должен служить своему прямому назначению, т.е. быть знаком или клеймом библиотеки»¹¹. Именно поэтому он

¹⁰ Его книга была сверстана, но не вышла из печати (известно два сигнальных экземпляра, один из которых есть в РНБ): Трутовский В.К. У.Г. Иваск и книжные знаки его работы. М., 1919.

¹¹ Иваск У.Г. О собирании книжных знаков // Известия Московского общества любителей книжных знаков. М., 1907. Вып. 1. С. 6–7.

Обложка первого выпуска труда
У.Г. Иваска «Описание русских книжных знаков»
(М., 1905)

Обложка первого и единственного номера
журнала «Известия Московского общества
любителей книжных знаков» (1907)

систематически собирал сведения о личных книжных собраниях. Труд «Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя» был опубликован в «Русском библиофиле» Н.В. Соловьева

в 1911–1912 годах¹². (Кстати, У.Г. Иваск — не только один из активных авторов «Русского библиофила», но и составитель росписи данного журнала, оставшейся неопубликованной.)

«Наиболее популярным трудом У.Г. в России <...>, а также получившим международную известность, является его «Описание русских книжных знаков» <...>. Мало кому известно, что У.Г. составлял в 1918–1920 гг. 4-й выпуск. Из-за внезапной ранней кончины автора труд остался в процессе собирания и описывания материала, не отредактирован для печати, в виде рукописи. 4-й выпуск состоит из 414 листов с описанием 435 экслибрисов (при этом не учтены цветные разновидности печати и бумаги), принадлежавшие 363 владельцам. <...> Описаны коллекции <...> 6 лиц: 1) У.Г. Иваска; 2) московского библиофила И.Г. Вишневского; 3) московского издателя И.П. Сотникова; 4) московского экслибрисоведа В.К. Трутовского — и двух петроградских экслибрисистов: 5) Ю.А. Нелидова и 6) А.А. Сиверса. Незначительным добавлением являются сведения, взятые из книги: Книжные знаки. Пг.: Петрополис, 1918.

¹² Русский библиофил. 1911. № 3–8. Отд. оттиск: СПб., 1911. Вторая часть была опубликована как приложение к журналу (Ч. II. СПб., 1912. 80 с.).

Рукопись написана рукой У.Г. и лишь несколько экслибрисов его работы, которые он не успел описать, описаны мною. >>

*Е.У. Кульпа-Иваск
(ОР РГБ. 783.7.62. С. 86)*

Елена Удовна излагает историю публикации труда «Частные библиотеки в России...», основываясь на переписке и дневниках своего отца. Н.В. Соловьев заинтересовался работой Иваска еще до выхода первого номера своего журнала и просил отдать материал ему для публикации с оплатой 60 рублей за лист (позже автор отказался от гонорара). Однако объем оказался слишком большим — и Н.В. Соловьев попросил убрать 300 описаний, обещая, что позже они будут выпущены как приложение к журналу (II. Л. 38–39), что и было сделано.

Библиофил и книговед Н.Ю. Ульянинский отмечал, что «труду У.Г. Иваска <...> принадлежит почетное место не только в русской библиографии, но и в русской науке вообще»¹³.

* * *

Наибольший интерес для историков библиофильства, на наш взгляд, представляют именно личные воспоминания Елены Удовны, малоизвестные даже специалистам, которые содержатся в очерке «Страницы из жизни Удо Георгиевича Иваска».

В главе «Встречи и знакомства» — галерея портретов книговедов, библиографов, историков, антикваров, библиофилов. Наиболее близкая дружба связывала У.Г. Иваска с Б.С. Боднарским, Н.М. Лисовским и Д.В. Ульянинским: «С ними папа постоянно встречался в связи с книговедческой деятельностью,

а также все трое часто бывали и у нас дома» (II. Л. 14).

Богдан Степанович Боднарский (1874–1968) учился вместе с У.Г. Иваском в Московском археологическом институте, позже они оба были членами правления Русского библиографического общества при Московском университете, а с 1913 года входили в редакцию журнала Общества — «Библиографические известия».

Любопытная подробность: сейчас этот журнал среди книговедов и библиографов, как правило, ассоциируется исключительно с именем Б.С. Боднарского. А вот Елена Удовна приводит слова отца (из неопубликованной рукописи) о том, что именно он являлся инициатором создания журнала, который возник «по мысли У.Г. Иваска, неоднократно доказывавшего на общих и комитетских собраниях необходимость в собственном периодическом органе» (I. Л. 74).

Б.С. Боднарский и У.Г. Иваск дружили семьями, но «беседы обоих ученых были посвящены обычно почти исключительно книговедческим проблемам, которые они считали крайне важными жизненными вопросами» (II. Л. 15–16). По словам Елены Удовны, оба были «очень музыкальными, а также большими любителями музыки». Однако у них при встречах никогда не оставалось времени на музицирование. «До последнего дня своей жизни (именно так, не преувеличиваю нисколько!) Богдан Степанович свято хранил память об

¹³ Ульянинский Н.Ю. С тщательностью и любовью // В мире книг. 1979. № 2. С. 78. (Статья написана в 1922 г. под заголовком «У.Г. Иваск и его роль в науке о книге».)

Удо Георгиевиче¹⁴. Я состояла с Богданом Степановичем в переписке с 1940 г. до его смерти в 1968 г., и он постоянно писал мне, никогда не упуская случая, чтобы снова и снова не восхвалять папину личность и его труды. Его заветным желанием было появление в печати монографии об У. Г-че, которая углубленно и достойно оценила бы всю деятельность книговеда» (Ш. Л. 16).

Общение с Николаем Михайловичем Лисовским (1854–1920), который «носил большую красивую пушистую белую бороду, на шнуре висело пенсне», — стало особенно тесным после его переезда в Москву в 1914 году. У.Г. Иваск нередко «пользовался книжным собранием Николая Михайловича и проводил у него за работой частые вечера. Вместе с папой заходили к Лисовским нередко и мы с мамой <...> В 1915 г. Лисовские вместе с Ивасками провели пару месяцев на даче в Суханове» (Ш. Л. 22).

Дмитрий Васильевич Ульянинский (1861–1918) стал первым библиофилом, с которым У.Г. Иваск близко познакомился в Москве¹⁵. Оба собирателя «любили красивое оформление книг, умели исследовать редкие издания и описывать книги по точно выработанному библиографическому методу. Оба страстно любили свою работу над описанием книг. <...> в дея-

Экслибрис Б.С. Боднарского работы У.Г. Иваска (1916). Ключ — символ библиографии (из книги: Орлов Н.Н. «Удо Георгиевич Иваск...» М., 1927)

тельности обоих было много поэзии, что роднило их» (Ш. Л. 23).

Собиратель книг, картин, фарфора и «других предметов по истории Москвы» Сергей Борисович Алмазов¹⁶ (1871 или 1873–1920, такие даты указывает Елена Удовна) также был «большим другом» У.Г. Иваска — «у него был высокий лоб с лысиной и добрые глаза с ласковой улыбкой. Он постоянно дарил папе книги о Москве...» (Ш. Л. 25).

¹⁴ Боднарский Б.С. Памяти У.Г. Иваска: Доклад Б.С. Боднарского на заседании Рус. библиогр. о-ва / Рус. библиогр. о-во при Моск. ун-те. М., 1925. [2], 5 с., 1 л. портр.

¹⁵ См. о нем: Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Дмитрий Васильевич Ульянинский (1861–1918): материалы к библиографии // Библиография. 2018. № 1. С. 97–111; Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Библиофилы-библиографы конца XIX — начала XX века (П.К. Симоны, Д.В. Ульянинский, Н.Н. Орлов). М.: МИК, 2019. 156 с.; Самарин А.Ю. Отретушированная характеристика: рукописный оригинал статьи Н.Ю. Ульянинского о Д.В. Ульянинском // Библиография. 2018. № 1. С. 74–86.

¹⁶ В феврале 1921 г. состоялось памятное заседание с выступлением П.Н. Миллера «С.Б. Алмазов, как собиратель библиографии Москвы». (В Русском библиографическом обществе // Среди коллекционеров. 1921. № 1. С. 110. Подп.: А.). В архиве комиссии «Старая Москва» (1909–1930 гг.) есть протокол заседания № 115 от 29.12.1921 г. (доклад П.Н. Миллера «С.Б. Алмазов — собиратель “Старой Москвы”. По поводу годовщины смерти его»). «Его собрание поступило в музей “Старая Москва” в последний год жизни: книги, гравюры, планы, литографии, оригинальные рисунки и т.д.: 7 тыс. ед. хр. Страстный бескорыстный собиратель, обладавший большими знаниями в интересующей его области коллекционирования, приобретал только то, что его планам соответствовало и содержало почти исключительно материал по истории Москвы. Здесь есть почти все и ничего лишнего». Приносим благодарность члену НСБ Г.Д. Злочевскому за эти сведения.

Единственная доступная сегодня фотография с изображением И.Г. Вишневого (первый справа) в роли Мальвинского в комедии «Дама из Торжка» Ю.Д. Беляева. 1912 г. (из фондов Российской государственной библиотеки искусств)

Артист московского Малого театра по профессии и страстный библиофил по призванию Иван Гаврилович Вишневский (1882–1919)¹⁷ «очень привязался» к Удо Георгиевичу и регулярно бывал дома у Ивасков, которые также нередко посещали его квартиру на Поварской улице: гости «сидели в его красивом кабинете, обставленном мебелью из красного дерева, заставленного полками с книгами. Иван Гаврилович был женат на артистке

Малого театра Ольге Сергеевне Щербиновской¹⁸, которая «тоже любила книги и располагала библиотекой из книг по искусству и художественной литературе, и папа сделал ей экслибрис (типографский ярлык) в 1920 году» (Ш. Л. 26–27).

Петр Иванович Бартенев (1829–1912), редактор «Русского архива», «питал к У. Г-чу самые дружеские чувства и был преисполнен к нему большим уважением» (Ш. Л. 34). «У.Г. часто посещал П.И. Бартенева на дому, и они вели долгие беседы.

Экслибрис И.Г. Вишневого (с его гербом) работы У.Г. Иваска (1913; из книги: Орлов Н.Н. «Удо Георгиевич Иваск...» М., 1927)

¹⁷ В труппе Малого театра с 1912 по 1917 г. Некролог, написанный Иваском, опубликован Б.С. Боднарским (Среди коллекционеров. 1923. № 3/4. С. 27–28).

¹⁸ О.С. Щербиновская (1891–1975) — одна из ведущих актрис Малого театра. В его труппе — с 10 августа 1909 г. по 28 апреля 1938 г. До начала 1930-х гг. проживала в той самой квартире (ул. Воровского, 26). С 1924 по 1933 г. — гражданская жена писателя Б.А. Пильняка. В 1937 г. его арестовали; ряд лет она провела в лагерях. В 1950-е гг. — в драматическом театре Сталиногорска (Новомосковска). Приносим благодарность за справку библиографа РГБИ И.Б. Титуновой.

Л.Э. Бухгейм

Тесный контакт продолжался до смерти старика в октябре 1912 года. По случаю кончины друга У.Г. написал его некролог¹⁹ и был на его похоронах» (II. Л. 36). Добавим, что П.И. Бартенев опубликовал ряд исторических трудов У.Г. Иваска.

С издателем и библиофилом Львом Эдуардовичем Бухгеймом (1880–1942), издавшим в 1914 году работу У.Г. Иваска «Жизнь и труды Василия Ивановича Соболяцкого, старшего библиотекаря и архитектора Императорской Публичной библиотеки», Удо Георгиевич познакомился в 1912 году. Елена Удовна вспоминает, что «дома, среди своих, папа любил называть Л.Э. Бухгейма почему-то просто Лёвужкой. Это было весьма необычно для папы, т.к. он никогда так фамильярно никого не называл и за спиной.

На стене в кабинете у папы висел застекленный юмористический портрет-шарж Льва Эдуардовича, вырезанный из какой-то газеты. Этот доброжелательный шарж очень импонировал папе. Льва Эдуардовича он считал своим приятелем и любил с ним общаться запросто» (II. Л. 36).

В круг близких знакомых Иваска, упомянутых в рукописи, входили также библиофил В.Л. Снегирев (1882–1961), искусствовед В.К. Трутовский (1862–1932), библиограф А.Д. Торопов (1851–1927), собиратель гравюр С.П. Виноградов (1853–1918), издатель и антиквар И.П. Сотников (1882–?), издатель «Русского библиофила» Н.В. Соловьев (1877–1915) и многие другие деятели книжной культуры.

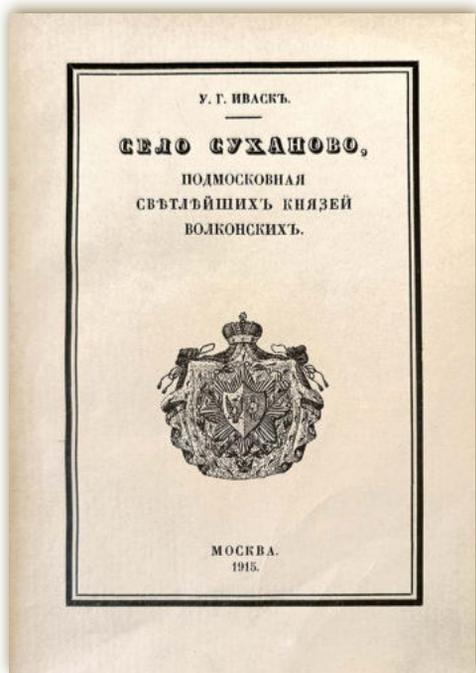
Особые отношения связывали У.Г. Иваска с антикварами и букинистами, среди которых были А.М. Старицын (1860–1913), А.А. Астапов (1840–1917), П.П. Шибанов (1864–1935): «У.Г. навещал антикварию и на дому, знакомился с их житием-бытием, был осведомлен об их жизненных заботах, знал их интересы и увлечения» (II. Л. 42). «Тесное» знакомство с В.Я. Брюсовым (1873–1924), возглавлявшим Московский библиотечный отдел при Наркомпросе, вероятно, стало причиной того, что У.Г. Иваска нередко направляли «для проведения описи

*Экслибрис Л.Э. Бухгейма (1918)
работы У.Г. Иваска*

¹⁹ См.: Русский библиофил. 1912. № 7/8. С. 211; перепечатка: Журнал Русского военно-исторического общества. 1913. Кн. 1. С. 17–18.

Обложка книги У.Г. Иваска «Село Суханово. Подмосковная светлейших князей Волконских» (М., 1915)

национализированных библиотек и выявления особых ценностей» (II. Л. 46).

С четой светлейших князей — Ольгой Петровной и Петром Дмитриевичем Волконскими (оба 1845–1919) — Иваск «случайно познакомился» в первые годы своей жизни в Москве. «С первой встречи У.Г. особенно понравился им, был приглашен в дом и очаровал стариков своими знаниями в области искусства и серьезным увлечением стариной и знанием книг» (II. Л. 55). Удо Георгиевич смог ознакомиться с фамильной библиотекой имения Суханово (Московская губерния, Подольский уезд), а для княгини Ольги Петровны, которая оказалась большим библиофилом, У.Г. Иваск с удовольствием нарисовал в 1904 году экслибрис. Иваски были «почти един-

ственными и всегда долгожданнами гостями. К У. Г-чу в Суханово на дачу наезжали его друзья — библиофилы-книговеды — Б.С. Боднарский, Н.М. Лисовский, И.Г. Вишневецкий и их жены. Было уютно и интересно жить в кругу этих людей, душой которого был У.Г.»

Волконские отдали в распоряжение Ивасков «особое здание в стиле старого готического замка с остроконечной башней и заостренными окнами» (II. Л. 56–57). В результате этого многолетнего знакомства появилась книжка «Село Суханово. Подмосковная светлейших князей Волконских»²⁰ (1915), которую У.Г. Иваск составил, чтобы «доставить удовольствие владельцам ко дню их золотой свадьбы» (II. Л. 57).

Елена Удовна подчеркивает: «Папа был эстетом и потому красоты Суханова доставляли ему большое наслаждение. Эстетизм был характерной чертой папы» (II. Л. 57).

* * *

Возможно, лучшим подтверждением этих слов будет небольшое извлечение из описания уникальной «сухановской библиотеки» Волконских:

«Книги расположены в шкафах в алфавитном порядке имен авторов, по два и по три ряда на каждой полке. По приблизительному подсчету, здесь собрано свыше 4000 томов. Составилась библиотека из книг, принадлежавших светл[ейшему] князю Петру Михайловичу Волконскому, и отчасти, его старшему сыну. Состав ее очень разнообразный, но одним из главных отделов является отдел французской литературы, заключающий в себе все наиболее замечательные произведения писа-

²⁰ Иваск У.Г. Село Суханово. Подмосковная светлейших князей Волконских. М., 1915. 89 с., [18] л. ил., карт., портр.: ил.

Китайская комната в имени светлейшего князя П.М. Волконского «Суханово»

телей второй половины XVIII и начала XIX столетий, в лучших изданиях. <...>

Что касается внешнего вида, то все книги переплетены в роскошные переплеты, кожу и марокен, тисненные золотом и с золотым обрезами. Особенно хороши переплеты подносных экземпляров. Для примера нельзя не указать на оригинальную брошюру какого-то архитектора-немца, дошедшего в своем небескорыстном почтении к бывшему министру Двора (от которого зависел не один крупный казенный заказ) до того, что напечатал описание придуманного им «нового способа конструкции крыши» на тончайшем белом шелку, окаймленном червонным золотом, заключив все это в богатейший кожаный футляр. В изобретательности не могли сравняться с этим «специалистом по высокопоставленным сооружениям» ни создатель Исаакиевского собора, ста-

рательный Монферран, ни бывший его начальник Бетанкур, обессмертивший свое имя постройкой московского манежа или, как тогда говорили, «экзер-циргауза». Оба они очень заискивали у князя Волконского, часто напоминая о себе своими раскрашенными от руки описаниями всевозможных построек. Издания их в большом количестве сохранились в сухановской библиотеке, выделяясь не только своими переплетами, но и приложенными к ним художественно исполненными листами с посвящением. <...>

В многочисленных папках хранится большое количество всевозможных гравюр, литографий, карт, планов, акварельных рисунков и т.п. — преимущественно видов и архитектурных мотивов. Особо отмеченным заслуживает быть альбом светл[ейшей] княгини Марии Петровны Волконской, составленный из оригинальных рисунков Брюллова,

Орловского, Солнцева, Гаттенбергера, Vernet²¹ и многих других художников первой половины XIX столетия. Альбом этот переплетен в зеленую кожу и украшен гербом рода Кикиных. Не менее интересны альбомы с акварельными карикатурами на князей Волконских, их многочисленную родню и знакомых, исполненными в 1870 г. бывшим директором Императорских театров, а потом Эрмитажа, — ныне покойным обер-гофмейстером Иваном Александровичем Всеволожским...»²².

* * *

Немало страниц воспоминаний посвящено семье У.Г. Иваска, его родителям, жене Анне Александровне, урожденной Фроловой (1883–1947) и другим родственникам. Девочкой Елена Удовна много времени проводила в кабинете отца: «Стены в комнате (не все) были заставлены красивыми модными книжными шкафами, но еще больше было книжных полок. <...> Между шкафами и на свободных местах на стенах висели старинные гравюры, бисерные вышивки начала XIX века и малого размера портреты в изысканных рамках; тикали часы стиля ампир. Несмотря на

большое количество книг, в комнате было просторно, много воздуха, светло и уютно. Массивный обитый темно-голубым сукном письменный стол был расположен близко от окна, на нем царил всегда исключительный порядок. На серой мраморной подставке красовались изящные круглые выпуклые чернильницы с чернилами и неперменной красной и черной тушью. <...> Единственным украшением на столе была маленькая бронзовая фигурка борзой на серой мраморной подставке» (II. Л. 65).

Елена Удовна вспоминает, как отец часами работал за письменным столом, как он рисовал, играл на рояле. Она приводит фрагменты воспоминаний об отце его младшего брата Павла (Пауля) Георгиевича Иваска (1881–1963), племянника Юрия Павловича Иваска (1907–1986), жены Анны Александровны.

«Мама говорила о папе всегда с исключительной любовью, а о его деятельности — с благоговением. Все папины рукописи, рисунки, мельчайшие заметки и записочки из его личного архива мы хранили с мамой всю жизнь бережно и с чувством святости к ним» (II. Л. 62–63). Елена Удовна тщательно сберегла отцовский архив, остатки библиотеки, собирала воспоминания знавших ее отца людей.

«С экслибрисами я познакомилась раньше, чем с азбукой, до 5 лет. Я еще не умела читать, но видела постоянно у папы на столе замечательные картинки экслибрисов, видела, как папа получал их в письмах, как он их разбирает и любовался ими. Мы часто вместе рассматривали их, ведь мы были с папой неразлучными друзьями. <...>

Ко дню моего рождения, когда мне исполнилось 9 лет, папа нарисовал и отпечатал для меня — мой собственный экслибрис. Лучшего подарка для меня не могло быть.»

Е.У. Кульпа-Иваск
(ОР РГБ. 783.7.62. С. 87)

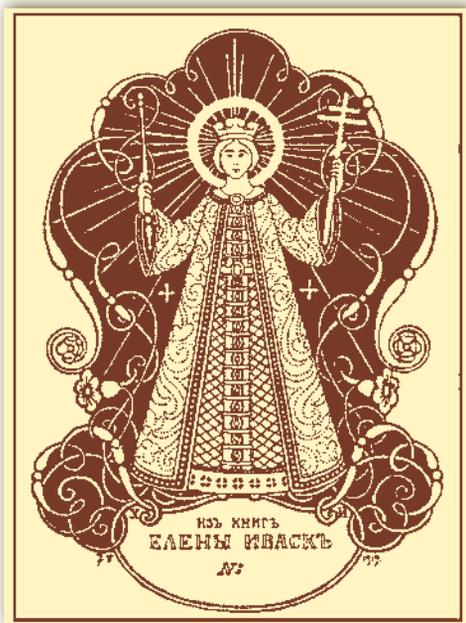
²¹ Видимо, имеется в виду французский художник Орас Верне (1789–1863), который в 1840-х гг. приезжал в Россию (его работы есть в Государственном Эрмитаже).

²² Иваск У.Г. Село Суханово. Подмосковная светлейших князей Волконских. М., 1915. С. 51–54.

В каждой из рукописей есть главы, посвященные личному собранию У.Г. Иваска. Елена Удовна прослеживает «книжный» путь отца с самого начала (с 12 лет), раскрывает состав библиотеки, рассказывает, как отец составлял каталог (его отношение к книге было «весьма многосторонним»).

Во-первых, он «уважал и ценил книгу как источник познаний и культуры, а также был предан библиотечной работе. Он изучал историю библиотек, считая их показателем развития культуры данной страны...» (II. Л. 80). Во-вторых, он был страстным читателем, «черпая ежедневно все новые и новые знания из книг» (II. Л. 80). В-третьих, У.Г. Иваск, как истинный библиофил, «умел наслаждаться пафосом коллекционерства и предпринимал всякие меры для приобретения нужных ему или любимых изданий, для чего вел переписку с различными лицами многих городов» (II. Л. 81).

И сегодня машинопись Елены Удовны — единственное законченное повествование о жизни и деятельности У.Г. Иваска. При этом дочь стремилась исправить, как ей казалось, негативное представление об отце, созданное П.Н. Берковым. Она считала упреки, например, в «Истории советского библиофильства» (М., 1971. С. 15)²³ о том, что Иваск в «Частных библиотеках России...» не уделил внимания библиотекам библиофилов «из демократической среды» (например, Максима Горького), — «до крайности нелепыми и необоснованными» (II. Л. 40). Ей («как и многим книговедам») «совершенно ясно, что П.Н. Берков относился к У. Г-чу с каким-то предубеждением; не зная его совершенно, он видел

*Экслибрис Е.У. Иваск работы У.Г. Иваска (1919; из собрания Я.И. Бердичевского)**

У. Г-ча в ином свете, чем тот был на самом деле, и приписывал ему небывлицы. Это — конечно — очень досадно, так как является искажением истины одной из страниц русского книговедения» (II. Л. 41).

Возможно, тот факт, что Удо Георгиевич Иваск известен в основном библиофилам, а многие его труды почти не введены в научный оборот, объясняется тем, что его заслуги как бы «заслонили» эмиграция и ранняя кончина, а в Эстонии он так и остался «русским» исследователем.

Тем содержательнее и важнее кажутся сегодня воспоминания его дочери, содержащие полную хронику его недолгой, но яркой и насыщенной книгами, исследованиями, знакомствами и событиями жизни. [ПК]

²³ Во втором издании «Истории советского библиофильства (1917–1967)» (М., 1983) помимо указанного мнения П.Н. Беркова (с. 34) дан и портрет У.Г. Иваска с краткой биографической справкой (с. 35). В то же время известно, что П.Н. Берков называл Иваска «классиком книжного знака» (Ласунский О.Г. Книжный знак. Воронеж, 1967. С. 10).

* Благодарим члена НСБ Я.И. Бердичевского за предоставленные экслибрисы.

У. Г. ИВАСКЪ.
 ЧАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА В
 ЧАСТЬ II-я.
 ПРИЛОЖЕ
 КЪ „РУССКОМУ БИБЛ
 САНКТ-ПЕТЕРБУ

ИЗВѢСТІЯ
 МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА
 ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИЖНЫХ
 ЗНАКОВЪ

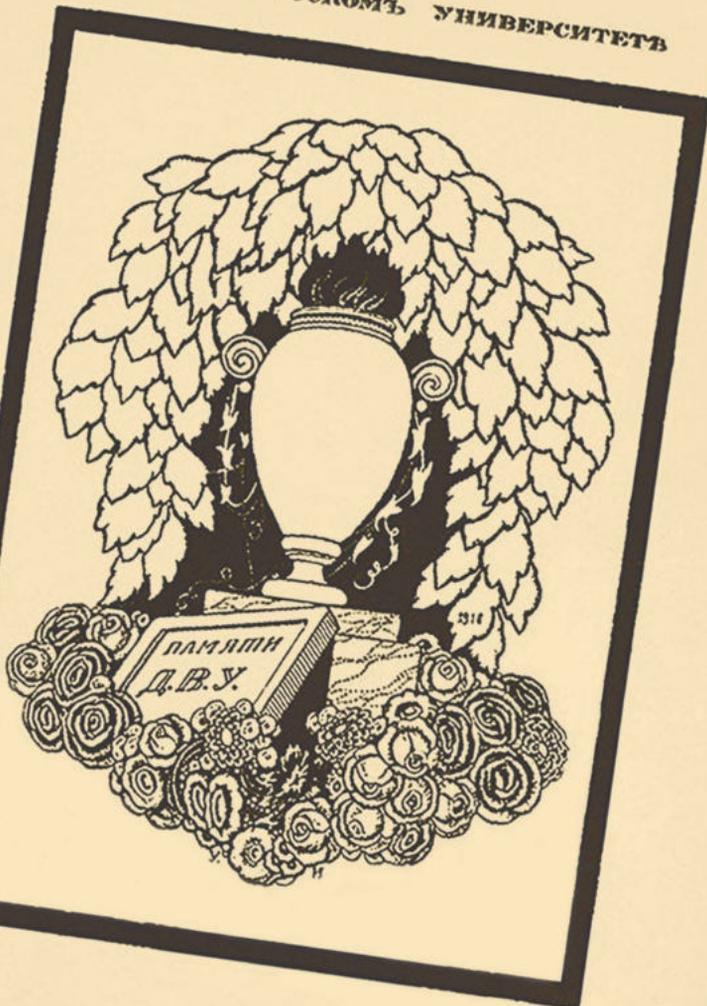

ВЫПУСКЪ
 ПЕРВЫЙ

МОСКВА. 1907.

РУССКОЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
 ОБЩЕСТВО
 ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

БИБЛИОТЕКА Д. В. УЛЬЯНИНСКАГО.
 БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ.

«...Всякий любитель должен стремиться к возможной полноте своих собраний...»

Д.В. Ульянинский в письмах У.Г. Иваску

О.Н. Наумов

Дмитрий Васильевич Ульянинский (1861–1918)¹ хорошо известен не только как выдающийся библиофил и библиограф, но и как оригинал, чудак. Для него кроме личной библиотеки ничего в мире не существовало. На охоту за книжными редкостями он тратил все время и все силы. Библиофильская страсть определяла круг общения, в который входил историк книги, библиограф, художник и коллекционер Удо Георгиевич Иваск (1878–1922).

Общение между ними началось не позже июня 1903 года, когда Д.В. Ульянинский отправил коллеге два варианта своего только что отпечатанного в Париже экслибриса². Хотя оба библиофила жили в Москве и регулярно виделись лично³, они еще и обменивались письмами. Сохранилось 18 писем Д.В. Ульянинского, почти всегда коротких и касающихся конкретных вопросов,

не терпящих отлагательства⁴. Ответных, к сожалению, нет, хотя, по свидетельству В.Я. Адарюкова, переписку библиофил хранил в таком же идеальном порядке, как и книги⁵. Его архив почти полностью погиб после трагической кончины своего владельца 2 февраля 1918 года.

Хорошо знавший Д.В. Ульянинского В.Я. Адарюков отзывался о нем с большим уважением: «По своему характеру [...] был очень самолюбив, чрезвычайно деликатен, ровен и выдержан, отличался отзывчивостью и охотно шел на встречу и в чем мог — оказывал содействие»⁶. Все эти черты характера отразились и в письмах У.Г. Иваску.

Послания Д.В. Ульянинского к разным адресатам обычно наполнены просьбами, мольбами и самыми соблазнительными предложениями об обмене, дарении или покупке книг, при помощи которых он пытался заполнить желаемое.

¹ О нем см.: Самарин А.Ю., Фурсенко Л.И. Библиофилы — библиографы конца XIX — начала XX века (П.К. Симион, Д.В. Ульянинский, Н.Н. Орлов). М., 2019. С. 80–118; Они же. Дмитрий Васильевич Ульянинский (1861–1918): материалы к библиографии // Библиография. 2018. № 1. С. 97–111.

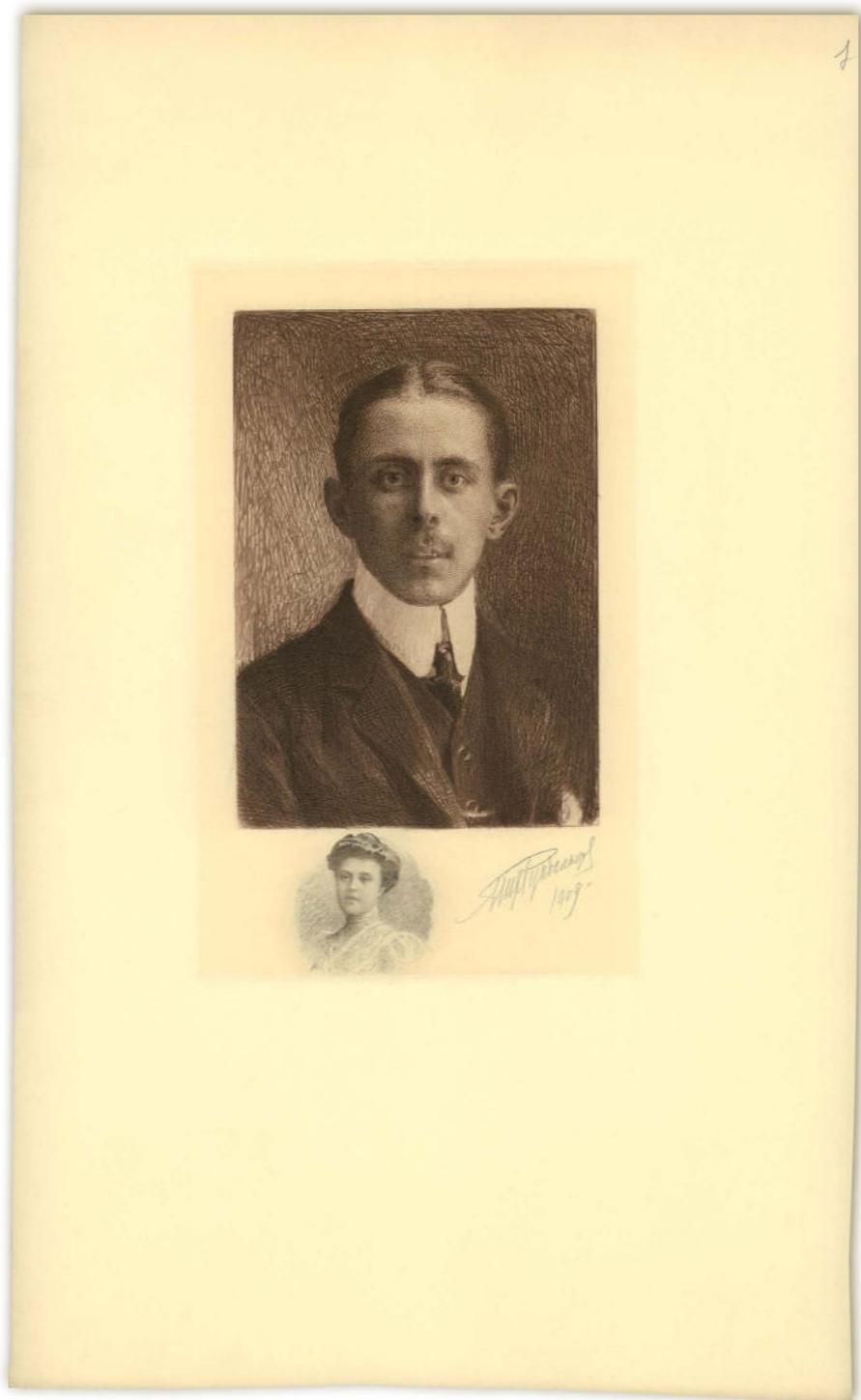
² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 783. К. 6. Д. 71. Л. 1.

³ См.: Дневник У.Г. Иваска // Библиофильские известия. 2013. № 19. С. 43.

⁴ О других письмах см.: Наумов О.Н. Письма Д.В. Ульянинского Л.М. Савелову как источник по истории библиографии и библиофилии // Библиография. 2020. № 1. С. 60–67.

⁵ Там же.

⁶ Воспоминания В.Я. Адарюкова об Д.В. Ульянинском // Библиофильские известия. 2011. № 10. С. 50.

У.Г. Иваск (с портретом-ремаркой его жены; офорт работы М.В. Рундальцова, 1909). Описание:
Собрание фамильных портретов У.Г. Иваска. М., 1911. С. 11 (ОР РГБ. Ф. 783. Карт. 3. Ед. хр. 6)

Д.В. Ульянинский остался в истории отечественного библиофильства не просто как азартный охотник за книгами, а *охотник за книгами в идеальном состоянии*, не испачканными типографской краской, не помятыми, а желательно — и неразрезанными. Поэтому собственной библиотекой он пользоваться не любил и часто, жалея личные экземпляры, шел за справками, например, в Румянцевский музей⁷. Если ему дарили экземпляр «попорченный», то обязательно просил другой. Не избежал подобных претензий и У.Г. Иваск. Ссылаясь на свою «приверженность к безукоризненной сохранности» Д.В. Ульянинский просил его переменить экземпляр родословной предпринимателей Бабкиных⁸, в котором оказались «кой-какие “дефектики”»⁹.

Показательна история, с каким упорством библиофил добивался одной из редкостей — описания библиотеки пермского генеалoga В.В. Голубцова (по сути, это оттиск из нескольких номеров «Пермских губернских ведомостей» за 1887 год)¹⁰. Брошюру подарил У.Г. Иваску 19 марта 1912 года известный архивист и генеалог Николай Петрович Чулков¹¹. Подарок понравился, и в тот же день новый владелец сделал запись в дневнике о приобретении.

Однако о раритете узнал Д.В. Ульянинский. Соблазн заполучить брошюру был слишком велик, и 21 апреля 1913 года он разразился довольно длин-

ным и, пожалуй, не совсем тактичным письмом. Приведем текст полностью:

«Многоуважаемый Удо Георгиевич!

Как Вам известно, мой отдел описаний частных библиотек отличается почти исчерпывающей полнотой, и всякий пробел в нем заставляет меня тревожиться, а потому, хотя Вы также собираете книги по этой части, но так как у Вас их все-таки меньше, чем у меня, Ваши же главный ex-libris'ный отдел полнее моего, то я и хотел предложить Вам, не согласитесь ли обменять Вашу брошюру о библиотеке Голубцова на пару любимых, самых редких ex-libris'ов моего собрания (кроме царских), какие бы Вы ни выбрали. Я думаю, что всякий любитель должен стремиться к возможной полноте своих собраний и считаю, что такими у Вас являются ex-libris'ы, а у меня — библиография, то я и решил предложить Вам подобный обмен. Конечно, если бы он состоялся, то я в печати не стал бы указывать, что это — Ваш экземпляр, т.к. это могло бы быть Вам неприятным по отношению Н.П. Чулкова.

Если же обмен наш не состоялся бы, то я, понятно, не стал бы претендовать на Ваше нежелание.

*Искренно преданный Вам
Дим. Ульянинский»¹².*

30 апреля библиофил нетерпеливо отправил новое письмо, в котором

⁷ Самарин А.Ю. Отретушированная характеристика: рукописный оригинал статьи Н.Ю. Ульянинского о Д.В. Ульянинском // Библиография. 2018. № 1. С. 84.

⁸ Иваск У.Г. Суконные фабриканты Бабкины: генеалогический этюд. М., 1910.

⁹ ОР РГБ. Ф. 783. К. 6. Д. 71. Л. 15.

¹⁰ Дмитриев А.А. Библиотека Владимира Владимировича Голубцова, в селе Александровском Красноуфимского уезда, Пермской губернии. Пермь: тип. Губ. правл., 1887. Первоначально опубл.: Пермские губернские ведомости. 1887. № 32–36.

¹¹ Дневник У.Г. Иваска // Библиофильские известия. 2013. № 19. С. 43.

¹² ОР РГБ. Ф. 783. К. 6. Д. 71. Л. 39–40.

Фотография гостиной в московской квартире У.Г. и А.А. Иваск в доходном доме М.А. Малкиель — С.В. Спиридонова в Большом Гнездиновском переулке (ныне дом 8), 1907. Справа — бюст У.Г. Иваска работы В. Фишер (ОР РГБ. Ф. 783. Карт. 3. Ед. хр. 9)

требовал сообщить, принимает ли У.Г. Иваск предложение¹³. Под таким напором адресат не устоял и в тот же день передал книгу Д.В. Ульянинскому, оставив себе на конверте от письма подробное библиографическое описание брошюры, даты получения ее от Н.П. Чулкова и передачи новому владельцу¹⁴. Счастье Д.В. Ульянинского было безграничным. На следующий день, 1 мая 1913 года, «как выражение [...] искренней благодарности» он отправил коллеге отпечаток труда Б.Л. Модзалевского о библиотеке А.С. Пушкина¹⁵, отметив его небольшой тираж — всего 150 экземпляров¹⁶.

При получении других книг Д.В. Ульянинский был не менее настойчив и красноречив. Однажды У.Г. Иваск, встреченный им у коллекционера гравюр Сергея Петровича Виноградова, имел неосторожность пообещать ему в подарок отпечаток книги о портретах своего собрания¹⁷. Вскоре пришло письмо, где под предлогом срочной необходимости издать каталог своей библиотеки Д.В. Ульянинский напоминал об общении: «Так как на днях поступает в печать тот отдел моего каталога, куда должна бы войти Ваша брошюра, и так как мне хочется ее зарегистрировать, то очень

¹³ Там же. Л. 43.

¹⁴ Там же. Л. 41 об.

¹⁵ Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С. Пушкина (библиогр. описание). СПб., 1910.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 783. К. 6. Д. 71. Л. 46.

¹⁷ Иваск У.Г. Собрание фамильных портретов У.Г. Иваска. М., [1911].

прошу Вас не отказать прислать мне 1 экземпляр и сообщить, сколько напечатано экземпляров ее»¹⁸. Письмо написано 27 октября 1911 года, а соответствующий том описания книжного собрания вышел только в 1915 году. Подобный прием — необходимость срочно дополнить готовый к печати каталог — Д.В. Ульянинский использовал многократно и в письмах к разным корреспондентам.

Зато получив желаемое, библиофил становился любезным (а слог его — изящным) в выражении своих чувств. В июне 1910 года он рассыпался в благодарностях перед У.Г. Иваском за подарок — «нарядно» изданный первый выпуск каталога русских книжных знаков¹⁹ — и даже провозгласил что-то в роде здравицы: «Хвала Вам за Вашу быстроту в работе!», пожелав одновременно, чтобы и остальные тома появились как можно быстрее²⁰. В сентябре 1911 года Д.В. Ульянинский снова благодарил У.Г. Иваска за его «изящно изданную» родословную²¹, отметив, что ей «с удовольствием пользовался» и «с интересом просмотрел»²².

Когда же в письмах заходила речь о делах Русского библиографического общества, Д.В. Ульянинский, всю жизнь прослуживший в канцелярии Московского удельного округа, становился придирчивым, четким и властным чиновником. Его письмо У.Г. Иваску от 23 ноября

1904 года написано совсем иным, деловым тоном, отличным от того, каким он выпрашивал книги: «По просьбе Ивана Трофимовича²³ я взял на себя составление по нашему обществу отчета за 1904 г., ввиду чего мне необходимы протоколы общества, из которых последние Вы любезно взяли на себя. Поэтому очень прошу Вас поспешить окончанием их и не отказать завтра, 24 ч[исла], прислать их ко мне или на часок пожаловать самому, если есть какие недоразумения. От 6 до 8 ч[асов] вечера я буду дома»²⁴.

Д.В. Ульянинский помогал молодому библиофилу в научных трудах. По просьбе У.Г. Иваска он прочитал рукопись о московском антикваре и библиографе Вильгельме Федоровиче Фреймане (1860–1905)²⁵, сообщил о фактических неточностях и сделал несколько замечаний редакторского характера²⁶. Д.В. Ульянинский много способствовал подготовке широко известного справочника У.Г. Иваска о частных библиотеках России²⁷. В частности, посылал сведения о библиотеке общественного деятеля, филантропа и одесского городского головы Григория Григорьевича Маразли, биографические справки о генерал-майоре Иване Николаевиче Корсакове, действительном тайном советнике Михаиле Николаевиче Мусине-Пушкине, тайном советнике графе Андрее Федоровиче Ростопчине, публицисте

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 783. К. 6. Д. 71. Л. 18–18 об.

¹⁹ Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков. М., 1905. Вып. 1.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 783. К. 6. Д. 71. Л. 13.

²¹ Jvask O. Table généalogique de la famille Jvask. M., 1910.

²² ОР РГБ. Ф. 783. К. 6. Д. 71. Л. 25.

²³ Имеется в виду Иван Трофимович Тарасов (1849–1929), видный правовед, профессор Московского университета, председатель Русского библиографического общества.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 783. К. 6. Д. 71. Л. 4–4 об.

²⁵ Иваск У.Г. Памяти Вильгельма Федоровича Фреймана (Из воспоминаний библиофила). М., 1905.

²⁶ ОР РГБ. Ф. 783. К. 6. Д. 71. Л. 10, 12.

²⁷ Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: опыт библиогр. указ. СПб., 1911–1912. Ч. 1–2.

князе Эспере Эсперовиче Ухтомском, министре народного просвещения графе Дмитрие Андреевиче Толстом, члене Государственного совета князе Николае Ивановиче Трубецком и еще почти десятке известных персон²⁸.

Однако даже дотошному Д.В. Ульянинскому не все биографические запросы оказывались по силам. Например, самые

тщательные поиски, по собственному признанию, «путем целого, довольно долгого ряда справок»²⁹ не позволили идентифицировать некоего Ф.Д. Хвоцинского³⁰, о котором запрашивал У.Г. Иваск. Наконец Д.В. Ульянинский попросил уточнить источник сведений, отметив, что одни инициалы, «неизвестно к какому времени относящиеся и не дающие никаких указаний на их владельца — своего рода ребус, который разгадать невозможно». В итоге он посоветовал обратиться за справкой в Тамбовскую библиотеку³¹.

Особенно Д.В. Ульянинский переживал за точность справочника в части описания своей библиотеки. Он потребовал прислать для просмотра соответствующую карточку, которую исправил и внимательно отредактировал³².

Отношения Д.В. Ульянинского и У.Г. Иваска не ограничивались работой, иногда их переписка касалась событий личной жизни. Весной 1912 года У.Г. Иваск и его жена выразили соболезнования по поводу кончины отца библиофила, врача Василия Алексеевича Ульянинского. Дмитрий Васильевич отозвался чрезвычайно редким для него описанием личных переживаний: «Бедный отец мой так страдал последние месяцы своей жизни, что смерть явилась для него избавительницей, и хотя сердцем и душой я испытываю

Семейное фото на отдыхе в Крыму: У.Г. Иваск (стоит), С.А. Ипатов, А.А. Иваск и ее сестра М.А. Беляева. Ялта, сентябрь 1907 года (ОР РГБ. Ф. 783. Карм. 3. Ед. хр. 8)

²⁸ ОР РГБ. Ф. 783. К. 6. Д. 71. Л. 30 об.

²⁹ Там же. Л. 29.

³⁰ В настоящее время Тамбовская областная универсальная научная библиотека им. А.С. Пушкина (сектор редких книг отдела основного книгохранения) имеет в фондах коллекцию А.Д. Хвоцинского (1797–?), который был тамбовским уездным предводителем дворянства в 1812–1816 и 1825–1828 гг. Ее принес в дар внук владельца, Ф.Д. Хвоцинский.

³¹ Там же. Л. 29–29 об., 32.

³² Там же. Л. 29 об.

Библиотека-кабинет Д.В. Ульянинского. 1902 г.

великое горе, но разумом не должен протестовать против его кончины»³³.

В целом Д.В. Ульянинский был всегда доброжелателен, называл У.Г. Иваска любезнейшим, а его письма — милыми, и не забывал передавать поклоны супруге Анне Александровне. Библиофильским выражением искренних симпатий и дружеского признания стал отложенный для него в марте 1912 года экземпляр № III³⁴ одного из томов описания библиотеки³⁵.

В память об Д.В. Ульянинском в 1918 году У.Г. Иваск сделал в Русском библиографическом обществе доклад

о его книжном собрании, отметив, что библиотека имела «характер в значительной степени библиофильский: она не была предназначена служить практическим целям, а являлась чем-то вроде коллекции художественных предметов»³⁶.

Д.В. Ульянинский был натурой сложной и противоречивой, но симпатичной всем своей неподдельной любовью к книге. Знакомые, в том числе и У.Г. Иваск, прощали ему странности в поведении и недостатки в характере, понимая, что они происходят от искренней преданности своему библиофильскому влечению. [ШК]

³³ Там же. Л. 35.

³⁴ Там же. Л. 35 об.

³⁵ Библиотека Д.В. Ульянинского: библиогр. описание. М., 1912. Т. 1–2.

³⁶ Иваск У.Г. Библиотека Д.В. Ульянинского // Библиографические известия. 1918. № 1/2. С. 32.

СОТВОРЕНІЯ ДЕРЖАВИНА
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СТАРЫЕ
ГОДЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНИКЪ
для любителей
искусства и старины

ОКТЯБРЬ
1907.

Комплекты собираются, или Почему иногда важно вовремя купить мешок...

Из рассказов бывалого библиофила

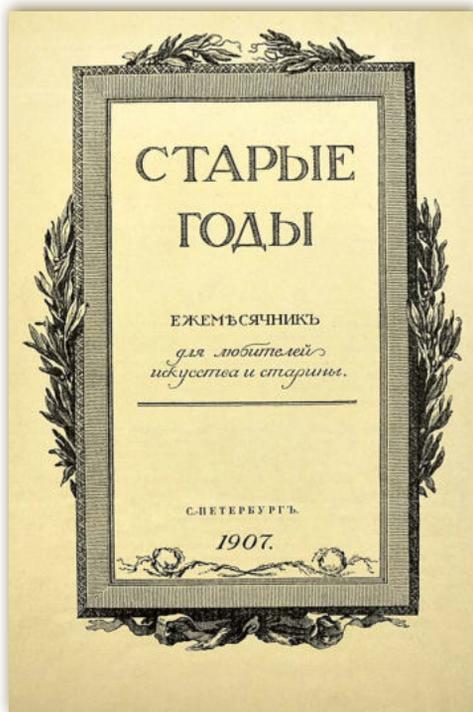
О.А. Рябов

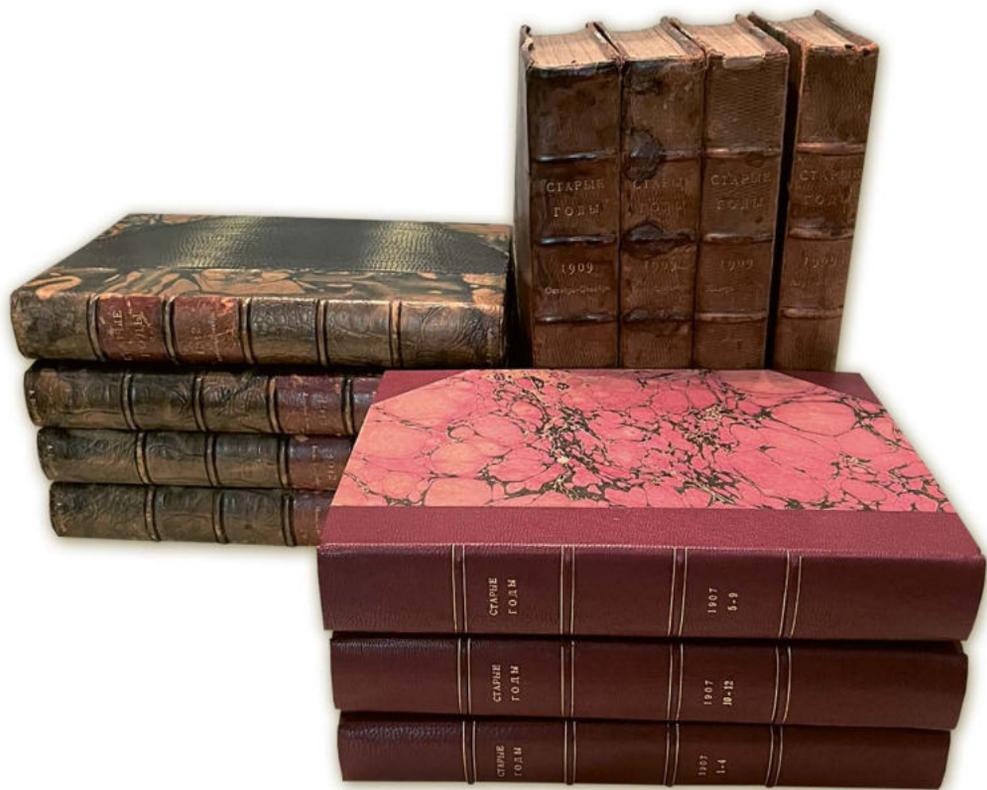
В отличие от филателистов, которые годами подбирают определенные серии или тематики, а в памяти своей держат сотни деизидерат своих коллекций, библиофилы и прочие собиратели книжных редкостей очень щепетильно и осторожно относятся к приобретению разрозненных книг из многотомников и отдельных номеров периодики. Хотя поиск раритетов из некоторых серий — таких, как «Литературные памятники», — или определенных издательств — «Academia» или «Аквилон» — занимает очень важное место в книжном коллекционировании. И опять же — собиратели и любители «Academia» все равно с известной осторожностью отнесутся к приобретению отдельных томов «Агасфера» Эжена Сю (с перспективой подбора всего комплекта) или книжечек из девятнадцатитомника Анри де Ренье.

Я никогда не пытался осмыслить даже для себя самого эту нелюбовь к «некомплектам» и к неполным собраниям сочинений, хотя навскидку это кажется проще простого. Явная неправильность, даже можно сказать — ущербность ярко и отчетливо выделяется на книжной полке отсутствием какого-то тома или «чужим» цветом корешка, — а это уже как бы элемент и личной неаккуратности.

Мне в течение более чем полувековой библиофильско-букинистической жизни много раз приходилось собирать комплекты различных многотомников и для себя, и для друзей. Раз пять, а то и больше, я собирал или помогал подобрать 86 томов «Энциклопедического

Обложка проспекта журнала «Старые годы» за 1907 г. (СПб.: Типография «Сириус», 1907)

Подборка журналов «Старые годы» за 1907, 1909 и 1912 годы

словаря» Брокгауза — Ефрона, столько же раз собирал я и «двадцатку» («Библиотеку Великих писателей» под редакцией С.А. Венгерова), три раза составлял цельные комплекты журнала «Старые годы». Правды ради надо сказать, что комплекты «Старых годов» я начинал подбирать только после того, как мне попадался хороший полный 1907-й год, а «двадцатку» после стартового приобретения двухтомника Мольера.

Кстати, году в 1980-м у меня даже возник небольшой, но памятный конфликт с Алексеем Венгеровым, которому очень захотелось купить у меня журнал «Старые годы» за 1907-й год в каком-то необычном цельнотканевом переплете: по-видимому, в таком, который отлично сочетался с имевшимися в его личной

домашней библиотеке. Дело в том, что именно тогда у меня дома на стеллаже стоял полный комплект «Старых годов», но в различной сохранности и в разношерстных переплетах.

Я объяснил Венгерову, что буду продавать только абсолютно полный комплект. Раздосадованный, Алексей вынул деньги за все журналы, бросил купюры на стол, забрал нужный ему 1907-й год и, не поблагодарив меня и даже не попрощавшись, ушел, бросив на ходу, что оставшиеся книжки он мне дарит — и что я могу ими подавиться.

Казалось бы, инцидент исчерпан? Но не тут-то было — через неделю Алексей как ни в чем не бывало приехал ко мне из Москвы вновь, чтобы увезти оставшиеся книжки, простодушно заявив,

что в прошлый раз он чуть-чуть погорчился... и забрал теперь уже все. Так я и не подавился, хотя, конечно, испортил отношения с Алексеем Венгеровым на долгие годы...

* * *

Такое длинное предисловие я написал лишь для того, чтобы похвастаться, как мне только что повезло. Хотя мне везло и раньше, и не раз.

Однажды, помнится, как в 1982-м году, будучи в командировке в Казани, в последний день (накануне отъезда), практически уже перед самым поездом, я зашел в букинистический отдел на улице Баумана и увидел там четыре тома «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» — почти комплект, но без первого. Денег в кармане оставалось только на такси, поезд через час, магазин закрывался через полчаса. И набравшись смелости, я обратился к заведующей отделом (как сейчас помню ее имя — Флёра Гимаевна) с просьбой отложить для меня эти четыре тома.

В те времена интернета не было, и справочная литература такого рода была для меня «ложкой к обеду». Мало того: я еще попросил эту замечательную женщину, чтобы она переслала выбранные мной книги в Горький, когда я переведу деньги ей в Казань на ее адрес, который она мне любезно сообщила. Операция прошла успешно, и книги встали у меня на полке.

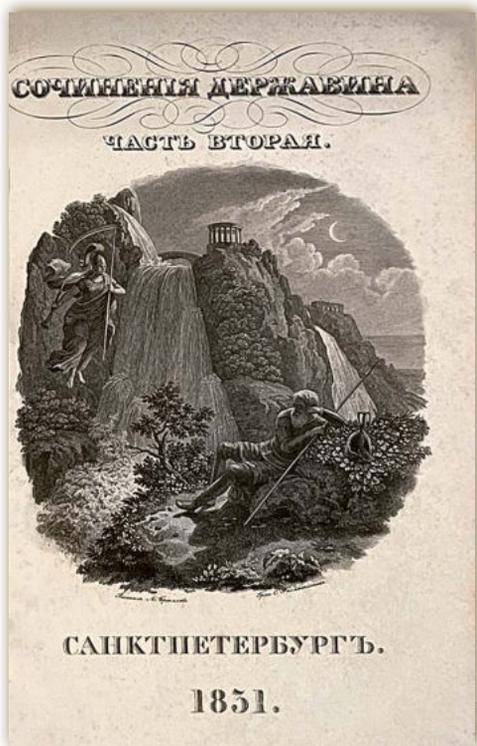
Прошло пять лет и, будучи в командировке в Ленинграде, в магазине «Академкнига» на Литейном проспекте я увидел 1-й том вожделенного «Сводного каталога...». Я обрадовался и купил его — теперь у меня был полный комплект!

Каково же было мое удивление, когда, уже приехав домой, в Горький, я увидел, что в уголке на форзаце стоит маленькая аккуратная закорючка карандашиком из двух букв, такая же, как на тех четырех томах, которые я когда-то купил в Казани. Представляете, как радовался этот пятитомник, эти книги, когда они вновь, все вместе встали рядом на одной полке!

И опять я отвлекся: очень хочется рассказать, как мне снова сегодня повезло, да вот — поделиться не с кем...

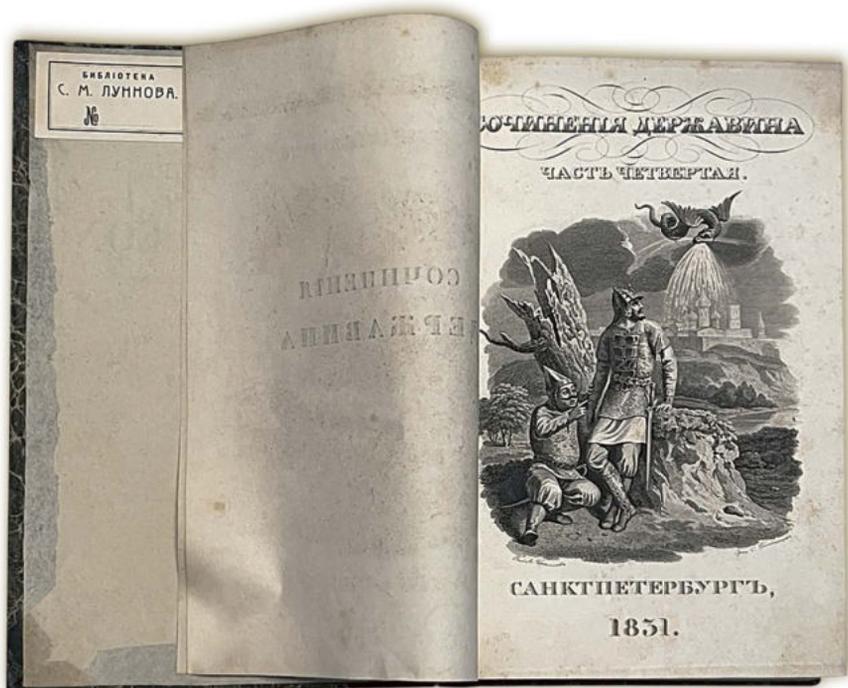
* * *

Купил я лет десять назад три тома Державина 1831 года без первого тома. Сохранность великолепная, Галактионовские гравюры с рисунков Брюллова, замечательные комбинированные

Титульный лист второго тома
«Сочинений Державина» (СПб., 1831)

Титульный разворот четвертого тома «Сочинений Державина» (СПб., 1831)

Титульный разворот первого тома и корешки переплетов четырех томов «Сочинений Державина» (СПб., 1831)

переплеты зеленой кожи с золотым тиснением, экслибрисы С.М. Луннова, прекрасного нижегородского книжника и библиофила царских времен (а насколько мне известно — чепуховые книги он своего экслибриса не удастил), но... Некомплект! Конечно, это не прижизненный пятитомник Державина, в котором на пятом томе всего тиража Гавриила Романович оставил свой автограф, совершая эту процедуру прямо в типографии, и который мне тоже когда-то пришлось докомплектовывать для своего товарища, совсем уже много лет назад. И все-таки! Некомплект же...

Пытался я пристроить свои три тома в хорошие руки несколько раз, но не получалось — так и остался он у меня на полке. И вот — спустя много лет приносят мне первый том этого издания 1831 года! Да — из этого же комплекта, в переплете зеленой кожи с золотым тиснением и с экслибрисом С.М. Луннова.

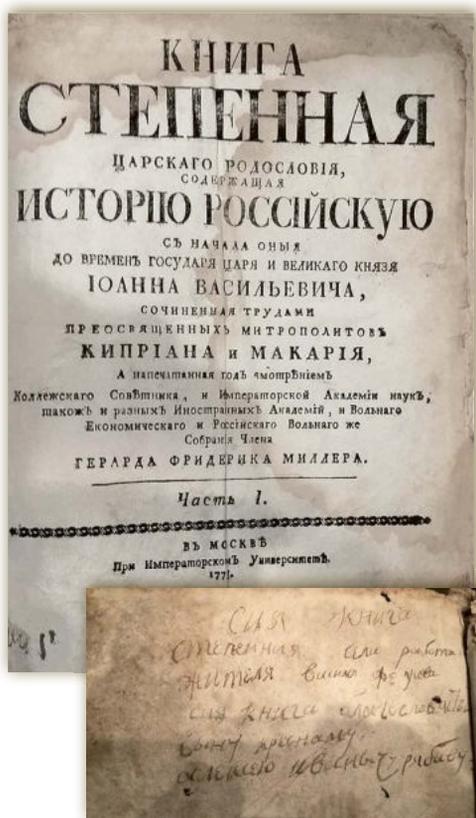
Вот и поделился.

Только лишь везение? Или же небольшое чудо?

Библиофилы поймут...

Ну, и еще: вроде постскрипума.

Не люблю я книги без страниц! Ну, разве что XVI век — приходится разбираться в них. И вот — досталась мне по наследству практически семейная реликвия «Книга степенная царского родословия...» 1775 года, сочиненная митрополитами Киприаном и Макарием с вкладной записью, повествующей, что дарится она моему пра-пра-прадеду в шестом или больше колене. Досталась она мне от папы, который велел мне ее беречь. Только не было в книге последних четырех листов — дефектная книга, но семейная.

Титульный лист «Книги степенной царского родословия...» (М., 1775) и владельческая надпись А.И. Рябова

И вот, лет тридцать назад, привезли мне из какой-то глухой деревни мешок с остатками церковных книг на церковно-славянском языке без крышек, без начала и без конца. Полистал я их и сказал уже хозяевам, чтобы несли все это или в музей, или в церковь...

Как вдруг увидел небольшую часть книжного блока, в колонтитуле которого стояло — «Книга степенная...»: это были несколько последних тетрадей того замечательного издания, конец моей фамильной реликвии. Да — чуть больше, чем требовалось, но нужные мне восемь страниц там были.

Пришлось купить весь мешок. Ну не чудо ли? [ПК]

ИВАН РОЗАНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
РЕПУТАЦИИ

МУЗЫКАЛЬНО-ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИЕ
ЭТЮДЫ.

Соч. ЛА-МАРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПЬМЕНКАГО
А. Мельбунской.

Томъ I.

МОСКВА.
Типографія П. Лисснера и Ю. Романа,
Арбатъ, домъ Валютина.
1886.

Новая Биографія
МОЦАРТА

А. Д. УЛЫБЫШЕВА.

Переводъ
М. Чайковскаго
съ прикѣпками Г. Лароша.
и сличеніемъ съ же «О жизни и трудѣхъ Ульбыхина».

ТОМЪ I.

ЦѢНА 2 РУБ.

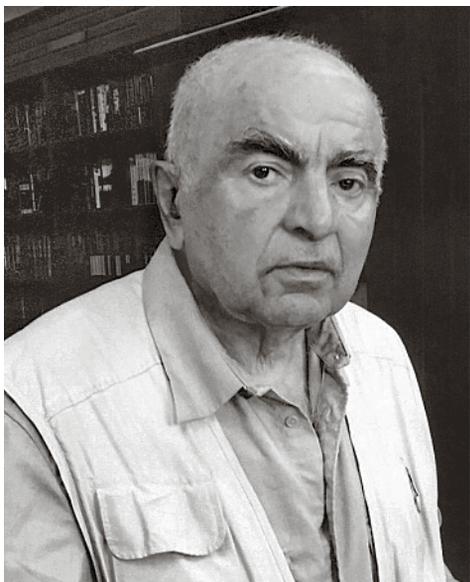
Собственность издателя
МОСКВА у П. Юргенсона.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ у Г. Юргенсона. | ВАРШАВА у Г. ЗЕННЕВАЛЬДА.
1890.

Евгений Тукате
А. Н. Скрябинъ
и его творчество.

«Мне интересны всякие книги...»

Интервью с Э.П. Казанджаном

Эмиль Погосович Казанджан

Эмиль Погосович Казанджан (1938 г.р.) — библиофил, коллекционер, кандидат технических наук, несколько десятилетий преподавал в МГТУ им. Н.Э. Баумана. Член Клуба любителей графики при Музее русского лубка и наивного искусства и Московского клуба библиофилов. Публикации Э.П. Казанджана (помимо сугубо профессиональных) можно найти в журналах, газетах, альманахах — «Библиофил», «Библиофилы России», «Вопросы литературы», «Литературная газета», «Независимая газета», «Хронограф» и др.

Автор небольших, очень своеобразных мемуаров «Лучше чем ничего. Сумбур вместо книги» (2016). Э.П. Казанджан подчеркивает, что «библиофильский» ракурс видения «столь же правомочен

и информативен, как и любой другой», а «для ощущения и понимания времени любая деталь по-своему выразительна и красноречива». Он любезно согласился дать интервью журналу «Про книги» на вернисаже, ознаменовавшем открытие выставки «Григорий Филипповский: прочитано пером» (проходила в марте — апреле 2022 года, экспонаты для нее предоставил Э.П. Казанджан), в галерее «Открытый клуб» на Спиридоновке.

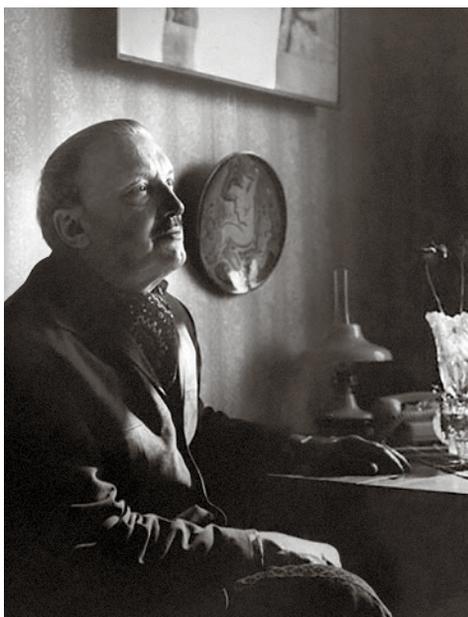
Д.Н. Бакун (Д. Б.): — *Эмиль Погосович, какое место книга и библиофильство занимают в Вашей жизни?*

Э.П. Казанджан (Э. К.): — Книга сопровождает меня всю сознательную жизнь — и мне интересно все, что с ней связано. Мне интересно читать книги и писать, покупать и продавать, дарить и собирать, рецензировать и консультировать, издавать и докладывать, обо-

рачивать и подклеивать, а самое главное — размышлять и беседовать о них с друзьями-приятелями...

В моем библиофильстве на самом деле все сплетено в один клубок: книги, торговля, коллекционирование, покупатели и продавцы, братья-писатели, братья-читатели, братья-собиратели, быт и нравы прошлых лет, литературные страсти... Запоминается и приятно вспоминается

¹ Ныне в составе ГБУК г. Москвы «Галерея Ильи Глазунова».

Григорий Георгиевич Филипповский

в основном то, что имеет хоть какой-то комический оттенок... Мандельштам был прав: зачем юмористика, когда и так все смешно? Библиофильство при этом — не исключение.

Д. Б.: — *Как, по-Вашему, происходит судьбоносная встреча человека и книги, в результате чего возникает та привязанность, из которой затем вырастает библиофильство?*

Э. К.: — Книжки выбирают нас. В самом деле, происходит своеобразное чудо: библиотека собирается по внутренней потребности, беспорядочно, сумбурно, по какому-то наитию, а в итоге получается, что все было вполне осознанно, так сказать, видна целесообразность задним числом.

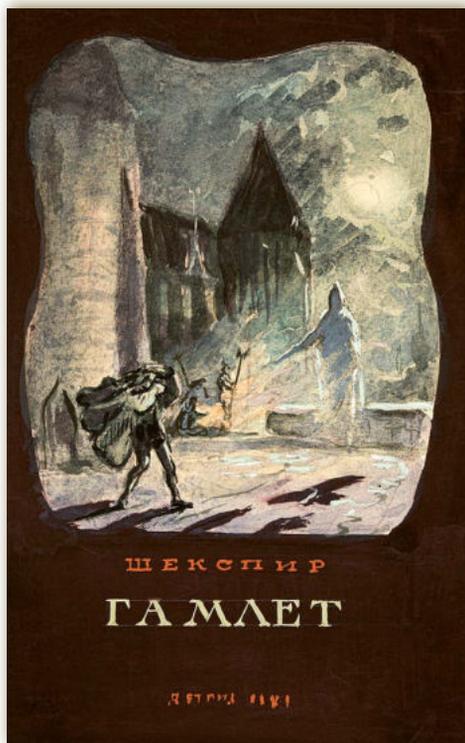
Если вдруг найдется человек с любовью к конкретному книжному объекту, то движение мысли может подтолкнуть его к собирательству. Хотя первый шаг может быть чисто интуитивным. А от посторонней подсказки вряд ли что воз-

никнет. Если только, конечно, не будет случайного совпадения с внутренней библиофильской заряженностью.

Порой к библиофильству может подтолкнуть и внешний вид книги, ее красота, иллюстрации, заставки, другие элементы... Иногда будущие коллекционеры делают первые шаги к библиофильству в детстве, благодаря ярким и интересным книжкам-картинкам. Очень велика при этом роль художника-иллюстратора...

Д. Б.: — *Нас сейчас окружают замечательные образцы книжной графики художника Григория Филипповского. Видимо, его творчество Вам особенно близко?*

Э. К.: — Книжная иллюстрация, по моему, в чем-то сродни музыкальному исполнению. Скажем, сонату Бетховена я могу сыграть и сам. Но — слушая

Г.Г. Филипповский. Эскиз обложки для книги У. Шекспира «Гамлет»

Рихтера, я вижу в ней гораздо больше. Рихтер (великий исполнитель!) способен в первых же нотах дать предысторию, а в последних — «последствие». Или, используя математические термины, развернуть картину от минус до плюс бесконечности. Аналогично — в высококлассной книжной иллюстрации видно и то, что было до того, что изображено, и угадывается то, что произойдет после.

В лучших опусах Филипповского это ощущается. Еще мне очень импонирует в его творчестве способность подняться до символа. Особенно это чувствуется в его серии портретов Бориса Пастернака, иллюстрациях к шекспировскому «Гамлету». Сам Пастернак называл художника «ловцом неуловимого»...

Д. Б.: — *Как же Вам удалось «уловить» в свою коллекцию его работы?*

Э. К.: — Я впервые увидел и услышал Григория Филипповского в первой половине 1980-х годов, на собрании, посвященном издательству «Academia». Он читал свои воспоминания. Впечатление было сильное — энергичный, остроумный, ироничный... А через некоторое время (его уже не было в живых) случайно узнал, что с ним был хорошо знаком писатель Лев Разгон, мой старший друг. С его подачи я познакомился с вдовой художника — Эрной Исаковной. Позвонил, скромно осведомился, нет ли у нее желания что-нибудь из художественного наследия продать. Реакция была краткой: приезжайте — посмотрите. Приехал и ахнул — столько интереснейших работ, и все лежат «мертвым грузом!» Я стал ездить в этот дом регулярно, а моя коллекция расширялась, да так, что некоторые друзья стали укорять меня, что я уж слишком увлечен одним художником.

Может, оно и верно, но ведь главное, чтобы картины и рисунки были по-

Г.Г. Филипповский. Набросок иллюстрации для книги У. Шекспира «Гамлет»

настоящему хороши! В конце концов, важнейшее, что движет коллекционером — это стремление к справедливости: истинные шедевры должны не лежать, а выставляться, публиковаться, входить в культурный обиход. Могу немного потешить свое тщеславие: две работы я приобрел почти за бесценок — в таком жутком виде они были. К счастью, один мой друг (Лев Турчинский) свел меня с великолепными реставраторшами. Они сотворили чудо: например, портрет Пастернака за роялем был выставлен в ГМИИ (хотя, к сожалению, не попал в каталог), а потом даже показывался по телевизору в одной из передач о поэте. В следующий раз Эрна Исаковна призналась: а вот сейчас она бы портрет ни за что не продала! Вывод: интуиция собирателя плюс мастерство реставратора «дивные дивы творят».

Д. Б.: — *У Григория Филипповского ведь был очень яркий дебют?*

Э.П. Казанджан и Л.М. Турчинский

Э. К.: — Да. И это связано с иллюстрациями к «Одесским рассказам» Бабеля. Они как раз представлены на этой выставке. Выполнены в 1931 году. Художнику всего двадцать два года, но результат на редкость удачный — его работы понравились и автору, и Горькому (тот, как известно, Бабеля горячо любил и все, с ним связанное, принимал близко к сердцу). Сам Бабель вошел в нашу литературу тоже ярко-стремительно и сразу привлек всеобщее внимание — и читателей, и литераторов, и художников.

В цикле было 45 рисунков, выполненных пером, тушью (и еще 22 варианта и 5 набросков). Многие очень выразительны. Филипповский показал себя, несмотря на молодость, настоящим мастером. На первый взгляд задача кажется простой — у Бабеля все красочно и живо, бери и изображай. Но это только кажется... На самом деле — там

полно скрытых трудностей, которые так просто не одолеть. Очень легко «утонуть» в быте, в пейзаже, в деталях, в мелких трагикомических подробностях...

Филипповскому удалось главное: он сосредоточил внимание на внутренних, психологических мотивах поступков персонажей. Писатель как бы застал их на пороге новой жизни: грядут большие события, смысл и значимость которых тогда трудно было уловить и тем более понять.

Совместно с Верой Владимировной Калмыковой мы подготовили небольшое издание: «Филипповский иллюстрирует Бабеля»², так что очень рекомендую его почитать.

Д. Б.: — *Мы видим здесь, на выставке, позднейшие иллюстрации и эскизы обложек к книгам Бальзака, Альфонса Додэ и Анатоля Франса... Это уже новый этап творчества Филипповского?*

² Г.Г. Филипповский иллюстрирует Бабеля / сост.: Э. Казанджан, В. Калмыкова. М.: Русский импульс, 2011. 87 с.: ил. См. также: Г.Г. Филипповский. Ловец неуловимого / сост. Э. Казанджан. М.: Русский импульс, 2010. 159 с.: ил., факс., цв. ил.

Филипповский
ИЛЛЮСТРИРУЕТ **Б**абеля

*Обложка книги «И.Г. Филипповский
иллюстрирует Бабеля» (М., 2011)*

Э. К.: — Верно. Первый этап — когда один из столпов столичной культурной жизни тех лет А.М. Эфрос привлек его к работе в только что созданном издательстве «Academia». Филипповский иллюстрировал «Спартака» Джованьоли, шекспировского «Гамлета», «Комический роман» Скаррона, «Сагу о Фритьофе» Тегнера... В отличие от самого Бабеля Филипповский уцелел, и в 1947 году по ходатайству Кукрыниксов его вернули в Москву.

Второй этап его творческой жизни начался в 1949 году: к 150-летию Бальзака в Гослитиздате вышел большой роскошный (печатался в Лейпциге) однотомник... Великолепный том! И состав, и переводы, и печать, и иллюстрации... Среди художников — В.А. Милашевский, Н.В. Кузьмин, Т.А. Маврина, В.Г. Бехтеев, Д.А. Дубинский, П.Л. Бунин. В томе большого формата (набор в две колонки) 17 тоновых иллюстраций (во весь лист).

Филипповскому досталась «Шагреновая кожа» — пожалуй, самый насыщенный роман Бальзака (три иллюстрации). Сохранилось два альбома рабочих эскизов художника 1946–1947 годов, названных скромно и кратко: «Impressions».

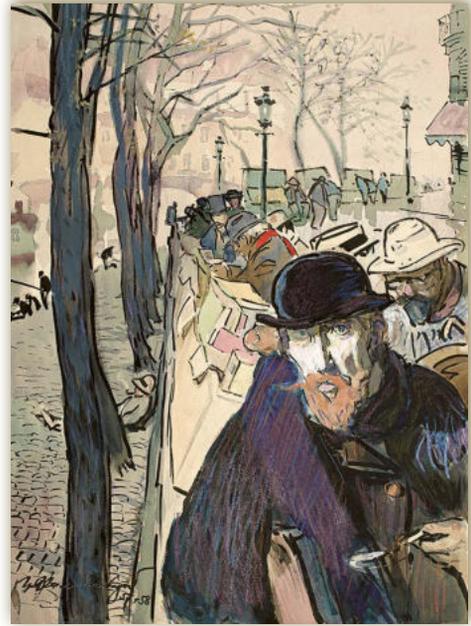
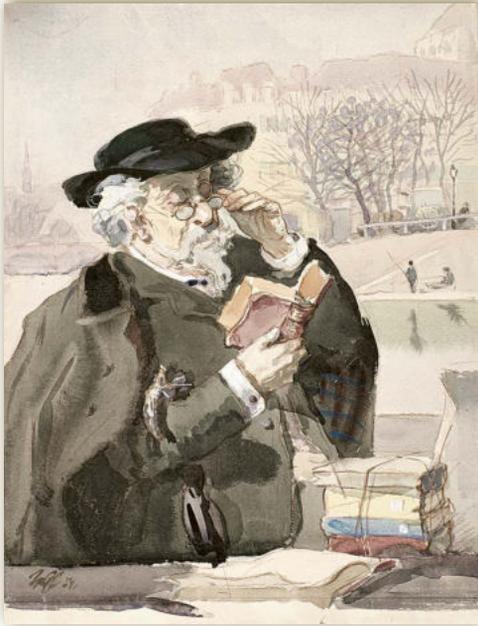
Это действительно впечатления художника, только что вышедшего на свободу, здесь беглые зарисовки уличных типов, реалии того времени, кое-кто из знаменитостей (в том числе коллеги — Милашевский и Фальк). Музыканты играют... Есть и наброски книжных иллюстраций.

На примере Филипповского видно, что творчество многих классиков отечественной книжной иллюстрации нуждается в серьезном изучении. Даже то, что удалось издать в XX веке — огромное богатство, которое требует осмысления. А ведь сколько еще неизданного...

Д. Б.: — *Тогда пора от иллюстраторов перейти к литераторам. Одна из Ваших публикаций носит парадоксальное название — «Библиофильство литератора как зеркало человеческой любви и производственной необходимости». Как же влияет библиофильство на творчество писателя, поэта, критика?*

Э. К.: — Влияние библиофильства на творческую деятельность весьма многообразно и может принимать самые разные формы. К сожалению, проследить за этим влиянием крайне сложно и со стороны, и самому литератору, хотя тема эта крайне интересна и заслуживает внимания. Более того — она требует изучения. Все же к библиофильству, по моим наблюдениям, литераторы обычно относятся равнодушно, их интересуют тексты, а не издания.

Но особый интерес в истории литературы вызывают люди, в жизни которых библиофильство и литературное

Г.Г. Филипповский. Иллюстрации к роману Анатоля Франса «Преступление Сильвестра Бонара» (1955)

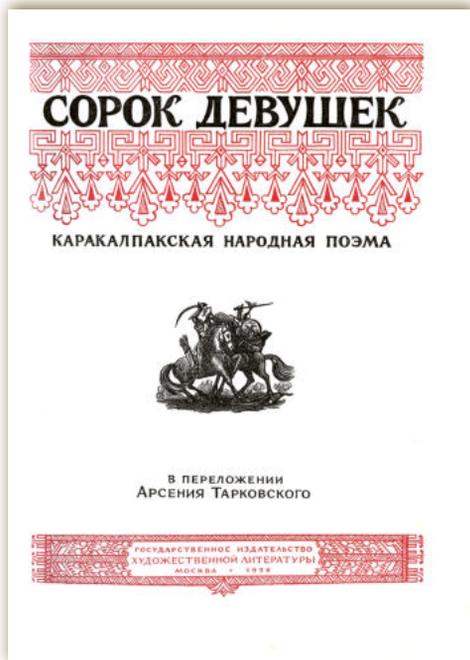
творчество переплеталось столь тесно, что неизбежно приводило к взаимовлиянию, взаимообогащению обеих сторон их творчества (то, что библиофильство способно подняться до творчества, сомнению, полагаю, не подлежит). Писателей, ставших «по совместительству» крупными библиофилами, — не так много. Это Д. Бедный, И.Н. Розанов, В.Г. Лидин, Л.И. Раковский... Впрочем, библиофилов, сумевших стать литераторами, еще меньше — из наших современников это, пожалуй, Марк Рац, Лев Мнухин, Михаил Климов...

Д. Б.: — *И все-таки: поэт Валерий Брюсов, например, был не чужд библиофильству. Его и издания интересовали, и «перечни и списки», и каталоги раритетов. Стихи Брюсова, посвященные книгам, охотно цитируют до сих пор. Может быть, Вам случалось общаться, скажем, с подобным ему поэтом-библиофилом?*

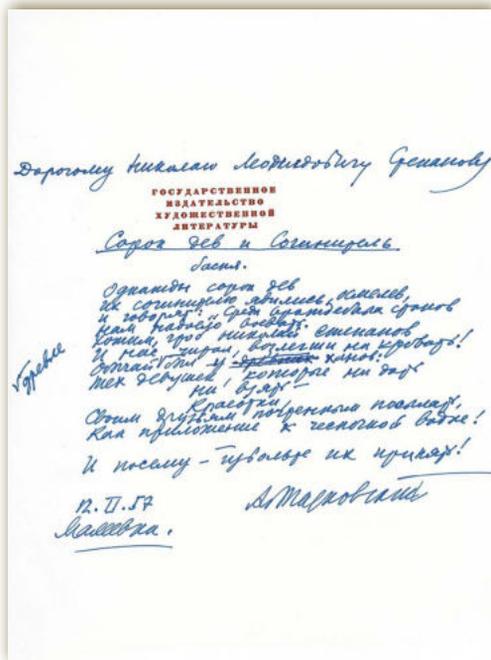
Э. К.: — Общение с поэтом Арсением Тарковским было разносторонне приятным, он очень любил и книги, и классическую музыку... Я познакомился с ним вскоре после выхода его первого сборника стихов «Перед снегом» (1962): это было большое событие, и в литературе, и на книжном рынке (через магазины эту книгу было уже не достать). У меня был необычный конволют двух первых мандельштамовских изданий «Камня». К моему удивлению, Арсений Александрович им заинтересовался. Хотя денег у него в тот момент не было, обещал отдать через две недели. Звоню. Он радостно сообщает: «Еще неделю сможете подождать?» Я согласился, и не пожалел — он в самом деле с благодарностью расплатился.

В 1965 году вышел ахматовский «Бег времени». И Тарковский неожиданно стал читать вслух «Библейские стихи». Я обомлел: да ведь он — первокласс-

Титульный лист поэмы «Сорок девушек»
(М., 1956)

Дарственная надпись
Арсения Тарковского

ный теще! Придя домой, взял знакомый том в руки — я его открывал не раз, но увы, многого не видел, не понимал... Так бывает после концертов: ноты видишь сам, а музыку понимаешь только с помощью великих исполнителей...

Подоспел очередной «День поэзии». Обсуждаем, мнение одно — много мурь... И тут он нашел совсем уж слабые стихи и начал читать: да так едко, с таким сарказмом, как самый настоящий пародист! Вот вам тройной талант: поэта, артиста и юмориста.

Много лет спустя мне попалась переведенная им каракалпакская народная поэма «Сорок девушек»³ с дарственной надписью филологу Н.Л. Степанову (тому самому, что подготовил первое «Собра-

ние произведений» Велимира Хлебникова совместно с Юрием Тыняновым⁴). И я убедился, что Тарковский изредка «баловался» в жанре стихотворного инскрипта, видимо, не придавая этому особого значения:

Дорогому
Николаю Леонидовичу Степанову

Сорок дев и Сочинитель
Басня

Однажды сорок дев
Их сочинителю явились, осмелев,
И говорят: «Среди враждебных станов
Нам надоело воевать.
Хотим, чтоб Николай Степанов
И нас читал, возлегиши на кровать!»

³ Имеется в виду издание: Сорок девушек = Кырк кыз: Каракалпак. нар. поэма / записана со слов сказителя Курбан-бая Тажибаева; в переложении А.А. Тарковского. М.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1956. 407 с., 6 л. ил.

⁴ Собрание произведений Велимира Хлебникова / под общей ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928–1930. Т. 1–5.

*«Два кита» отечественного художественного перевода:
Н.М. Любимов и Е.А. Гунст*

*Обычай древле был у ханов:
Тех девишек, которые ни дать,
ни взять —
красотки,
Своим друзьям почтенным присылать,
Как приложение к чесночной водке!*

И посему — извольте их принять!
12.11.57
Малеевка
А. Тарковский

Позднее я услышал от Эммы Григорьевны Герштейн, что у одной ее знакомой есть несколько сборников Тарковского с шутивными надписями... Увы, что это за знакомая, я так и не знаю.

Д. Б.: — *Кого бы Вам хотелось выделить особо из тех библиофилов-литераторов, кого Вы знали лично?*

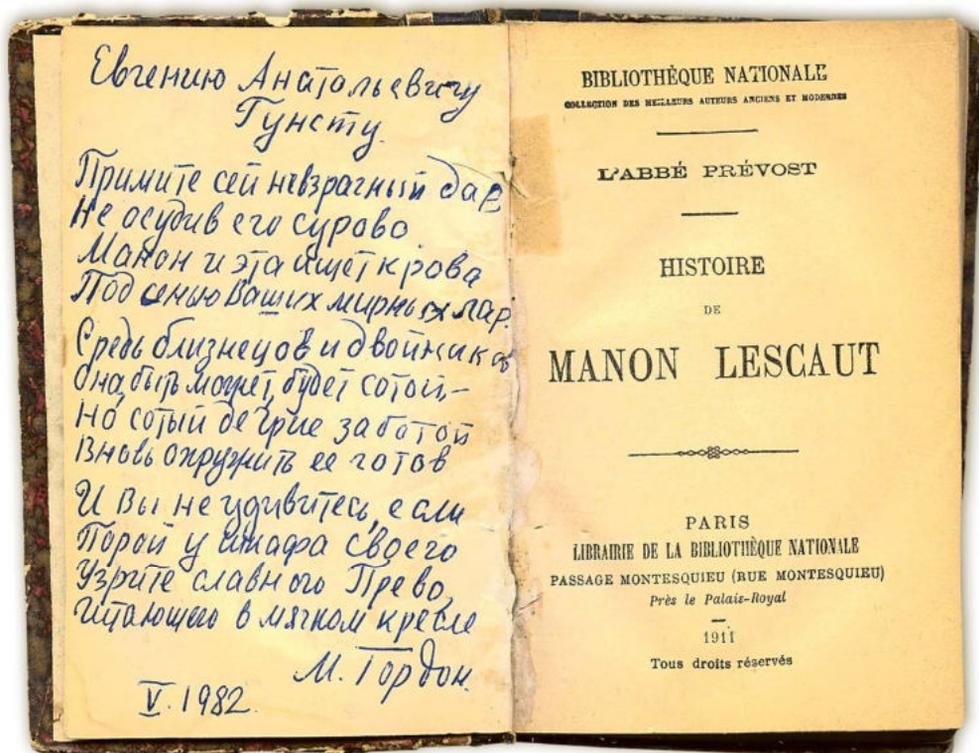
Э. К.: — Достояна упоминания, например, колоритная фигура из мос-

ковской литературной среды — Евгений Анатольевич Гунст (1901–1983), известный переводчик с французского (книги Прево, Мопассана, Франса, Моруа...). Это главная, но далеко не единственная ипостась его многогранной творческой деятельности. Он еще и литературовед, искусствовед, библиофил.

У его родителей бережно хранилось все, что связано с «семейной хроникой»: книги родственников, афиши, газеты и журналы с упоминаниями о них, визитные карточки... Тем самым «библиофильский менталитет» (стремление сберечь, сохранить, ценить, уважать) сформировался у него еще в раннем детстве.

Библиофильские устремления его были весьма разносторонними. На первом месте, конечно, аббат Прево. Гунст — ответственный редактор известного издания «История кавалера де Грие и Манон Леско» в серии «Литературные памятники».

Титульный разворот французского карманного издания «Histoire de Manon Lescaut» (Paris, 1911) с дарственной надписью М.З. Гордона Е.А. Гунсту

В кратком очерке-послесловии очень чувствуется «библиофильская нотка» искушенного знатока, который хорошо знает — и держал в руках — самые разные издания знаменитой книги аббата Прево, а также других его произведений, не говоря уже об обширной литературе на разных языках. Вот небольшая цитата:

«Повесть находилась под запретом в течение двадцати лет. Только в 1753 году запрет был снят и вышло новое издание в двух томиках... С тех пор «Манон Леско» прочно заняла место среди самых выдающихся произведений мировой литературы. Во Франции она печаталась поистине бесчисленное коли-

чество раз — и в виде дорогих изданий с иллюстрациями знаменитых художников, и в массовых грошовых изданиях, и в виде томов большого формата с широкими полями, и в виде миниатюрных карманных томиков, и в виде «академических» изданий с предисловиями, примечаниями, библиографическими справками, вариантами и т.п.»⁵

Не удержусь, чтобы не привести и поэтический инскрипт на одном из изданий «Манон Леско», тоже очень библиофильский (автор — М.З. Гордон, поэт, переводчик и библиофил, ценитель прижизненных изданий поэтов Серебряного века):

⁵ Гунст Е.А. Жизнь и творчество аббата Прево // Прево А.Ф. История кавалера де Грие и Манон Леско / подг. изд. М.В. Вахтеровой и Е.А. Гунста. М.: Наука, 1964. С. 243. (Лит. памятники).

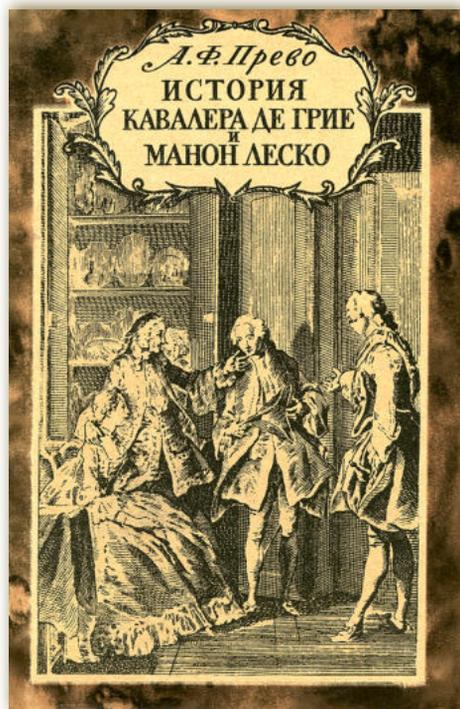
*Примите сей невзрачный дар,
Не осудив его сурово.
Манон и эта ищет крова
Под сенью Ваших мирных лар.
Средь близнецов и двойников
Она, быть может, будет сотовой, —
Но сотый де Грие заботой
Вновь окружить ее готов.
И Вы не удивитесь, если
Порой у шкафа своего
Узрите славного Прево,
Читающего в мягком кресле.*

Евгений Анатольевич также увлекался творчеством Ф.И. Тютчева. Его общение с тютчеведами играло роль «катализатора идей». Ведь в литературоведении, как и в физике, властвует закон А. Эйнштейна: нравственные качества ученого важны не меньше, чем его научные достижения.

Д. Б.: — *Эмиль Погосович, Вы так увлекательно рассказываете... Как бы Вы сами набросали свой «библиофильский автопортрет»?*

Э. К.: — На создание классического «библиофильского автопортрета» я вряд ли способен. Мне кажется, что непрменной компонентой библиофильства является чудачество.

В самом начале своего собирательства, в 1950-е годы, у меня выработался принцип — обогащаться интеллектуально, не разоряясь материально. А поскольку постоянное посещение букинистических магазинов неизбежно порождало общение с другими завсегдатаями, то скоро я заметил за собой еще одно чудачество — не держать у себя никаких книг, доставшихся от малопривлекательных людей. И вообще книг, вызывающих дурные воспоминания или ассоциации. И симметрично — ни в коем случае не расставаться с книгами, которые связаны с воспоминаниями о замечатель-

*Супербложка книги А.Ф. Прево
«История кавалера де Грие и Манон Леско»
(художник Н.И. Крылов), серия «Литературные
памятники» (М.: «Наука», 1964)*

ных людях, особенно о людях «раньшего времени», как выразился один известный литературный персонаж. Даже сейчас, на склоне лет, это чудачество мне кажется вполне естественным, хотя, конечно, я его никому не навязываю.

Д. Б.: — *Какие традиции, связанные с книгой, были и поддерживались в семье Ваших родителей?*

Э. К.: — Мой отец — профессор Военно-воздушной инженерной академии им. Н.Е. Жуковского, мать — инженер (окончила МВТУ им. Н.Э. Баумана), так что уважение к книге, бережное к ней отношение окружало меня с раннего детства. К тому же, тогда в нашей квартире жил Николай Дмитриевич Моисеев — выдающийся небесный механик и умопомрачительный книголюб. Мой отец

А.Д. Артоболевская

называл его ходячей энциклопедией. Вот лишь два факта из его биографии: он написал книгу по истории механики, причем все цитаты от Платона и Аристотеля до Маркса перевел сам, читая первоисточники. И еще — как-то он ехал в поезде вместе с женой (кстати, учительницей литературы в школе), и они оказались в одном купе с известным профессором-филологом. Неожиданно возник спор, кто больше знает стихов на память. В результате астроном победил филологов.

Пожалуй, интересен еще один штрих из биографии Моисеева — он дружил с великим русским философом А.Ф. Лосевым (а во время ареста и ссылки Лосева хранил в своей комнате пачки книг, выпущенных им в 1920-х годах) и включал его в тройку самых крупных философов за всю историю: Платон — Гегель — Лосев.

А вот отрывок из его собственного давнего стихотворения, где тоже явно ощущается дух библиофильства:

*Запрета строгого печать
Лежит, нетронутая мною,
На книге дней, когда молчать
Я был научен тишиною.
Я помню шелесты страниц
И еле внятный, тонкий запах,
Извивы черных верениц
Мучительно-знакомых знаков...
Тяжелый, древний переплет,
Замки серебряных застежек
Хранят несбывшийся полет
И память обо мне, быть может...*

Д. Б.: — Ваши увлечения — книги о музыке, а также иллюстрированные издания, поэзия, искусство... Это из «официального перечня». Что из вышеперечисленного Вам все-таки ближе? И почему?

Э. К.: — Наверное, музыка. Я ведь довольно известный концертман. С концертов все и началось в те же 1950-е годы. Тогда по наивности мне казалось, что все слушатели очень музыкально образованы — и нужно быть на уровне. Ну, а когда я осознал, что это не совсем так, обратной дороги уже не было, так и пошло.

Именно тогда мне повезло: в одном из букинистических магазинов на Арбате (напротив Театра им. Евгения Вахтангова) распродалась (небольшими партиями) музыкальная библиотека. Видимо, покупая эти книги, я поддерживал своей студенческой стипендией какую-нибудь старушку-вдову «из бывших». Уникальное собрание: издания довольно редкие, в идеальном состоянии (порой даже неразрезанные). Их в таком виде я больше не встречал: улыбышевский «Моцарт», два тома «Музыкально-харак-

теристических этюдов» немецкой писательницы Ла Мары (Марии Липсиус), книги о Скрябине... До сих пор это собрание хранится у меня.

Кстати, в 1970-х годах я по совместительству работал на радио — делал передачи о музыке, которые транслировались за границу. И подобранная к тому времени библиотека мне очень пригодилась. Ведь интернета тогда не было, а тут — все, что нужно, — под рукой. Так влечение души совпало с производственной необходимостью.

Д. Б.: — *Кого из Ваших учителей Вы вспоминаете с особой благодарностью? Кто открыл Вам мир книжной культуры?*

Э. К.: — Мне посчастливилось учиться у выдающегося педагога Анны Даниловны Артоболовской. Она по-настоящему жила в мире музыки, была наполнена, одухотворена ею, и всякий человек, обладающий хоть крупницей музыкальности, попадая в поле ее зрения, становился и объектом ее любви. Заряженность на «любовь к ближнему» была у нее постоянной, неослабевающей, совершенно фантастической по масштабу. Благодаря ей и я оказался в бурном водовороте московской музыкальной жизни...

Наверное, мало кто сейчас поверит, сколько Анна Даниловна писала новогодних поздравительных открыток (Новый год — ее любимый праздник): в лучшие годы — до 300–400! На это уходила вторая половина декабря (время максимальной загрузки на работе) и первая половина января (когда педагогу не грех бы и отдохнуть или хотя бы отдышаться).

Круг интересов ее был чрезвычайно широк... Это поначалу было непривычно... именно ей я обязан и новому взгляду на книги и литературу.

Д. Б.: — *И, конечно, в содружестве с музыкой?*

Э. К.: — Я любил рояль и фортепьянную музыку, к поэзии относился весьма снисходительно, не было ни одного поэта (впрочем, и прозаика тоже) даже среди классиков, которого я бы признавал безоговорочно... У каждого что-нибудь, да не нравилось...

Как-то в разговоре с Анной Даниловной попал в неловкое положение. Декламируя стихотворение Валерия Брюсова, она, прочитав первые строчки, запнулась (или сделала вид, что забыла строчку). Попросила меня продолжить... Я не смог, стал оправдываться: мол, не поклонник Брюсова, да и вообще — слабый поэт, интересны у него только критические статьи и переводы... Анна Даниловна возразила со своей ласково-убедительной интонацией: «Ну как же так! Стыдно не знать!»

Дома я взял в руки антологию Ежова и Шамурина (мою заветную книгу тех лет) и нашел это стихотворение («Юному поэту»):

*Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.
Юноша бледный со взором смущенным!
Если ты применишь моих три завета,
Молча паду я бойцом побежденным,
Зная, что в мире оставлю поэта.*

Закрыв книгу изумленный... Боже мой, как же я про это забыл? Не в том даже дело, что из памяти выветрились строчки, но сам факт существования такого известного, программного стихотворения я просто не имел права забыть... Ирония судьбы: строфы брюсовского же

хрестоматийного «Каменщика» («Каменщик, каменщик, в фартуке белом...»), сидят в памяти больше полувека, с 10-го класса... С удовольствием бы их забыл, да никак не удается!

Вообще стихи и проза Серебряного века, модного сейчас, тогда были не очень-то известны: от школьников требовали знания не ахматовских стихов, а ждановских постановлений... И Анна Даниловна помогла мне осознать пробелы в своих знаниях.

Д. Б.: — *В том числе — и по известным изданиям персонажей Серебряного века?*

Э. К.: — Меня, например, очень интересовала личность Андрея Белого. Его статьи («Луг зеленый», «Символизм», «Арабески»), мемуарная трилогия привели меня в восторг... Но к стихам его я был равнодушен, а для художественной прозы еще не созрел. А тут в разговоре Анна Даниловна захотела вспомнить название одного романа... Общими усилиями мы выяснили: «Серебряный голубь», но я честно признался, что не читал...

Только много позже осилил «Петербург» (в первой редакции) и узнал, какой замечательный Белый-прозаик и какое воздействие на современников он имел (Михаил Чехов в мхатовской инсценировке, иллюстрации Антонины Софрановой...). То же и с Вячеславом Ивановым: книги «Борозды и межи», «По звездам», «Родное и вселенское» я читал в студенческие годы взалхлеб (в Ленинке их тогда свободно выдавали), а к стихам был как-то ортогонален.

Подобных «литературных уколов» было в общем-то не так много, но помнил я их долго, и выводы делал... Правда, пару раз мне удалось отыгаться — не в музыке, но именно в книгах.

Д. Б.: — *И каковы же были эти книжные импровизации?*

Э. К.: — У Анны Даниловны была огромная библиотека, конечно же, требовавшая внимания, ухода и порядка. Наконец с моей помощью был составлен каталог. Анна Даниловна, просматривая списки, стала уточнять кое-какие данные. Я отвечал сходу, даже не подходя к шкафам, не снимая книг с полок. Сидевшая рядом ее дочка изумилась: как можно так легко и подробно рассказывать, всего лишь один раз осмотрев библиотеку? Но все, что касалось книг — названий, изданий, тиражей, обложек, иллюстраций, — в те юные годы своего библиофильства я схватывал быстро и запоминать было не переиграть.

Второй раз, если хотите, был элемент детектива... Анна Даниловна закончила заниматься с двумя девочками, и они вместе с их матерью мирно пили чай. Пришла пора расставаться... Последние наставления... Вдруг куда-то задевались ноты Грига, только что специально найденные, чтобы разучить пьесу... Стали снова искать всюду, в самых немыслимых местах, даже на шкафах, под диваном... Естественно, я тут же включился в поиски, совершенно не представляя, что, собственно, ищу...

Анна Даниловна напряженно думала, вспоминала, просчитывала варианты... Мой взгляд упал на диван, где сидела одна из малюток: для удобства ей подложили две подушки, а под них — толстый нотный том. Оказалось — Григ! Тот самый том, который все ищут! И лежал практически на самом виду... Как у Эдгара По, в рассказе «Похищенное письмо».

Д. Б.: — *Какие необычные ноты могут звучать в «мелодии библиофильства»? Что может дать пересечение библиофильства и музыки, на Ваш взгляд?*

Э. К.: — Не знаю, чем объяснить, но «множества» музыкантов и библио-

филов почти не пересекаются. Как-то я беседовал на эту тему с нашим выдающимся музыковедом Л.А. Мазелем, кончившим, кстати, как и я, мехмат. И он с некоторым недоумением отметил, что из многих знакомых музыкантов тяга к библиофильству была только у одного: у М.А. Якубова, директора музея Шостаковича.

Ну, а если говорить о «странных сближениях», в «пушкинском» их понимании... Как-то я оказался у родственниц художника Юрия Анненкова, они жили в одном из арбатских переулков. Меня привели смотреть рояль, который продавался. Хозяйки рояля — две очень разговорчивые старушки — стали наперебой рассказывать и об Анненкове, и обо всех, кто с ним дружил и приходил в гости... Я, что называется, рот разинул: оказывается, на этом рояле играли мои кумиры — Рахманинов, Шаляпин, Кусевицкий, а уж облакачивались на его крышку чуть ли не все русские художники Серебряного века — Бакст, Бенуа, Добужинский, Серов, Сомов...

Стены сплошь завешаны картинами и рисунками, и книги, книги... Рояль оказался совершенно разбит (почти «дрова»), но после волшебных рассказов я играл с таким подъемом, что сам себе дивился... Словом, редчайший случай: ублажил и старушек, и самого себя... Лучшее всего удался Седьмой вальс Шопена. И пожалуй, неслучайно: в детстве я слышал его по радио в исполнении самого Рахманинова. Тоже, кстати, Серебряный век!

Д. Б.: — *Какова роль библиофильства в истории книжной культуры? Что особенного (и любопытного) принес рубеж века XX и нынешнего, XXI?*

Э. К.: — Польза от библиофильства была всегда и, думаю, навсегда останется. Ведь это форма познания, а мысль

Э.Л. Казанджан. Конец 1950-х годов

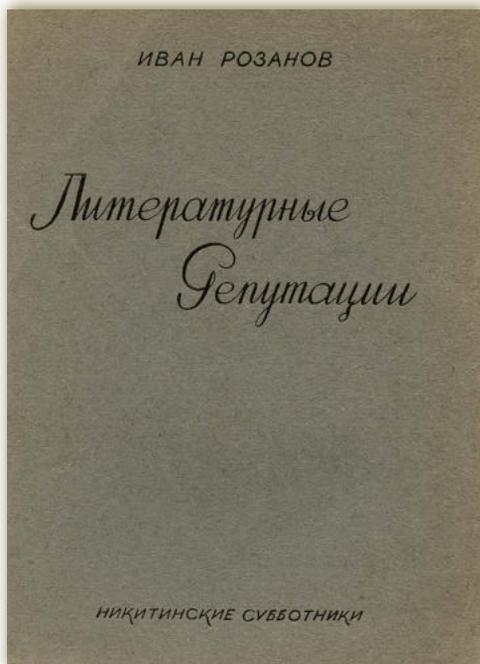
остановить нельзя. Она будет атаковать непознанное с самых неожиданных ракурсов, в том числе библиофильского. А уже когда и где, больше или меньше — непредсказуемо.

Рубеж XX и XXI веков ознаменовался массовым нашествием электронной книги. Да простится мне грубость чувств, но я электронную книгу сравниваю с презервативом: как дополнение к любви ее признаю, а как замену — нет (шарма не чувствуется).

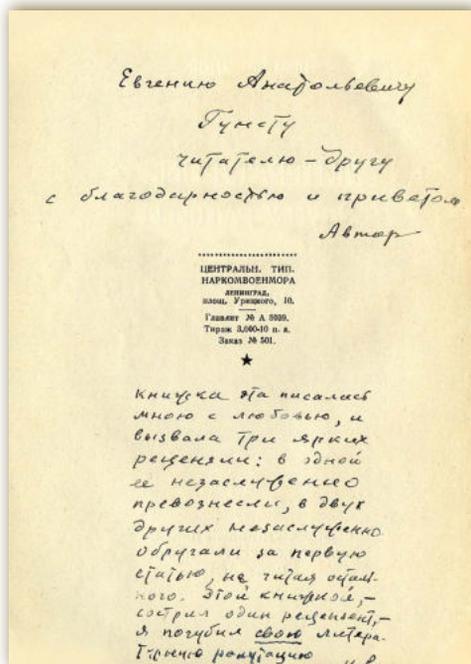
Д. Б.: — *Как повлияли точные науки, в частности, математика на Ваши библиофильские пристрастия?*

Э. К.: — По-моему, никак. Мне интересны всякие книги — по музыке и истории науки, литературоведению и шахматам, по искусству, театральные мемуары (особенно почему-то женские, наверное, из-за их пленительной непосредственности). Конечно, наиболее близки

Обложка книги И.Н. Розанова
«Литературные репутации»
(М., 1928)

Дарственная надпись И.Н. Розанова на обороте титула своей книги «Литературные репутации» (М., 1928) — «читателю-другу» Е.А. Гунсту

и интересны исторические личности, так сказать, многостаночники. Сейчас, с легкой руки Д.С. Данина, их называют кентаврами. Это Ломоносов и Леонардо, В.Ф. Одоевский и А.П. Бородин... Данин даже преподавал кентавристику на кафедре истории науки Российского государственного гуманитарного университета... Его интересовали проблемы совместности несовместимого и сочетания несочетаемого. Кентавристика, по его мнению, доказывает, что все в этом мире взаимосвязано и все друг друга взаимодополняет...

Всякий раз, сталкиваясь лично или заочно с каким-нибудь замечательным человеком, невольно вспоминаю знаменитую фразу Ньютона: «Если я видел дальше других, то лишь потому, что стоял на плечах гигантов».

Д. Б.: — В книге воспоминаний «Лучше чем ничего» (2016) Вы пишете,

что как библиофил — «не такой уж профессионал, а нечто среднее между дилетантом и профессионалом». А какой, по-вашему, в идеале — профессиональный библиофил? И чем он отличается на самом деле?

Э. К.: — Хорошо это или плохо, не знаю, но понятие дилетанта весьма многопланово. В нем может содержаться и презрение-пренебрежение, и уважение, и снисходительное одобрение. Слово это произошло от итальянского *diletto*, что означает удовольствие. В этом смысле, в профессиональном библиофиле обязан «сидеть» и дилетант. Но должна быть и некая гармония между профессионалом и дилетантом. Дать формальное определение профессионального библиофила не берусь. Вряд ли оно сможет что-то прояснить. Скажу только, что профессионалы в моем восприятии — это

Венгеров, Мнухин, Турчинский, Боровков, Рац, Соболев, Чертков...

Д. Б.: — *Вам хорошо знакома поэзия дарственных надписей на книгах. В «Библиофилах России» опубликованы Ваши воспоминания о редакторе С.Д. Разумовской в зеркале инскриптов⁶. Как, по-Вашему, развивается этот жанр сейчас? Какие примеры интересных и необычных инскриптов Вы можете привести?*

Э. К.: — В дарственных надписях закодирована жизнь: в них отражаются разные оттенки отношений дарящего и одаряемого. Вместе с тем — это и крупницы очень далекого и совсем близкого времени, свидетельства истории быта, нравов, поворотов человеческих судеб, тревог и надежд... Бывает, самые простенькие, краткие, нарочито бесхитростные надписи пробуждают глубокие раздумья, сопоставления, аналитические обобщения...

Ожидать какого-то развития этого жанра, думаю, все-таки не приходится. Ведь набор ситуаций, подталкивающих к инскриптам, в общем-то ограничен и вряд ли будет расширяться.

Возьмем как пример один из классических вариантов из моего собрания (на оттиске статьи И.Ф. и Ю.И. Масановых «К истории русского литературного псевдонима», журнал «Советская библиография», 1934, № 2):

«Славному пушкинисту и одному из наиболее популярных знатоков русской литературы, Мстиславу Александровичу Цявловскому от глубоко благодарного И. Масанова. 17/IV-1935 г.»

Или небольшой, но драматичный эпизод, который можно представить, прочитав надпись И.Н. Розанова на книге «Литературные репутации» (1928):

«Евгению Анатольевичу Гунсту, читателю-другу, с благодарностью и приветом — автор.

Книжка эта писалась мною с любовью, и вызвала три ярких рецензии: в одной ее незаслуженно превознесли, в двух других незаслуженно обругали за первую статью, не читая остального. Этой книжкой, — сострил один рецензент, — я погубил свою литературную репутацию. И.Р.»

Мне известен и «музыкальный инскрипт»: Илья Зильберштейн как-то показывал пастернаковский сборник «Сестра моя жизнь» с дарственной надписью Михаилу Кузмину и необычной цитатой: нотный стан с главной темой Четвертой баллады Шопена. Сообщил об этом владельцу, тот удивился: «Вы и ноты знаете?» А мне было странно другое: столько лет держать дома такую книгу и даже не поинтересоваться, что это за музыка!? А ведь она играла огромную роль в жизни обоих поэтов.

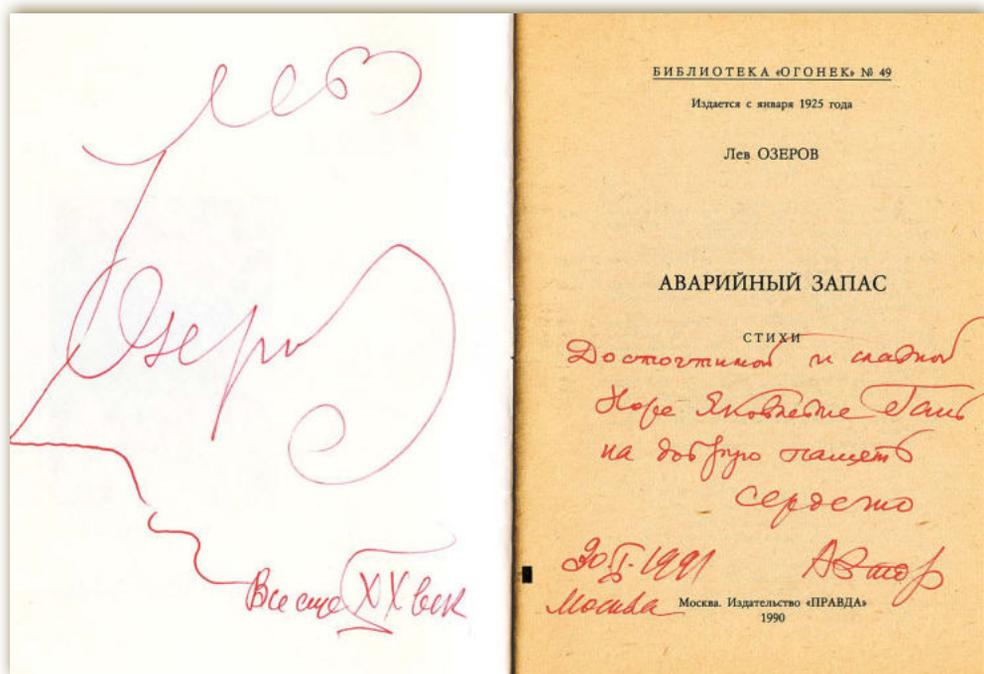
А наиболее интересны, на мой взгляд, комбинированные инскрипты. Скажем, сочетание стихотворного с прозаическим, текстового с рисунком или группового.

Очень хорош комбинированный инскрипт, который я (к своему собственному изумлению!) полностью «раскрыл» только на одной из встреч в Московском клубе библиофилов. Рассказывая о книгах из своей библиотеки, неожиданно как следует рассмотрел дарственную надпись на небольшой книжке стихов Льва Озерова «Аварийный запас» из «Библиотеки» журнала «Огонек» (1990).

На титульном листе: «Достоchtigой и сладкой Норе Яковлевне Галь на добрую память. Сердечно. 20-I-1991. Москва. Автор». На авантитуле надпись

⁶ Казанджан Э.П. «Лучший литературный вкус Москвы» (о редакторе Софье Дмитриевне Разумовской в зеркале инскриптов) // Библиофила России. М., 2004. Т. 1. С. 252–268.

Титульный разворот книжки стихов Льва Озерова «Аварийный запас» из «Библиотеки» журнала «Огонек» (М., 1990) с дарственной надписью-автопортретом автора

«Лев Озеров. Все еще XX век» образует автопортрет.

Есть, пожалуй, самый редкий вариант дарственной надписи — для самого себя (или самому себе). Я столкнулся с подобным один раз — роясь в книгах поэта Германа Абрамова (1906–1989). Сперва это показалось странным и даже немного смешным. А собственно — почему?

Ведь различные заметки на полях страниц в тексте встречаются очень часто и нисколько не удивляют. Тогда стоит ли отвергать одну коротенькую запись на форзаце, где дается суммарно-интегральная характеристика приобретенной и прочитанной книги? Если это хорошая, интересная книга, то спустя

несколько лет можно раскрыть ее вновь, перелистать-перечитать и сравнить впечатления разных лет... А вдруг захочется сделать надпись-добавку? И так может родиться новый жанр: гибрид инскрипта с дневником. И название напрашивается само собой: автоинскрипт.

В свое время я посоветовал критику Бенедикту Сарнову написать статью об этом, и он опубликовал ее в журнале «Вопросы литературы»⁷. Он, в частности, писал, что авторские дарственные надписи можно рассматривать как особый литературный жанр. Тем более, если надпись — стихотворная. Это, в сущности, разновидность той «домашней поэзии», благодаря которой возникли такие шедевры, как бессмертный Козьма Прут-

⁷ Дарственные надписи. Вступительная заметка, публикация и примечания Б. Сарнова // Вопросы литературы. 2008. № 1. С. 366–371.

ков или стихи Николая Олейникова (называвшего себя внуком Пруткова и посвящавшего ему стихи).

Вот, например, одна из надписей Олейникова на книге (стихотворение «Лиде»):

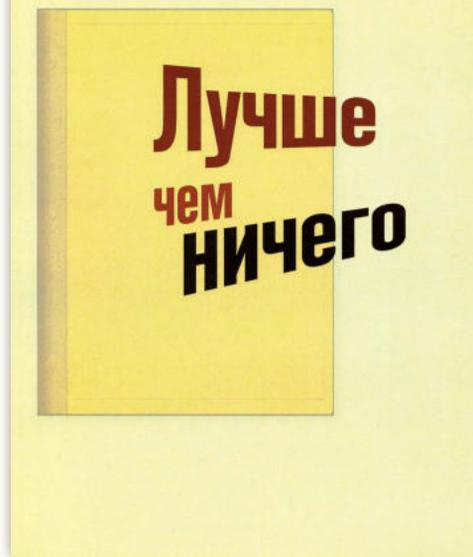
*Прими сей труд.
Он красотой напоминает чай.
Читай его.
Скорби.
Надейся.
Изучай.
Но пожалей несчастного меня,
Смиренного редактора Макара⁸,
За то, что вместо пышного пучка огня
Я приношу тебе лишь уголь тлеющий
из самовара.
Сей самовар — мое к вам отношение,
А уголь — данное стихотворение.*

Мог ли кто-нибудь из адресатов этих шуточных экспромтов (да и сам Олейников) предполагать, что полвека спустя они украсят один из самых любопытных томов знаменитой Большой серии «Библиотеки поэта»?

Д. Б.: — *Какие «книжные эпизоды» прошлых лет Вам кажутся наиболее примечательными и почему?*

Э. К.: — Сейчас трудно даже поверить, насколько был в середине 1960-х годов популярен Евгений Евтушенко. Его стихи часто «цепляли» даже тех, кто к поэзии был равнодушен (как говорил Твардовский, настоящие стихи интересны даже людям, обычно их не читающим). Вот характерная сценка. Букинистический магазин № 14 (тот самый, в Камергерском переулке, рядом с МХАТом), воскресенье. Народу полно. Вламывается юноша и, даже не пытаясь протиснуться к прилавку, бросает

Э. Казанджан

Обложка книги Э.П. Казанджана
«Лучше чем ничего»
(М., 2016)

через головы: «Евтушенко есть?» Продавец качает головой. Возникает следующий — тот же сюжет. Вслед подваливает третий, в очках, очень взволнованный. Опять: «А Евтушенко?» Отрицательный ответ так огорчает, что какой-то сердобольный книжник (под всеобщие смешки) отводит его в сторону и начинает, как первоклашке, объяснять нелепость запроса. «Нормальные люди» уже давно знают, что в магазине книг Евтушенко нет и не может быть, только на «черном рынке».

Еще одна необычная ситуация — и тоже в какой-то мере связанная с поэзией. Мария Васильевна Петровская (Вахтерова), переводчица с французского, попросила достать одной ее хорошей знакомой второй том из шеститомника

⁸ Один из псевдонимов Олейникова — Макар Свирепый.

Обложка книги А. Кондратьева
«Мифологические рассказы. Белый козел»
(СПб., 1908)

Титульный лист книги А. Кондратьева
«Мифологические рассказы. Белый козел»
с дарственной надписью автора В.Ф. Ходасевичу

Лермонтова⁹: его то ли затеряли, то ли увели при переезде...

Не такая уж редкость, книга номинальная, магазинная... Приобрел, позвонил... Оказалось, речь идет о Ксении Александровне Марцишевской, вдове знаменитого библиофила Ивана Никаноровича Розанова. Отправился по указанному адресу, вручил томик, получил затраченную десятку, минут двадцать приятной светской беседы — все? Нет, уже в передней, прощаясь, Ксения Александровна подала небольшой (по формату) презент: «Мифологические рассказы» Александра Кондратьева, в идеальной сохранности, да еще и с дар-

ственной надписью, и кому — В.Ф. Ходасевичу! Я даже оторопел: за какие же, собственно, заслуги? Но отказываться было нельзя: обидел бы всех (включая себя). Книга хранится у меня до сих пор.

Однако не могу отделаться от чувства некоторой несправедливости: она же подарила государству, в Музей А.С. Пушкина, уникальную поэтическую библиотеку И.Н. Розанова. И за свои деньги была вынуждена покупать современные издания Лермонтова и Пушкина...

Д. Б.: — Ваши краткие («итрихотипические») воспоминания «Большой зал — вокруг и около...» (2004) и «Лучше

⁹ Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 6 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957.

чем ничего. Сумбур вместо книги» (2016) получили благожелательные отзывы. Думаете ли их продолжить?

Э. К.: — Спасибо на добром слове.

Но у меня имеются и другие мемуарные записки — послесловие к сборнику стихов И. Липкина «Колобок на Парнасе»¹⁰, воспоминания об известном ученом и выдающемся библиофиле Э.И. Григолюке и художнице И.Н. Кичановой. Но самые обширные воспоминания содержатся в комментариях к подготовленным мною к изданию книгах Д.С. Данина «Строго как попало» и «Нестрого как попало» (изданных мною за свой счет в 2012–2013 годах небольшим тиражом). По общему признанию, они пришлись ко двору нашей читательской аудитории.

А насчет будущего — не знаю. Как сказал поэт, стихи не пишутся, случаются. А мемуары, видимо, и пишутся, и случаются. Так что — все возможно.

Д. Б.: — *Наверное, библиофильские интересы члена-корреспондента РАН Эдуарда Ивановича Григолюка тоже были неординарными?*

Э. К.: — Это был выдающийся технар, замечательный преподаватель, ученый-энциклопедист, страстный коллекционер, блестящий знаток русской поэзии и истории. Долгое время редактируя реферативный журнал «Механика», он стал инициатором перевода с английского и немецкого языков серьезных научных монографий.

Он собирал очень многое: Золотой и Серебряный век русской литературы (особенно Пушкина), иллюстрированные издания и справочники, альманахи и «тамиздат». Очень любил цитировать наизусть Пушкина и Лермонтова, Ронсара и Бернса, рубаи математика и мудреца Омара Хайяма и, конечно,

стихи Есенина. Некоторые его увлечения меня удивляли... Впрочем, возможно, здесь сказывались предпочтения его родных.

Скажем, у него было все сойкинское иллюстрированное издание Александра Дюма (он помню, охотно цитировал чью-то фразу — «Дюма — это явление природы»). Оно вышло как приложение к журналу «Природа и люди» в 24-х томах (84-х книгах), подготовлено писателем и библиографом П.В. Быковым. Полный комплект в хорошем состоянии собрать сейчас довольно трудно, и у меня бывали случаи, когда владельцы не хотели верить, что их Дюма — с изрядной недостачей...

Еще ученый охотно приобретал детективы на английском языке — Эдгара Уоллеса (основоположника жанра «триллер») и Эдварда Оппенгейма (автора шпионских романов). Оба написали больше ста книг, так что поиск никогда не был исчерпывающим. Это было задолго до издания их переводов у нас, и можно было лишь изредка достать довоенные рижские переводы — по совершенно заоблачным ценам.

Кое-что Эдуард Иванович собирал просто фанатично — все прижизненные издания «Двенадцати» Александра Блока, ахматовских «Четок» и т.д. Такого могучего подбора символистов я не видел ни у кого, причем некоторые уникальные издания были с дублетами (на случай обмена).

Да и XIX век был представлен очень внушительно. Все классики — даже прижизненный Радищев. Ученый собирал не только книги, но и рукописи, например, поэтические тетради, автографы, отдельные стихотворения... От меня к нему попали тоненькие «Песни и стихи, 1916–1937» Александра Вертинского

¹⁰ Липкин И. Колобок на Парнасе. Пародии. Стихи. Проза. Переводы. М.: Визграф. 2007. 228 с.

(Эдуард Иванович его талант высоко ценил), альманах «Воздушные пути» с первой полной публикацией ахматовской «Поэмы без героя», ее же «Реквием», а также парижский двухтомник «Жизнь Пушкина» Ариадны Тырковой-Вильямс. Он ее очень хвалил вопреки отзывам скептиков: попробуйте, мол, сами написать что-то такое же «читабельно-популярное»!

Д. Б.: — *Есть ли экслибрисы в Вашем книжном собрании? Помещаете ли Вы их на книги личной библиотеки?*

Э. К.: — В моих глазах экслибрисы — это милое изящное полубаловство, отнюдь не бесполезное, но я к этому ортогонален. Хорошо, но не для меня.

Д. Б.: — *Вы знали многих знаменитых (и не очень) отечественных деятелей книги. Расскажите, пожалуйста, о самых запомнившихся встречах с ними.*

Э. К.: — В первую очередь — это выдающийся библиограф, собиратель русской поэзии XX века, специалист по творчеству Марины Цветаевой Лев Михайлович Турчинский. Я с ним дружил свыше 60 лет. Говорят, таким же фанатиком был А.К. Тарасенков. Двое за все столетие. Их объединяет любовь к книге, преданность книге, понимание важности того, что делается ради книги, бескорыстие. Сейчас библиографические труды Турчинского — необходимое подспорье для всех библиофилов — и начинающих, и для профессионалов. А его совет универсален — «Коллекционируйте тех, кто неизвестен и недооценен. И не забывайте брать автографы». Но мне до сих пор грустно — он ушел от нас в январе этого года...

А вот с легендарным Николаем Павловичем Смирновым-Сокольским состоялся один-единственный разговор... Мне как-то подвернулась тонкая книжечка в простеньком, но старом переплете под

скромным названием «Звуки». Издание примерно 1863 года, автор не указан. Месяц-другой спустя пришла ко мне еще одна экзотика: сборник стихов, издан в 1917 году в Нью-Йорке, в оригинальном замшевом переплете, с причудливыми виньетками, тоже анонимная. Кто же авторы? У кого бы узнать?

Один приятель посоветовал: позвони Смирнову-Сокольскому, не стесняйся, ему многие звонят, телефон я тебе достану. Что ж, позвонил, изложил суть дела: мол, интересуюсь авторами, но если эти книги вам нужны, то без звука уступлю. Мой шуточный вызов был принят и изящно парирован — ну, о звучании мы договоримся. И Николай Павлович запросил первые четыре строчки из американского сборника. Выслушал — и тут же прокомментировал: судя по всему, это — не поэт высокого полета. А для «Звуков» попросил ровно три минуты для обращения к своей библиотеке. Оказалось, что эта книга у него есть (автор — дипломат и коллекционер князь Д.И. Долгорукий), досталась от известного библиофила Л.И. Жевержеева.

Беседа, как говорится, прошла очень тепло и дружелюбно. К сожалению, больше мне не пришлось общаться со Смирновым-Сокольским, он вскоре умер. Книги его я ценю очень высоко. По-моему, они до сих пор «в строю», блестяще прошли испытание временем.

Д. Б.: — *Ваше учебное пособие «Школьник — абитуриент — студент — инженер», подготовленное в МГТУ им. Н.Э. Баумана, выдержало несколько изданий. Нашлось ли там место книжной культуре? Как Вы оцениваете перспективы «содружества» молодежи и книги?*

Э. К.: — Да, там целая глава посвящена чтению — не столько нужной литературы по специальности, сколько чтению вообще. При этом математические

постулаты иллюстрируются стихотворными цитатами из русских и иностранных поэтов, прозаиков и философов.

Но кому, что и когда читать — вопрос очень тонкий, в чем-то сугубо личный... И все же общие закономерности существуют. Сначала — самое важное, перво-степенное, затем — труды менее значимые или посвященные более частным вопросам. Кстати, рекомендую именно «Рассказы о книгах» Смирнова-Сокольского — как первое, весьма наглядное представление о книгособирательстве.

А насчет перспективы «содружества»: хотя я и оптимист, но некоторое опасение все же разделяю — как бы нынешнее поколение впоследствии не обозначило как поколение, одуроченное интернетом. Конечно, интернет — это великое достижение человеческой мысли, но зачем же делать из него икону и чуть ли не молиться на него? Нынешняя жизнь такова, что любую информацию надо воспринимать критически, иначе легко «наколоться».

Д. Б.: — *Что Вы читаете сейчас про библиофильство и какие издания (публикации) последнего десятилетия кажутся Вам наиболее значимыми?*

Э. К.: — Каюсь, но я еще не прочитал полностью два опуса своих друзей (Леонарда Черткова и Александра Соболева). Надеюсь покончить с этими «белыми пятнами» в обозримом будущем. Из того, что произвело впечатление за последнее время, могу назвать выпущенный в 2020 году фундаментальный двухтомник Л. И. Черткова «ВХУТЕМАС — ВХУТЕИН. Полиграфический факультет. 1920–1930»¹¹, а также — книги А. А. и С. А. Венгеровых, М. В. Раца,

М. В. Сеславинского, иллюстрированный трехтомник «Музей книги» П. А. Дружинина и А. Л. Соболева.

Д. Б.: — *Какой глубинный смысл Вы вкладываете в парафраз формулы композитора Роберта Шумана — только библиофил понимает библиофила до конца?*

Э. К.: — Формула Шумана, видимо, универсальна: рыбак лучше понимает рыбака, старик — старика, политик — политика и т. д. А изыскивать глубинный смысл здесь в общем-то необязательно... В связи с этим совет — как можно чаще интервьюируйте библиофилов, поскольку только в дружеских разговорах с ними может что-то проясниться. Ведь в диалогах рождается истина.

Д. Б.: — *Какой вопрос Вы ожидали, но он не был задан? Как бы Вы на него ответили?*

Э. К.: — Затаив дыхание, ждал вопроса — кто-нибудь из Ваших студентов стал библиофилом? Увы, не могу сказать. Судьбы многих моих студентов очень различны — один из них стал, например, художником, другой актером, третий музыкантом... При том о многих студентах я ведь ничего не знаю. А склонять своих студентов к библиофильству я считал себя просто не вправе. У них и так огромные нагрузки-перегрузки. А начав преподавать в МВТУ, я понял, что главная задача преподавателя — не научить, а привить чувство стыда за незнаемое.

Д. Б.: — *Что бы Вы хотели пожелать читателям журнала «Про книги...»?*

Э. К.: — Чтобы их любимый журнал существовал возможно дольше, а круг его читателей неуклонно расширялся. **[ПК]**

¹¹ Первый том — биографии преподавателей факультета, каталоги студенческих печатных работ (1920–1930), коллективных работ выпускников факультета (1927–1954), а также приложение о его истории. Второй том — биографии 135 художников, учившихся там.

ЭКЗЕМПЛЯР

№ 35.....

*Василия Яковлевича
Толбу*

Дружеские
СТИХИ

ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНИЯ

ИВАНА АНДРЕЕВИЧА

КРЫЛОВА.

и
и
РОССИЯНИНЪ
ПРОШЕДШАГО ВѢКА,
или
ПРЕДЛОЖЕНІЕ
ИВАНА ПОСОШКОВА,
поданное Боярину Федору
Алексѣевичу Головину
1701 года;

съ присовокупленіемъ
опеческаго завѣщательнаго
поученія, посланному дѣ-
ученія въ дальнія спра-
юному сыну, писанное
1708 году.

СОЧИНЕНІЕ

Иванъ Ивановичъ Новиковъ.

ВЪ МОСКВѢ
1795.

Из записок собирателя

О.Г. Ласунский

«Писавый Ивашко Посошков...»

Бывает же такое: в дни, когда страна отмечала круглый юбилей первого российского императора, экспресс-почта доставила мне из Москвы небольшого формата книжицу в цельнокожаном переплете отменной сохранности! Вышла она вовсе не в петровские времена, а много позднее, однако ее автор жил в ту достославную эпоху, которая связана с именем Петра I Великого. Сочинитель был старше самодержца ровно на двадцать лет, происходил из состоятельных подмосковных ремесленников и, несмотря на сословную пропасть, пролегшую между ним и монархом, несколько раз добивался встреч с Петром I и, похоже, всерьез интересовал августейшую особу.

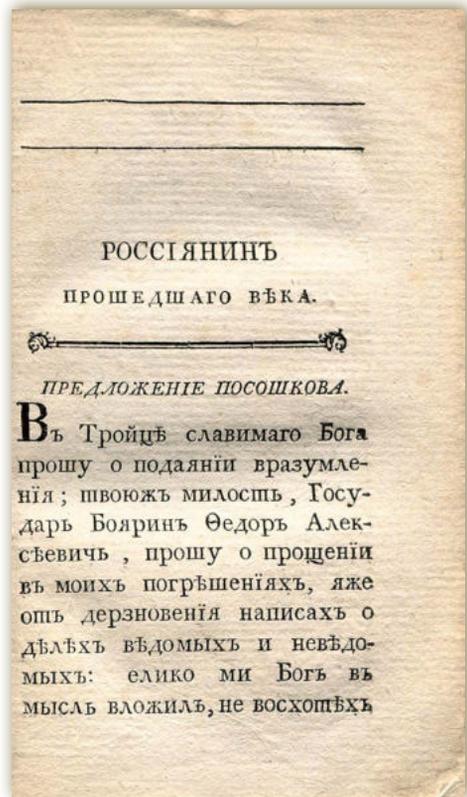
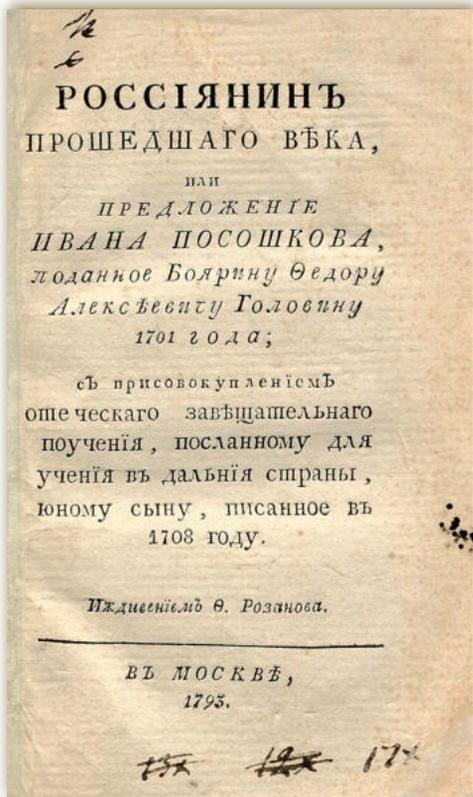
Сия личность звалась *Иван Тихонович Посошков*, а заметку о ней можно обнаружить, например, в соответствующем томе «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1968. Т. 5). Такая честь объясняется просто: посошковская книга «О скудости и богатстве» (1724) стала одним из образцов ранней национальной публицистики и отличалась стилистической выразительностью и доступным для понимания языком.

Иван Посошков относился к той немногочисленной категории людей из социальных низов, которую составляли так называемые самородки. Он блистал в искусствах, а в экономике и технике испытывал себя на прочность в разных сферах деятельности: служил в Оружей-

ной палате, где был «денежным мастером», владел винокурней и серным прииском, искал нефть, занимался коммерцией. И, главное, неизменно размышлял о путях, ведущих к пользе Отечества. Общественная жилка пульсировала в нем непрерывно и самым живейшим образом. Идеи, одна любопытнее другой, теснились в уме и требовали какого-то выхода. Посошков предпринимал отчаянные попытки донести их до сведения сильных мира сего, вплоть до державного правителя.

Горячий патриот своей родины, Посошков косо смотрел на иноземных инженеров и ратовал за усиление роли купечества в хозяйственных делах. И еще одна проблема сильно его волновала. Петровская Россия часто вела различные военные кампании, и раздумья о характере ратного ремесла постоянно присутствовали в различных посошковских проектах. Однажды народный умелец продемонстрировал царю свое любимое изобретение — некие «рогатки на колесах с огненным боем»: это чтобы пули даром не пропадали. Вот как радел Иван Тихонович о состоянии государственной казны!..

Объявившаяся в моем собрании книжица именуется, по обычаю той поры, довольно затейливо — «Россиянин прошедшего века, или Предложение Иван Посошкова, поданное боярину Федору Алексеичу Головину 1701 года...» И это еще не все! Заглавие продолжается: «...с присовокуплением отеческого завещательного поучения посланному для учения в дальние страны юному сыну, писалось в 1708 году».

Титульный лист и первая страница издания трудов И.Т. Посошкова «Россиянин прошедшего века...» (М., 1793)

Книжица издана иждивением Ф. Розанова в 1793 году в Москве. К тому времени сочинитель более полувека как покоился в земле, да и его сына, отправленного постигать разные науки в Голландию, давно уже не было на свете. Гражданские инициативы И.Т. Посошкова после кончины благоволившего к нему императора сразу оказались ненужными и даже вредными: «писаку» за какую-то провинность засадили в Петропавловскую крепость, где он в 1726 году и отдал Богу душу. Своей страшной смерти старик не заслужил. Увы, так в варварской стране учинялась расправа над ее лучшими умами! Власть не простила Посошкову его критики помещичьих злоупотреблений и неправды в судах...

К кому же нижайше адресовался Посошков? Адмирал и генерал-фельдмаршал, глава Посольского приказа, Ф.А. Головин принадлежал к числу «птенцов гнезда Петрова». Через него автор надеялся довести свои соображения до сведения царя. Судя по всему, сие предприятие вполне удалось. После победы шведов под Нарвой Петр I вынужден был озаботиться состоянием русской армии. Посошков передает ему через Ф.А. Головина свои предложения, в коих содержалось немало здравых мыслей по поводу усовершенствования воинских навыков. Удивительно, откуда у вполне мирного жителя было столько знаний о бранном деле и как не страшился он последствий за свою смелость, когда обличал дворян

за трусость в бою («за кустом лишь бы притулиться!»). Посошков вовсе не стеснялся крепких выражений, когда критиковал сложившиеся в «Руссии» армейские порядки. Видимо, верил, что царь не лишит его своей милости.

Посошков дерзает давать Петру конкретные советы, как вести «радостную» войну, дабы «малыми людьми многолюдного неприятеля побеждать». Для сего, продолжает автор, надобно содержать служивый люд в довольстве, а весь солдатский инвентарь — в порядке и избытке. Еще нужно, чтоб пушки были «нутром прямы и чисты», а ядра — «круглы и гладки». Да чтоб порох не отсыревал, а пушки чтоб стреляли бы метче!..

В предуведомлении к посошковскому тексту издатель извещает публику: сия старинная рукопись о «европейских заведениях Петра Великого» была найдена среди подаренных ему, Фоме Розанову, бумаг. «В похвалу сочинителя, — заключает издатель, — служит то, что он писал от доброго сердца и из любви к Отечеству, а отнюдь не для того, чтоб снискать себе какие выгоды...».

Что же касается «отеческого поучения» своему отпрыску, то и здесь Иван Тихонович выказывает себя изрядным автором. Однако теперь высокий пафос изложения сменяется задушевной родительской интонацией: Посошков умел быть не только страстным публицистом, но и проникновенным лириком..

В наших черноземных местах царь Петр бывал многожды: на Воронеж-реке строился первый российский флот, необходимый для того, чтобы захватить неприступную с суши турецкую крепость Азов. В посошковском трактате есть пассаж про «умение стреляльное на водяном бою»: судам потребны самые удалые

стрельцы, дабы «морское колебание» не мешало им бить без промашки в подвижную цель. Глядя сегодня на восстановленный в натуральную величину и пришвартованный к городской набережной государев корабль «Гото Предестинация»¹, я невольно вспоминаю про сочинение, автор которого так обозначил себя в конце текста: «Писавый Ивашко Посошков...».

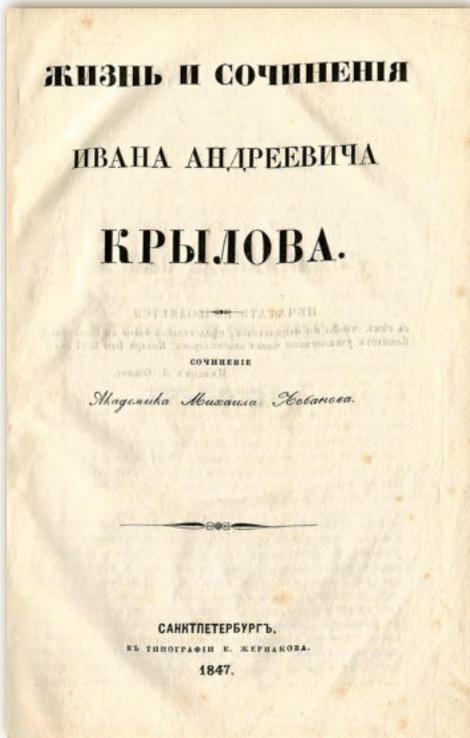
Этот дедушка Крылов...

Почему бы не предположить, что я уже видел этот экземпляр, когда однажды находился в гостях у Владимира Германовича Лидина?! Хозяин, обрадовавшись неожиданному нашествию провинциалов (мы оказались в Москве по случаю своего участия в республиканском съезде любителей книги), охотно демонстрировал нам уникамы из своей прославленной библиотеки. Их в разных уголках двухэтажной квартиры было так много, что сейчас и не упомнить всего, что тогда держали мы в руках... Когда писатель покинул белый свет, печатные редкости из его собрания стали регулярно появляться на антикварных торжищах. Никакими владельческими метками они, увы, не были обозначены, и многие раритеты бесследно растворились среди аукционных лотов. Так бывает: библиофилы уходят — книги остаются!..

Однако не все так плохо! В.Г. Лидин оставил для нас сборник увлекательных рассказов о наиболее примечательных экземплярах из состава своей коллекции. В одной из главок — она называется «Живые надписи» — автор поведал о книжице, увидевшей свет спустя совсем малый срок после кончины Ивана Андреевича Крылова. Приведен был и текст

¹ Наиболее распространенный перевод: «Божье провидение».

*Титульный лист книги М.Е. Лобанова
«Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова»
(СПб., 1847)*

дарственной надписи, украсивший форзац. После кончины В.Г. Лидина за этим томиком началась погоня среди нашего брата. Она завершилась тем, что книжица перебралась, уже на постоянное местожительство, в град Воронеж...

Тут необходимо вспомнить вот о чем. В биографии великого баснописца случались непосредственные соприкосновения с нашим черноземным краем. Еще на исходе XVIII века Крылов, будучи личным секретарем князя-меломана С.Ф. Голицына, побывал в Воронеже по дороге в саратовскую вотчину своего благодетеля. Сопровождавшие князя музыканты тешили губернскую публику концертами, на которых Крылов нередко выступал, играя на скрипке. Впрочем, тогда еще никто не мог предположить, что голи-

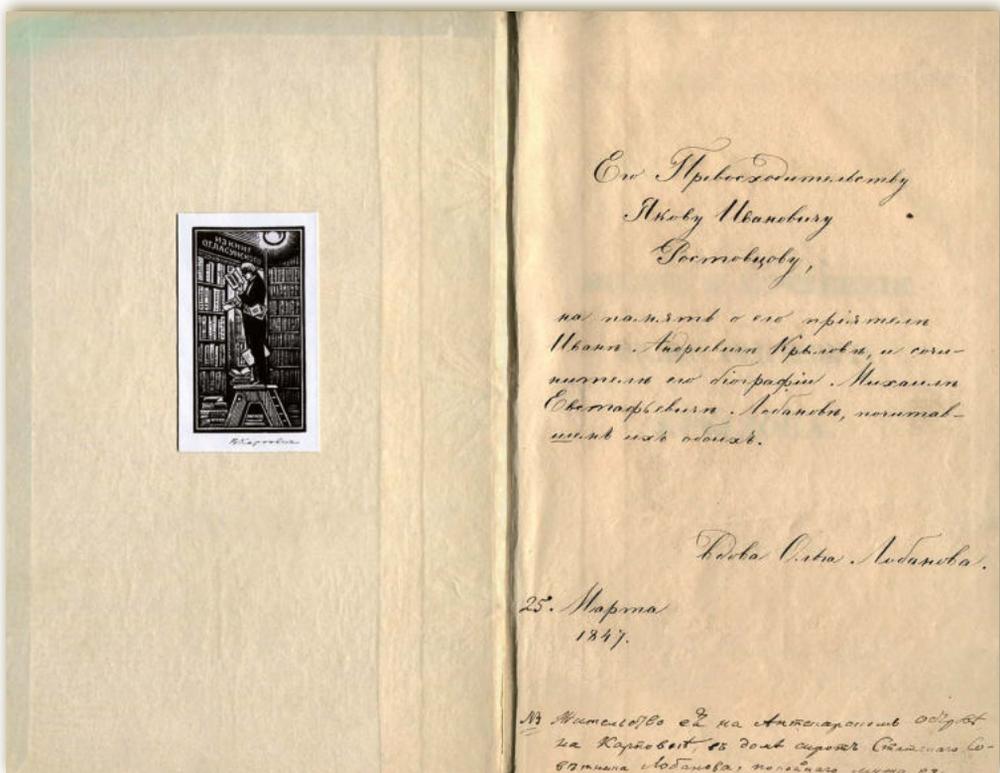
цынский секретаришка станет знаменитым сочинителем.

Была еще одна ниточка, которая связывала Крылова, уже маститого автора, с воронежской землей... В середине 1820-х годов крыловская любимица, Варенька Оленина, дочь директора Императорской Публичной библиотеки и президента Академии художеств, зимами жила в Воронеже, а на лето перебиралась в мужнину деревеньку Староживотинное. Известно письмо Крылова к В.А. Олениной от 22 июля 1825 года, где как раз присутствует указание на факт вполне приятственного пребывания Вареньки в наших палестинах...

Заманил ли я тебя, читатель, в свою библиофильскую ловушку? Если да, то придется поближе познакомиться с залетевшей в мои хоромы книжечкой. Именуется она простенько: «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова», тиснута в петербургской типографии К. Жернакова (1847), а автором значится академик Михаил Лобанов.

Михаил Евстафьевич Лобанов (1787–1846) к концу жизни числился почетным членом Академии наук (по Отделению русского языка и словесности). В литературных кругах его ценили за переводы иностранных пьес для репертуара сцены. Впрочем, Пушкин не считал нужным скрывать свое критическое отношение к этим безжизненным текстам. Лобанов действительно чаще оглядывался назад, чем смотрел вперед. Зато он был отчаянным собирателем различного рода автографов, которые после его смерти разошлись среди зубров коллекционерского сообщества.

В свои последние годы М.Е. Лобанов предпочитал заниматься преимущественно учеными трудами. Среди них были и жизнеописания Н.Н. Гнедича и И.А. Крылова. Обе работы интересны

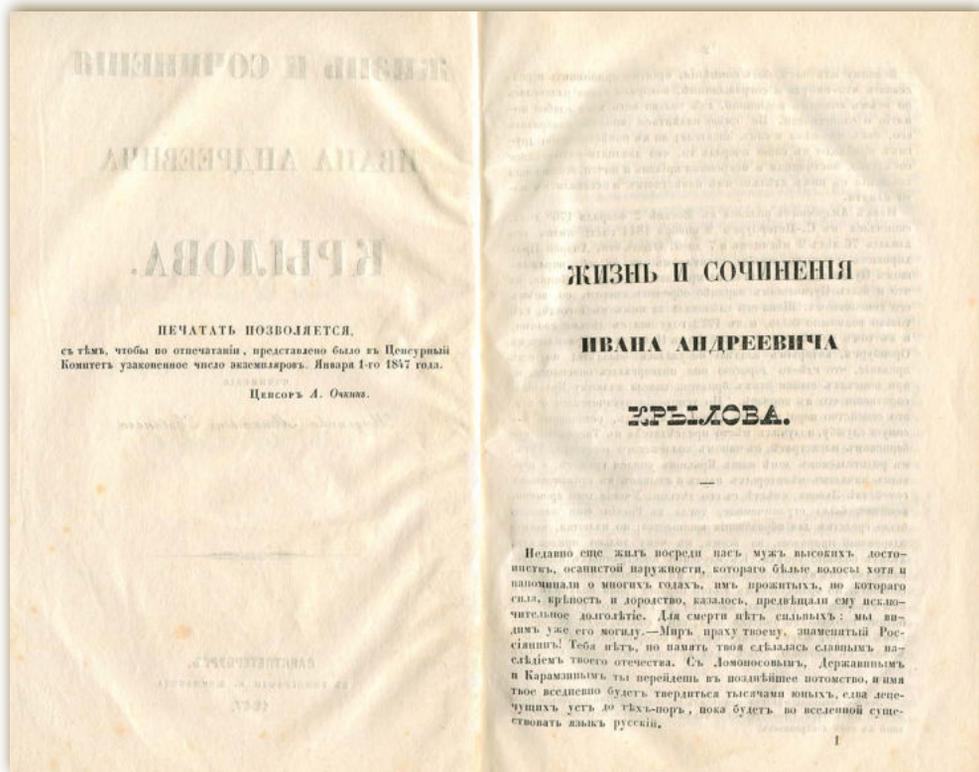
Разворот книги М.Е. Лобанова «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» (СПб., 1847) с экслибрисом О.Г. Ласунского (художник В. Карпович) и дарственной надписью Якову Ивановичу Ростовцеву

разнообразными бытовыми подробностями. В книге о баснописце впервые приведены его некоторые ранние опыты в драматическом жанре. Любопытны и сведения о мотивах и манере создания басен, а также о многих творческих причудах «дедушки Крылова». По словам М.Е. Лобанова, публичная декламация Иваном Андреевичем своих басен была тогда «лакомым блюдом всякого литературного пира и угощения».

Наблюдение за изданием лобановской рукописи осуществляла уже вдова автора — Ольга Карловна, в девичестве Вульферт. Она же составила перечень тех, кому в память о супруге предназначала подносные экземпляры, и наняла писаря, готового надлежащим образом

оформить адресованные различным особам тексты. На производство тиража ушло совсем немного времени, и уже весной 1847 года Ольга Карловна занялась рассылкой экземпляров. В ее поименном списке наличествовало, надо полагать, немало высокопоставленных персон. В их числе значился и будущий генерал от инфантерии Я.И. Ростовцев: в ту пору он возглавлял все военно-учебные заведения в России. Этот человек был, оказывается, душеприказчиком Крылова, и как раз по его инициативе на последнем прижизненном сборнике произведений баснописца (СПб., 1843) появилась извечно влекущая к себе книжников надпись (она сделана наборщиками вручную) о последнем желании сочинителя

Разворот книги М.Е. Лобанова «Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова» (СПб., 1847) с цензурным разрешением и началом текста: «Недавно еще жил посреди нас муж высоких достоинств, осанистой наружности...»

разослать свое детище друзьям и знакомцам.

И вот Ольга Карловна диктует писарю: «Его Превосходительству Якову Ивановичу Ростовцеву на память о его приятеле Иване Андреевиче Крылове и сочинителе его биографии Михаиле Евстафьевиче Лобанове, почитавшем их обоих, вдова Ольга Лобанова. 25 марта 1847». Писарь изрядно постарался. Он красиво, по закону соразмерности, расположил слова, заглавным буквам придал необходимые завитушки и, похоже, остался вполне доволен своим каллиграфическим произведением.

В надежде получить на свой презент ответный, желательно, письменный отклик вдова решила напомнить Его Пре-

восходительству свой адрес и, нарушив всякую симметрию, нацарапала внизу жалостливую о себе фразу: «Жительство ее на Аптекарском острове, на Карповке, в доме сирот статского советника Лобанова, покойного мужа ее». Доставила ли почта на Карповку весточку от Я.И. Ростовцева, про то сочинителю сих строк неведомо. Зато можно не сомневаться, что сиятельное лицо пообещало блюсти книжечку от всяческих невзгод, и это отношение к ней подхватили все, кто владел ею позднее. Вот уже более полутора веков она кочует по библиофильским коллекциям.

Но рано или поздно всем странствиям приходит конец. Из Воронежа томик уже никуда не денется...

В память о Казарозе

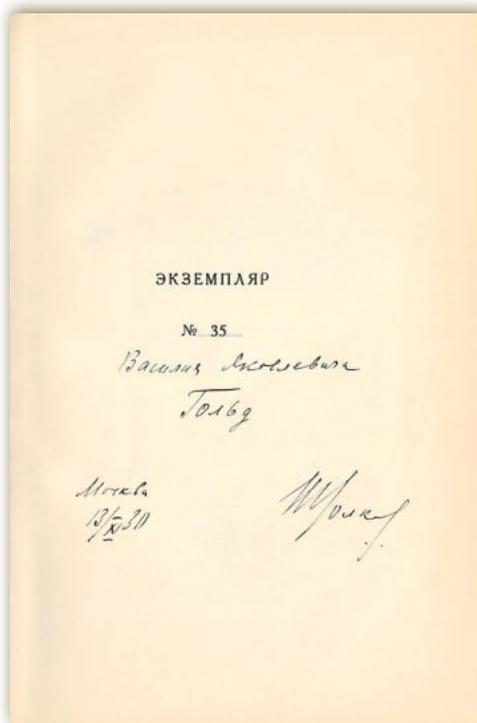
«Казароза» — это был сценический псевдоним талантливой эстрадной и опереточной певицы, танцовщицы и мимистки — ее хорошо знала и ценила предреволюционная художественная среда Петербурга-Петрограда. С 1910 года юная артистка выступала на подмостках маленьких столичных театриков — «Дома интермедий», «Привала комедиантов», «Бродячей собаки» и других. Миниатюрная черноокая девушка умела исполнять все, что полагалось делать в подвальчиках, где вечерами собиралась высокая богема: помимо простеньких песенок и шуточных скетчей, она выступала под звон гитары в образе испанской плясуньи-цыганки.

Стихия искусства захватила Казарозу целиком. Это экзотическое существо покорило самую взыскательную публику. К сожалению, судьба была к нашей героине слишком сурова. Одна за другой накатывались беды: стал пропадать голос, умер горячо любимый ребенок, начались неприятности со здоровьем. В начале марта 1929 года Бэла Георгиевна Казароза (по второму мужу — Волкова) добровольно ушла из жизни: в прощальной записке она высказалась о смерти как о покое и отдыхе. Ей было чуть более тридцати пяти лет. Горстку праха перевезли из берлинского крематория в Москву и захоронили на кладбище бывшего Новодевичьего монастыря.

Потрясенный случившимся Николай Дмитриевич Волков (начинающий театровед, позднее он сделает себе имя в качестве автора различных инсценировок и балетных либретто) решил, помимо надгробного, создать супруге еще и другой памятник, литературный. Его увлекла идея подготовить и издать сборник мемориальных текстов. Надо

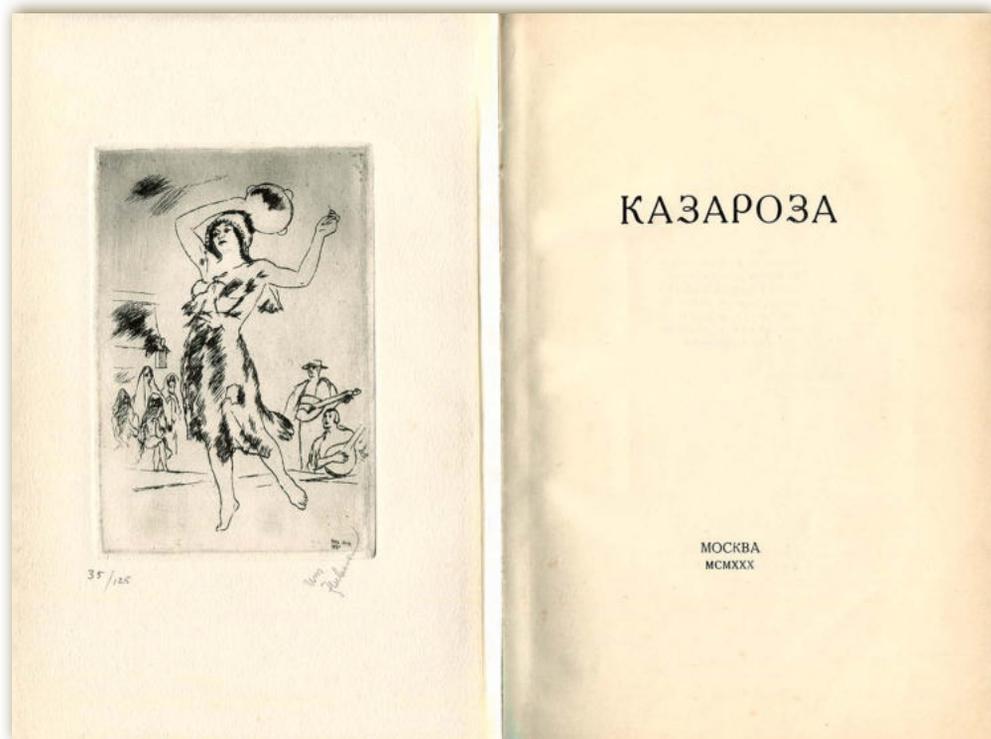
было торопиться: эпоха нэпа с ее относительной свободой различных проектов подходила к концу. Для индивидуальных инициатив наступали тяжелые времена... Считается, что книга, посвященная памяти Казарозы (1930), а именно о ней и пойдет речь, стала едва ли не самым последним частным изданием в стране, оказавшейся под властью Сталина. Сборник вышел в Москве — на правах рукописи в количестве 400 нумерованных экземпляров. Он давно стал желанной добычей для библиофилов.

Из общего тиража Н.Д. Волков вычленил особые экземпляры, дабы вручить их лицам из жениного окружения. На пике популярности у Казарозы было много поклонников ее дарования. Да и сама она была тогда открыта к любому общению.

Страница книги «Казароза: [Сборник памяти Б.Г. Казароза-Волковой]...» (М., 1930), где указано, что экземпляр № 35 был вручен В.Я. Гольду 13 ноября 1930 года

*Титульный разворот книги: Казароза:
[Сборник памяти Б.Г. Казароза-Волковой]. М.: [Н.Д. Волков], МСМXXX [1930]
Фронтистис «Титана» художника И.И. Нивинского*

Поэтому супруг и решил: именных экземпляров надобно изготовить не менее, но и не более ста двадцати пяти. На моем пути повстречался экземпляр под номером 35. Принадлежал он... нет, вовсе не человеку из артистического круга, как можно было предположить, а педиатру Василию Яковлевичу Гольду, известному в своей среде настолько, что его постоянно приглашали на консультации в высокие кремлевские покои. В конце концов он стал лечащим врачом детей самого державного правителя СССР.

В.Я. Гольд вовсе не избегал общения с деятелями искусства и был домашним доктором у некоторых из них, например, в семьях Мейерхольдов и Гершензонов. Впрочем, Василий Яковлевич вскоре тоже покинет земную юдоль и упоко-

ится на том же Новодевичьем кладбище... Между прочим, бумаги из личного архива В.Я. Гольда недавно всплыли на антикварном рынке. Вероятно, и книга «Казароза» возникла из того же источника. Н.Д. Волков точно зафиксировал дату ее дарения — 13 ноября 1930 года...

На зов вдовца вспомнить о Бэле быстрее остальных откликнулся вечно занятый А.Н. Бенуа: уже 1 апреля 1929 года его материал был готов. Самый большой по объему текст принадлежал перу А.М. Коллонтай (тогда полпреда в Осло): 1 сентября того же года она поставила под ним точку... В сборнике представлены 14 авторов, среди них — В.Э. Мейерхольд, М.А. Кузмин, А.М. Эфрос, А.Д. и С.Э. Радловы, С.А. Ауслендер... Все эти имена были тогда на слуху.

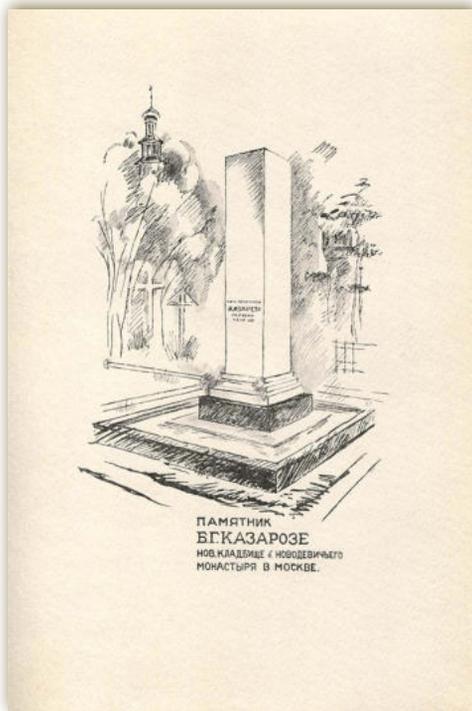
*И.И. Нивинский. Портрет Бэлы Казарозы
из книги: Казароза: [Сборник памяти
Б.Г. Казароза-Волковой] (М., 1930)*

Н.Д. Волков не поспешил на издательские расходы. Тираж был отпечатан в одной из ведомственных типографий за короткий срок. Переплетчики вручную вставляли перед титульным листом офортный оттиск с изображением танцующей Казарозы. Он имел карандашную подпись гравера — видного художника И.И. Нивинского, члена московского объединения «Четыре искусства». Игнатий Игнатьевич взял на себя и весь труд по оформлению книги — от монограммы «БГК» на передней крышке переплета и суперобложке до проекта посмертного экслибриса Бэлы Казарозы с изречением: «Хочу, чтоб челн мой был привязан к корме большого корабля».

На одной из иллюстраций представлен портрет героини — от этого лица

с полными грусти глазами невозможно отвести взгляд! Поэту Михаилу Кузмину (он и придумал ей этот звучный псевдоним) Бэла напомнила пятнадцатилетнюю дикарку с островов Таяити... Именные экземпляры «Казарозы» вкладывались в простенький футляр, на котором был вытеснен его, экземпляра, номер. Торцы книжного блока имели легкую, приятную на ощупь шероховатость. Словом, типографщики, видимо, осознавая поминальный характер издания, старались придать ему выразительный облик. У них это получилось...

Уверен: первообладатели сборника берегли его, как могли, да только времена наступали тогда слишком трудные. Так что будем радоваться и тому, что уцелевшие в круговерти бытия экземпляры появляются на букинистических торгах.

*Проект памятника на Новодевичьем кладбище
в Москве из книги: Казароза: [Сборник памяти
Б.Г. Казароза-Волковой] (М., 1930)*

Числовые курьезы

Мой товарищ по собирательству местных бумажных редкостей, Юрий Иванович Золотухин, уступил мне книжицу, только что выторгованную по интернету у какого-то иногороднего владельца. Я возжелал стать ее обладателем по особой причине, о которой скажу ниже. Впрочем, непосредственное содержание книжицы тоже не оставило меня равнодушным.

Арабским и римским цифрам я всегда предпочитал буквы отечественного алфавита: выстраиваясь в слова и предложения, они создавали литературные тексты, близкие мне как профессиональному филологу. Однако цифры в попавшем ко мне издании были не совсем обычными: они самым удивительным образом складывались, вычитались, делились и умножались. Магия чисел, оказывается, способна заморозить даже гуманитария вроде вашего покорного слуги.

Авторами-составителями этой занимательной книжечки — она вышла в воронежском издательстве «Коммуна» в 1934 году — значились профессор Н. Дернов и некто П. Коваль. О первом быстро удалось разыскать сведения, а вот о втором (или второй) никаких известий не сохранилось. Можно предположить, что это был иллюстратор, снабдивший рисунками и схемами конкретные задачи по арифметике и геометрии...

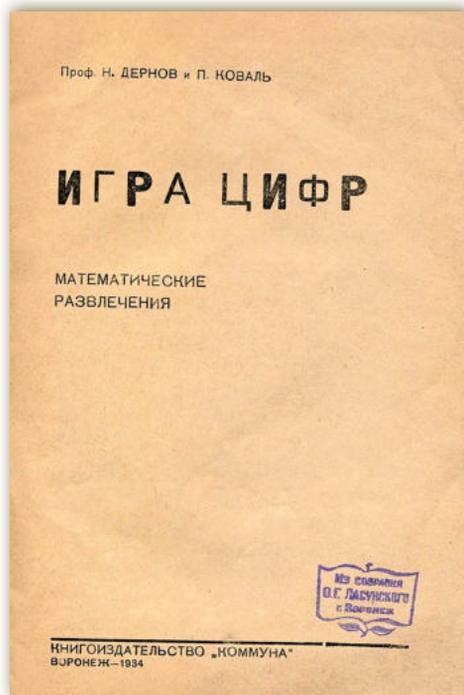
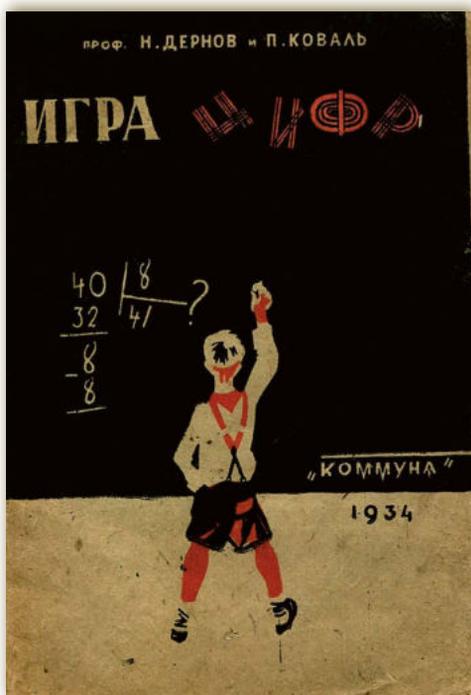
Питомец столичной высшей школы, Николай Андреевич Дернов (1891–1938) с 1927 года преподавал в Воронежском государственном университете: сначала был заведующим кафедрой, потом стал деканом педагогического факультета и, наконец, был приглашен на должность заместителя директора (сейчас бы мы сказали — проректора) ВГУ. С 1934 года Н.А. Дернов находился на руководящей

работе в Ростовском университете. Он бы принес науке еще немало пользы, если бы не был в годы репрессий безвинно расстрелян.

Как ученый Н.А. Дернов специализировался в области истории математики и методики ее преподавания. Учащаяся молодежь обожала профессорские лекции — наряду с серьезными темами, Н.А. Дернов любил игровые занятия, заставляя аудиторию решать различные числовые головоломки. Наставник придумывал всякие возбуждающие интерес задания, а студенты должны были тут же с ними справиться. Например, веселое изучение элементарной таблицы умножения превращалось в увлекательное интеллектуальное соревнование.

Слухи о таких способностях отвлеченного мышления просочились в общегородское культурное пространство. Из областного издательства «Коммуна» поступило предложение подготовить к печати сборник математических ребусов. Н.А. Дернов взял себе в соавторы неведомого нам человека, и под их двумя фамилиями появилась эта брошюра — с подзаголовком «Математические развлечения». Формально она предназначалась для детей среднего возраста, но и солидные дяди и тети не отказывали себе в удовольствии пошевелить мозгами.

Тираж книжки был довольно большой — свыше двадцать пять тысяч экземпляров. Судя по объявлению на задней стороне обложки, издательство рассчитывало на то, что заказы через магазин «Книга — почтой» поступят из разных уголков страны. Не ведаю, сколько в Воронеже уцелело экземпляров «Игры цифр». Не исключено, что ни одного: в огненном смерче давно минувшей войны гибло все, что могло гореть... Николай Андреевич предложил читателям около восьмидесяти задач (ответы

Обложка и титульный лист брошюры: Игра цифр. Математические развлечения: [Для детей среднего возраста] / Н. Дернов, П. Коваль; обл.: В. Кораблинов. Воронеж: Коммуна, 1934. 62, [2] с.: ил.

имелись в приложении). Рискну предположить, что саму мысль поиграть в «великанов» и «карликов» из мира чисел воронежскому математику подсказали труды упоминаемого им Я.И. Перельмана. Это был знаменитый популяризатор научных знаний: люди моего поколения увлекались его занимательными работами...

Но кто же все-таки нарисовал обложку «Игры цифр»? На ней юный пионер, облаченный, по моде тех лет, в короткие штанишки на лямках через плечо, выводит мелком цифры на классной доске. Автором сей графической композиции был молодой художник Владимир Кораблинов. Невзирая на возраст, он к тому времени уже успел познакомиться со сталинской системой жизнеустройства. По печально известной «политической» 58-й статье Уголовного кодекса поэт В.А. Кораблинов весной 1931 года

был заключен в тюрьму, а затем выслан в Сибирь.

Освободился он досрочно — летом 1933 года, долго, как и обещал карательным органам, не распространялся о своей лагерной одиссее — даже в приятельском кругу. Мы, несмотря на разницу лет, находились с Владимиром Александровичем в самых добрых отношениях, и однажды, уже в горбачевскую эпоху, он не утерпел рассказать мне о своем прошлом.

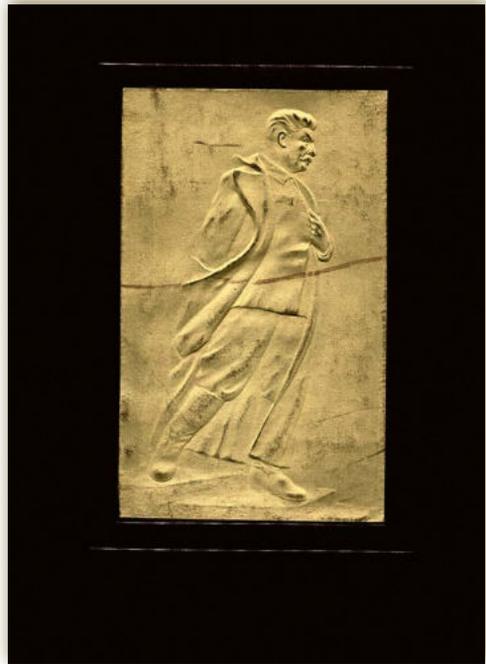
По возвращении в родные места В.А. Кораблинов маялся в поисках творческой работы, пока, наконец, не стал получать заказы на оформление книг, выпускавшихся издательством «Коммуна». В 1950-х годах, уже после успеха своего романа о жизни Алексея Кольцова, он полностью отдался литературным занятиям... Мне всегда хотелось обнаружить хотя бы единственный опыт

оформительского таланта моего старшего друга. Теперь вот гляжу на «математическую» обложку новоприобретенной книжицы, и мне вспоминаются наши задушевные беседы с Владимиром Александровичем. Он скончался в 1989 году, и обидно, что его превосходный романдилогия об А.В. Кольцове и И.С. Никитине нынче практически забыт.

Но имя В.А. Кораблинова все же иной раз всплывает на волне интереса к истории отчего края. Ведь «ранний Кораблинов» — это не только стихотворец, но еще и недурной график. Библиофильская охота за оформленными им книгами продолжается. Для меня приобретение таких экземпляров — точно встреча с самим Владимиром Александровичем.

«На правах рукописи...»

Скажу напрямик: я вовсе не принадлежу к числу сталинистов. Более того: образ грозного владыки советской страны, как и у многих моих соотечественников, вызывает у меня приступ дурноты. Но долг собирателя заставляет рассказать о попавшем ко мне издании (в превосходном кожаном переплете), имеющем непосредственное отношение к фигуре И.В. Сталина. Я приобрел экземпляр по крайней необходимости — в память о его прежнем владельце, моем давнем приятеле, ставшем жертвой нынешнего коварного коронавируса. Покойного Валерия Георгиевича Красильникова занимало, признаться, не столько само содержание книги, сколько степень ее редкости и, следовательно, уровень рыночной стоимости. Других любопытных изданий у Валеры уже не оказалось (успел при жизни распродать все, что имел), так что мне не оставалось ничего иного, как согласиться и на то, что предложила его вдова Татьяна.

*Н.В. Ильин. Переплет (с рельефом Сталина)
книги «Сталин. К шестидесятилетию
со дня рождения» (М., 1939)*

Уже став владельцем экземпляра и ознакомившись с ним тщательнее, я обнаружил, что с чисто коллекционерской точки зрения книга, безусловно, заслуживает особого внимания. Недаром же столичные аукционисты предлагали за нее В.Г. Красильникову солидный куш, если он выставит экземпляр на продажу. Но Валерий не торопился этого делать, выгадывал лучший для торгов срок. Увы, время распорядилось судьбой издания иначе. Я оставил на форзаце специальную надпись: дескать, принял том в лоно своей библиотеки не по зову души, а лишь по печальной надобности!

Книга, о которой пойдет речь, способна вызвать повышенный интерес у библиографов и историков.

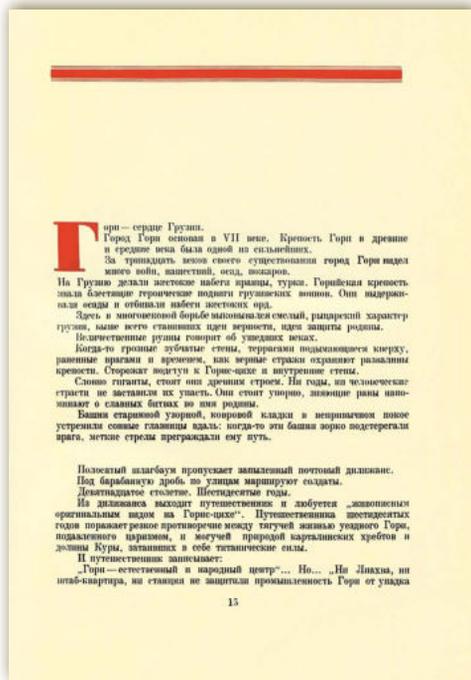
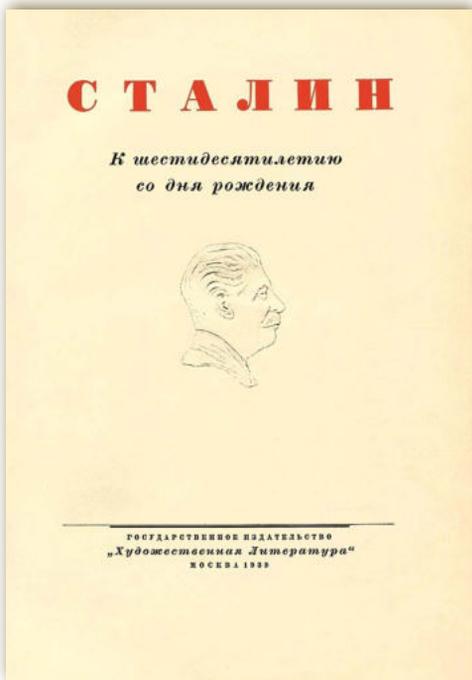
Она поражает обывателя прежде всего своей помпезностью, призванной подчеркнуть величие героя и внушить

маленькому человеку мысль о собственной ничтожности. К производству фолианта была привлечена бригада лучших сотрудников головного издательства «Художественная литература». Известному книжному дизайнеру той поры Николаю Васильевичу Ильину было поручено заняться оформительской стороной дела — только без всяких там излишеств!

Н.В. Ильин сконструировал остов предстоящего издания — переплет, титульный лист, шмуцтитул, заставки и буквицы (последние открывали каждый из десяти разделов книги и были исполнены в «революционном» красном цвете). На форзац пошла особая, рельефная бумага, которую берегли для разных исключительных обстоятельств — вот они и случились! Впечатляет передняя крышка переплета: в нее вмонтирован чеканный барельеф дорогого товарища

Сталина — в полный рост, в примелькавшихся всем сапогах и длиннополой шинели.

Книга называется просто и ясно — «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения» (1939). В ней более 300 страниц текста и тьма полосных иллюстраций. Примечательный факт: на типографское производство этого печатного монстра ушло менее двух месяцев. Видать, работа шла бесценно и стахановским методом. Одних только корректоров было семь человек: наверное, дрожали от страха, вычитывая гранки и верстки: не дай Бог, какую-нибудь опечатку пропустят! В выходных данных были персонально перечислены все до единого типографские служащие, имевшие хоть какое-то отношение к выпуску книги: не для удобства ли расправы с провинившимися работниками, ежели возникнет какая-либо нештатная ситуация?

Н.В. Ильин. Титульный лист книги и самое начало текстовой части «Сталин. К шестидесятилетию со дня рождения» (М., 1939)

Тираж в выходных данных не указан. Вероятно, он был совсем ничтожен, и экземпляры распределялись по каким-то утвержденным сверху спискам. Отсутствуют в книге и сведения о ее ответственном редакторе: вместо конкретной фамилии значится абстрактная «редакционная коллегия». Похоже на то, что никто из редакторского коллектива не желал выставлять себя напоказ: слишком опасным было любое участие в таком проекте! Не исключено, что кто-то из членов издательского коллектива получил тогда орден за свой труд, а кто-то позднее отправился «покорять» Крайний Север...

Чем же непосредственно занимались литературные редакторы? Работа была сугубо механической: из уже опубликованных мемуаров и публицистических статей отбирались необходимые куски, которые сцеплялись в единый текст. В перечне использованных источников значится много более сотни названий. Любопытен и авторский состав книги. Кроме политиков, расположившихся вокруг державного трона, культ Сталина создавали и мастера слова, взхлеб восславлявшие «хозяина» — А. Антоновская, В. Вишневский, М. Горький, Ф. Панферов, А. Толстой и другие. Но, кажется, всех превзошел француз Анри Барбюс: ссылки на его апологетическую книгу «Сталин» (М., 1936) встречаются в библиографическом указателе восемь раз!

Конечно, писательских восторгов составителям можно было бы набрать побольше, но многие авторы по понятной причине не подходили: они давно сидели в лагерях, а то и вовсе истлевали в расстрельных ямах. Душегубец Сталин успел к своему шестидесятилетию истребить цвет своих «инженеров человеческих душ». Те, кто еще оставался

в живых, трепетали при мысли, что могут оказаться в опале. Знакомясь с помещенными в сборнике панегириками в честь «великого вождя и учителя», понимаешь, как часто рукой их сочинителей водил страх оказаться в чекистских застенках. Кстати, в толпе лиц, приближенных к высочайшей особе, чаще других мелькает лукавый царедворец Лаврентий Берия.

К юбилею повелителя надлежало изготовить книгу-праздник, книгу-сувенир. Главный художник Гослитиздата Н.В. Ильин расстарался по полной программе. С помощью конгревного тиснения на титуле был выдвинут Его профиль. Бесконечная череда иллюстраций открывалась репродукцией с картины официального живописца А.М. Герасимова: лик вождя так и излучает божественное сияние! Парадная композиция Д.А. Налбандяна изображала большевистских небожителей на палубе парохода, плывущего по Беломорско-Балтийскому каналу, тому самому, что был построен на костях тысяч заключенных...

Внимательному летописцу первых советских десятилетий эта роскошная юбилейная книга напомнит о той атмосфере безграничного холопства и нескончаемого ужаса, в какой обитали тогда граждане, обреченные на заклатие во имя ложной мечты о коммунизме. Не сотвори себе кумира, не почитай идола, не клони главу пред истуканом — много мудрых заповедей придумали для себя люди, да только трудновато было их тогда исполнять! Описываемая мною книга — невольный всем нам укор. Обывательская вера в «хорошего» правителя уже много веков мстит россиянам.

P.S. В.Г. Красильников был каким-то образом связан с наследниками ближайшего сталинского сподвижника В.М. Молотова: об этом он говорил мне

не раз. Не экземпляр ли самого Вячеслава Михайловича оказался в моих библиофильских закромах?

Воронеж, весна 42-го...

Это издание легко помещалось в командирской полевой сумке и, пожалуй, даже в кармане гимнастерки у ротного политрука. Однако, в ту суровую пору было не принято заботиться о сохранности подобного рода вещей. Бумага гнила тогда немилосердно: ее пожирал огонь пожаров, она шла бойцам на курево. Жизнь книг, рожденных в дыму сражений, чаще всего была коротка. Уцелевшие экземпляры стали сегодня почти музейными реликвиями.

Вот одна примечательная история...

О существовании «Фронтовых стихов» (Воронеж, 1942) я впервые узнал от украинского писателя Виктора Кондратенко, автора документальной повести «Без объявления войны» (Киев, 1981). Однажды я побывал у него в гостях, и хозяин показывал мне этот 48-страничный сборничек в двухцветной обложке. В нашем городе, выгоревшем дотла летом 1942 года, не уцелело ни единой такой книжицы. И это при том, что ее тираж составлял более пяти тысяч экземпляров! В.А. Кондратенко обещал передать свой раритет Воронежу, но этого так и не произошло.

Но библиофилы умеют ждать свою удачу. Пробил и мой час! «Фронтовые стихи» лежат передо мной, и я не тороплюсь переворачивать обложку. Знаю, что на титуле меня ждет автограф человека, чьи строки как раз и открывают сборничек. Дарительная подпись во сто крат усиливает его ценность. Вот этот текст: «Ан. Тарасенкову. Эта книжка

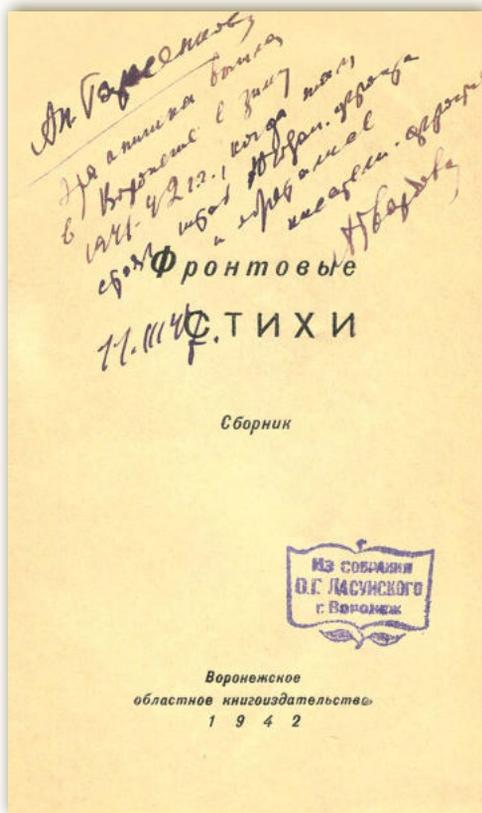

Обложка сборника «Фронтовые стихи»
(Воронеж, 1942)

вышла в Воронеже в зиму 1941–42 гг., когда там стоял штаб Юго-Зап. фронта и обретались писатели фронта. А. Твардовский. 11. III. 47».

Думаю, к 1947 году у поэта с его повседневным походным бытом едва ли оставался лишним хотя бы один экземпляр давнего и, по сути, мимолетного издания. Вероятней всего, автограф был сделан на сборничке, происходившем из коллекции того, кому и был адресован.

Анатолий Кузьмич Тарасенков — легенда современного отечественного книжничества. Его имя не сходит с наших уст. Профессиональный литературный критик, он не отказывал себе в удовольствии собирать, просматривать и каталогизировать стихотворные

Титул сборника «Фронтовые стихи»
(Воронеж, 1942)
с инскриптом А.К. Тарасенкову А.Т. Твардовского
и экслибрисом О.Г. Ласунского

произведения, выходявшие отдельными изданиями. А.К. Тарасенков оставил после себя капитальный библиографический труд, посвященный русской поэзии XX века (1900–1955). Указатель появился в 1966 году, спустя десять лет после смерти составителя. Анатолий Кузьмич хорошо знал создателя «Василия Теркина» и даже работал его заместителем, когда тот был главным редактором журнала «Новый мир». Мог ли Твардовский отказать поэзофилу в такой малости, как дарственный автограф?!

Теперь надлежит вспомнить о том, что с первых дней войны А.Т. Твардовский был направлен в Киев, где стала

выходить ежедневная русскоязычная газета «Красная Армия» — орган политуправления Юго-Западного фронта. Вместе со всем республиканским руководством и штабом фронта Александр Трифонович осенью 1941 года оказался в Воронеже. Он занимал в редакции официальную должность «писателя» и нередко откликался рифмованными строками на наиболее значительные события, происходившие на переднем крае. Обо всей этой истории я подробно поведал в своей книге «Волшебное зеркало» (Воронеж, 1981)...

Издание коллективного поэтического сборника было, скорее всего, инициативой А.Т. Твардовского. Похоже, именно он убедил директора местного областного издательства М.М. Подобедова выпустить эту малоформатную книжицу, составленную преимущественно из опытов штатных сотрудников и военкоров «Красной Армии». Между прочим, редакция газеты располагалась бок о бок со зданием, где находилась типография издательства «Коммуна»: было удобно контролировать ход полиграфического производства. В книжке представлено восемь авторов, из которых только двое были воронежцами — Михаил Морев и Сергей Виноградов: никто из них так и не задержался литературе.

Сборничек открывался тремя стихотворениями Александра Твардовского, в том числе посланием «Бойцу Южного фронта» (по поводу первых серьезных успехов советских войск под Ростовом-на-Дону). Александр Безыменский по привычке воспевал Сталина (фамилия вождя была многозначительно выделена курсивным шрифтом). Евгений Долматовский печалился о судьбе «распятой на немецком штыке» Украины. Борис Палийчук (он был соавтором Твардовского по куплетам о храбром

казаке Иване Гроздеве) славил русскую метелицу, которая для фрицев — злая мачеха, а для своих — родная мать. Свой плач по оскверненному гитлеровцами Киеву (с эпиграфом из Тараса Шевченко) передали в сборник участники фронтового ансамбля песни и пляски З. Кац и М. Талалаевский. Экземпляры «Фронтовых стихов» распространялись через политруков в воинских подразделениях: патриотически окрашенное печатное слово подымало у солдат боевой дух!

Добытая мною книжечка несет на себе еще одну любопытную отметинку. На обороте титульного листа обнаружился оттиск небольшого овального штемпелька — «Собрание М.И. Чуванова». Это для меня — дополнительная радость. Моим коллегам-книжникам не надо напоминать, кто такой Михаил Иванович Чуванов. Я не раз навещал его на станции Ухтомская под Москвой и не переставал поражаться его коллекционерскому пылу и везению.

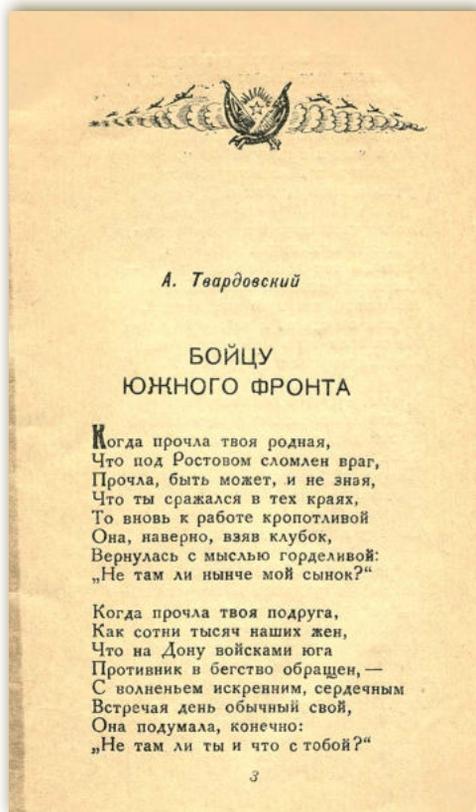
В старинном деревянном доме на самодельных полках теснились различные по содержанию и формату издания — их объединяло одно важное обстоятельство: сочинители оставили на них свой рукописный след. Да, М.И. Чуванов разыскивал прежде всего экземпляры с дарственными и иными авторскими пометками. Он поспешил приобрести воронежское издание «Фронтовых стихов» сразу после кончины последнего обладателя. К старости Михаил Иванович потихоньку расставался с накопленными богатствами, и я, бывая у него, мог бы уже тогда стать владельцем заветного сборничка. Но редкостей у Чуванова было такое изобилие, что он и сам едва ли помнил, что стоит на той или иной полке.

Однако, как давно отмечено знатоками, желанное издание рано или поздно

само приходит к тому, кому оно более других необходимо. Вот и эта книжечка оказалась у меня спустя... сорок лет после того, как я узнал о ее существовании. Всем нам не мешало бы научиться терпеливо ждать улыбки Фортуны!

P.S. В феврале 1951 года А.Т. Твардовский приезжал в наши края как кандидат в депутаты республиканского Верховного Совета. Шагая по центральной улице Воронежа, он не мог не остановиться возле здания, где ему довелось провести несколько военных месяцев. Теперь на фасаде этого дома красуется посвященная А.Т. Твардовскому мемориальная доска.

[ПК]

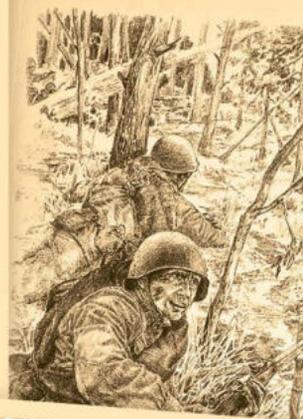

Стихотворение А.Т. Твардовского из сборника «Фронтовые стихи» (Воронеж, 1942)

Это уникальное библиофильское издание
поэмы "Василий Теркин" А. Т. Твардовского

подготовл
издательством "Ред
специально
в Велико
Идея проект
Для создан
из собрания соч
(М.: Художест
Книга содержи
выполненных
иллюстраций, рису
Печать текста
einmetall (Германи
Переплетные ре
Андре
ага: Arches (Фран
Corolla
Переплет: пол
вкладышем образ
г. выпуска, граф
тирательная рези
пер
часы 1-го Госуд

Уважаемый _____!
Приглашаю Вас 06 марта 2021 г.
на дружескую встречу
в Литературной гостиной
«Масленица»

Домашние гостиные на Суворовском проспекте

М.В. Сеславинский

На Суворовском проспекте собирался книжный люд.
У Матвеевой Елены — красота, покой, уют...
Обсуждаются инскрипты, и гравюр здесь целый рой.
У Матвеевой Елены — звон бокалов чередой.

Библиофильское клубное общение — это не только встречи с докладами и сообщениями, но и весьма важный психоэмоциональный фон. Его рождает собрание соратников по увлечению, а особо ценны живые контакты людей, знакомых друг с другом не один год.

Часто библиофилы знают о семейных радостях и горестях своих коллег, обсуждают (что греха таить, все чаще и чаще с каждым годом) проблемы здоровья и лечения. В самом начале работы клуба «Библиофильский улей» была придумана *неофициальная часть* за обеденным столом, которая первое время казалась необычной, но затем стала такой же весомой, как и само тематическое заседание. За полтора-два часа дружеского обеда как раз можно не только «выпить-закусить» (что тоже немаловажно, особенно для гостей из Санкт-Петербурга и других городов), но и вдоволь наговориться на самые разные темы.

Однако эти заседания не могут заменить домашних посиделок, которые фактически ушли из нашей жизни. Мы почти перестали ходить в гости к друзьям и знакомым, отмечать дни рождения и праздники в кухнях и гостиных наших квартир. За 12 лет существования Национального союза библиофилов мне так и не удалось воплотить проект домашних встреч в узком книжном кругу.

Елена Владимировна Матвеева

Дело сдвинулось с мертвой точки после того, как наша коллега Елена Матвеева обустроилась в прекрасной квартире в Санкт-Петербурге на Суворовском проспекте. Библиофилам эти места знакомы по литографии Владимира

Книжные шкафы с раритетами XVIII–XIX веков

Михайловича Конашевича «Сад на углу Советского проспекта» из альбома «Ленинград: новые пейзажи. 1917–1932».

Первый раз хлебосольная хозяйка пригласила узкий круг библиофилов в литературную гостиную «Масленица на Суворовском проспекте» 6 марта 2021 года.

Просторная квартира состоит из большой мастерской с фантастическим антуражем из переплетных материалов и инструментов, включая позолотный пресс, обрезной станок, кассы с шрифтами, рулоны сафьяна и шагрени. Оригинальный интерьер настоятельно требует запечатлеть себя не только на фотогра-

фиях, но и в тиражной и оригинальной графике.

* * *

Напомню, что Лена приехала в Северную столицу из Казахстана и напряженным трудом вставала на ноги, начав свою карьеру на юридическом факультете СПбГУ, где проработала более семи лет, затем более четырех лет в юридической организации. Параллельно занимаясь комплектованием библиотеки одного из успешных петербургских коллекционеров из сферы бизнеса и юриспруденции, незаметно вошла в тесный книжный мир.

Закончила Санкт-Петербургский университет культуры и искусств. Затем поменяла сферу деятельности, устроившись на работу в БАН (Библиотеку Российской академии наук) в качестве художника-реставратора. Обучалась переплетному делу у нашего коллеги, признанного мастера и руководителя библиофильского издательства «Клео» Л.Л. Колпахчиева. Вступила в НСБ в 2012 году. В 2017–2019 годах — эксперт антикварно-букинистического отдела Аукционного дома «Город муз». С 2020 года — руководитель и владелец собственного Аукционного дома «ЛЕНКНИГА». Представитель издания НСБ «Про книги. Журнал библиофилов» в Санкт-Петербурге.

Ее энергия, доброжелательность, красота позволили легко войти и в преимущественно мужское библиофильское

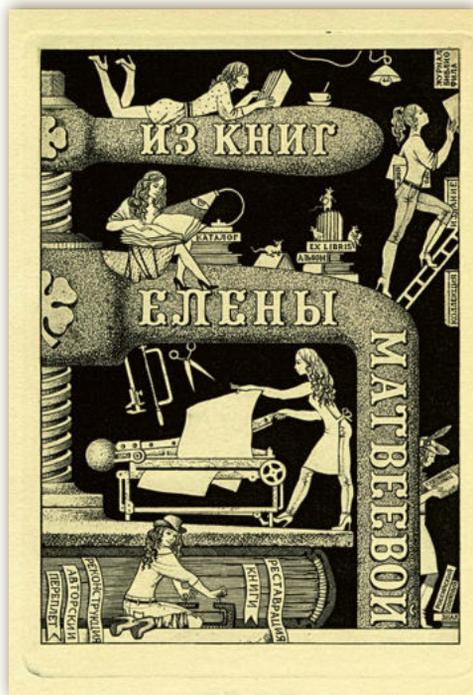
сообщество: в Елене ценят надежность и коммуникабельность. Личная библиотека насчитывает около 3 000 томов и включает разделы по библиографии и истории искусства. Есть и редкости XVIII—XX веков. Сопутствующая коллекция — собрание экслибрисов и офортов XX—XXI веков. В этой же технике для библиотеки сделаны экслибрисы петербургскими художницами Н.И. Казимовой и Е.В. Носовец.

Но вернемся к описанию квартиры.

В центре располагается гостиная, украшенная прекрасными книжными шкафами с раритетами XVIII–XIX веков, в том числе из собраний В.А. Крылова, С.Л. Маркова, В.Г. Василенко, а также подборкой трудов М.В. Сеславинского

*Экслибрис Елены Матвеевой работы Е.В. Носовец
(Офорт, травленный штрих, 2013)*

*Экслибрис Елены Матвеевой работы Е.В. Носовец
(Офорт, травленный штрих, 2014)*

Мечта bibliофила... кому на аукционе достанутся эти редкости?

(не удержался от хвастовства!) и витринной с коллекционным фарфором, от которого трудно оторвать взгляд. На входе в гостиную — чудесная бронзовая скульптура А.А. Ахматовой, а около окна — авторская версия отливки знаменитого памятника А.С. Пушкина работы скульптора М.К. Аникушина, что на площади Искусств перед Русским музеем. Здесь же, у окна — небольшой рабочий стол с компьютером и стопкой библиографических справочников.

В центре комнаты и у стены — столы с приготовленными для аукционов «ЛЕНКНИГИ» изданиями, офортами и оригинальной графикой. У противоположной стены — большой диван, а перед ним — журнальный столик для комфортного разглядывания печатных сокровищ. На спинке дивана — плед и подушки для любящих понежиться с раритетной книгой в такой обстановке. В архиве Лены сохранились фотографии скончавшегося

Слоникн напомннают о традициях советского быта

Е.В. Носовец, А.Ю. Дорошин, М.В. Сеславинский, С.М. Некрасов, П.Г. Сустицын

в этом году известного петербургского книжника Виктора Георгиевича Василенко, сидящего на этом диване и разглядывающего редкости.

Гостиная соприкасается с девичьей спальней, в которой, впрочем, помимо кровати и трюмо с зеркалом, особо доверенные библиофилы могут обнаружить этажерку с книгами из библиотеки несколько лет назад ушедшего из жизни петербургского строительного магната И.Л. Комарова (на их форзацах — пометы известного в свое время московского букиниста И.С. Горбатова).

Есть замечательная «изюминка» и в кухне, совмещенной с небольшой столовой. Ее главное украшение — действующий камин с очищенной частью дореволюционной стенки дымохода. Старинные кирпичи с клеймами напоминают о том, что дом в стиле модерн был построен в 1913–1914 годах. Рядом с камином стоит инкрустированный

М.К. Аникушин. Авторская версия отливки памятника А.С. Пушкину

П.Г. Суспицын

круглый стол, стулья на четыре персоны и диван.

* * *

Первая гостиная «Масленица на Суворовском проспекте» прошла в перерыве между волнами пандемии. Камерный, даже интимный характер встречи 6 марта 2021 года был понятен из строчки на специальном приглашении: «Пригласительный билет отпечатан в количестве 10 именных экземпляров». Лицевую сторону его украшало воспроизведение литографии работы В.М. Конашевича.

Встреча началась в гостиной, где руководитель издательства «Редкая книга из Санкт-Петербурга» Петр Суспицын продемонстрировал два удивительных

фолианта. Первый из них — роскошный том известной повести Алексея Михайловича Ремизова «Что есть табак» (как указано в выходных данных, идея издания принадлежит Константину Эрнсту). Из футляра был извлечен увесистый волюм в переплете, крышки которого покрыты ароматными цельными листьями табака, пропитанными по особой технологии. Форзацы также изготовлены из бумаги ручного отлива с вкраплениями табачной крошки. Текст (в книге 60 страниц) исполнен тушью, старинной каллиграфией. Максимально допустимый тираж — 26 экземпляров. Самые первые, поступившие в собрание Государственного Эрмитажа и Пушкинского Дома, были выпущены в свет в 2017 году. По состоянию на весну 2021 года было изготовлено всего десять фолиантов. Иллюстрации — оригинальные офорты

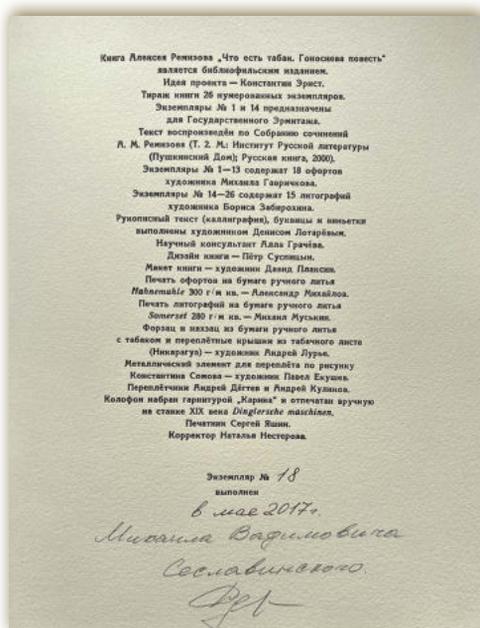
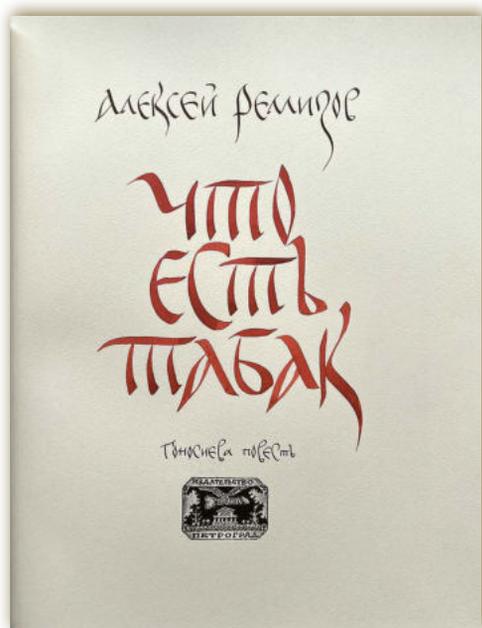

Пригласительный билет с иллюстрацией В.М. Конашевича

Коллекционное издание повести А.М. Ремизова «Что есть табак. Гонимые повесть» (СПб., 2017).
Из собрания М.В. Сеславинского

Форзац и переплет

Иллюстрации Б.П. Забирохина из коллекционного издания повести А.М. Ремизова
 «Что есть табак. Гоносиева повесть» (СПб., 2017).
 Из собрания М.В. Сеславинского

40
 Б. Забирохин
 ивезд и подшита асикда.
 В кюки и Сифася согда пвчиска,
 на зтой пвчурке видели кишки и же-
 пвду ду, асвота пвчурки, латша пвс-
 ла, пвчурке саврваса Саврадий каваса.
 Этойли кавасади ии и пвчуркала

17

41
 Б. Забирохин
 и кюки пвчурке жат: Диврду ли Савра-
 фии, асвот пвчуркеди сапвчи пвчурки.
 Дух каваса пвчурке кавасади, что они
 пвчурки, и дух саврваса кавасади пвчур-
 кеди пвчурки и саврваса саврвасади, но
 пвчурки пвчуркеди пвчуркеди жет.

47

42
 Б. Забирохин

43
 Б. Забирохин

петербургского художника Михаила Гавричкова (в экземплярах № 1–13) и Бориса Забирохина (№ 14–26). По желанию заказчика они могут быть деликатно подкрашены.

Формат книги 365×320 мм, в ней использована бумага трех видов: Hahnemühle (Германия), 300 г/кв. м, ручного литья; Somerset (Англия), 280 г/кв. м, ручного литья; авторская бумага ручного литья.

Книга А.М. Ремизова «Что есть табак. Гоносиева повесть» фактически — первое официальное издание любопытнейшего литературного «кунштюка» Серебряного века в современную эпоху.

До этого момента все попытки официально опубликовать эту повесть по разным причинам заканчивались неудачно. Лишь в 1907 году Ремизову удалось договориться о выпуске отдельного тиража в 25 экземпляров без указания типографии. Каждая книга предназначалась конкретному владельцу. Несмотря на малый тираж, слава о «Тобаке» гуляла по всему Петербургу, и история, связанная с ней, передавалась из уст в уста. И это неудивительно...

По словам самого писателя, замысел «Тобака» возник у него под впечатлением «сеанса» в доме Константина Андреевича Сомова, где демонстрировалась «эрмитажная редкость» светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического, изготовленная «в точном размере и со всеми отличительными подробностями, с родимым пятном у «ствола расширения» по воле императрицы Екатерины II «для назидания обмельчавшему потомству». Мысль соединить народную легенду с потемкинской «статуэткой» возникла у него непосредственно на «сеансе», и ее тут же одобрил В.В. Розанов: «В те годы я изучал апокрифы и у меня было целое собрание сказаний “о происхождении табака”.

Особенно одно поразило меня — “слово святогорца” — табак выводился от такого вот потемкинского “орудия”. “А что если написать мне такую отреченную повесть, а Сомову иллюстрировать по наглядной натуре”. “Вот было б дело, — сказал Вас. Вас. Розанов, — напиши!”».

Впрочем, не будем подробно пересказывать этот любимый библиофилами сюжет, отсылая читателей к специальной литературе.

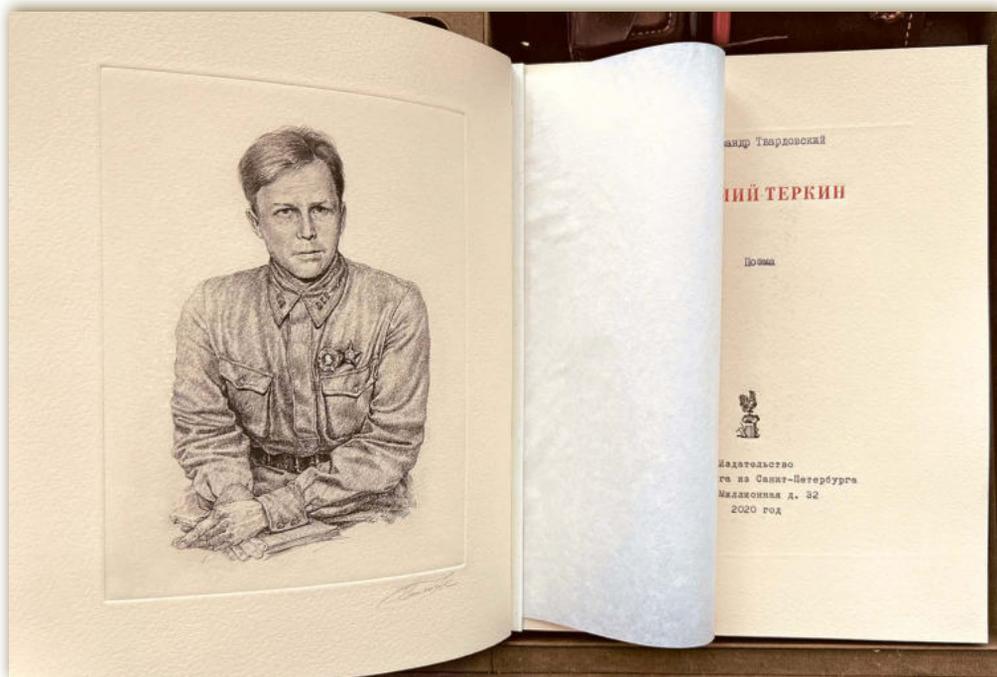
Второй раритет — не просто книга, а еще и оригинальный культурный объект декоративно-прикладного искусства и материального исторического наследия. Это необычное издание знаменитой поэмы «Василий Теркин» А.Т. Твардовского. Первый экземпляр был подготовлен к 9 мая 2020 года специально к 75-летию юбилею Победы в Великой Отечественной войне. Автор идеи — сам Петр Суспицын. Книга содержит 15 офортов художника Яна Лельчука, чьи рисунки выполнены в лучших традициях соцреализма. Текст отпечатан вручную на немецкой механической пишущей машинке Rheinmetall 1941 года.

Но главное — книга «одета» в переплет, сделанный из оригинальной полевой сумки командного состава РККА с вкладышем образца 1939 года с курвиметром (прибором для измерения извилистых линий на карте), циркулем-измерителем, графитными цветными карандашами той эпохи, стирательной резинкой «Сангигиена» (сохранилась с 1940 года), перочинным ножом той же эпохи и часами Государственного часового завода им. С.М. Кирова 1939 года выпуска. Сумка-переплет книги помещена в футляр, обтянутый куском брезентовой плащ-палатки (образца 1937 года).

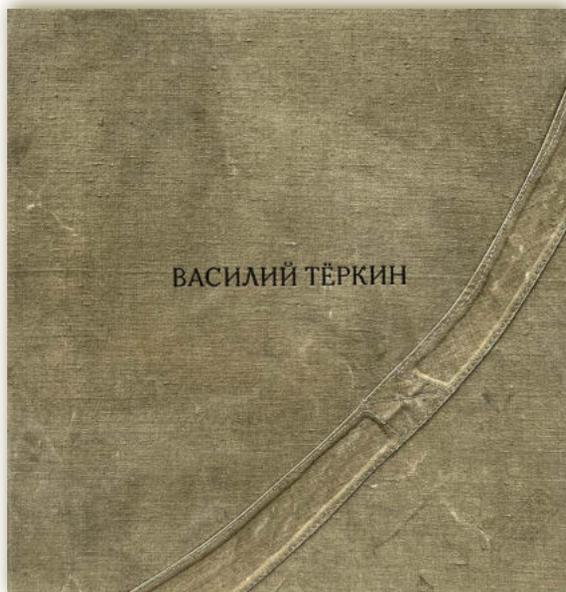
Все элементы обмундирования, использованные для создания футляра и переплета книги, — оригинальные

Коллекционное издание поэмы А.Т. Твардовского «Василий Тёркин» (СПб., 2020).
Из собрания М.В. Сеславинского

Титульный разворот

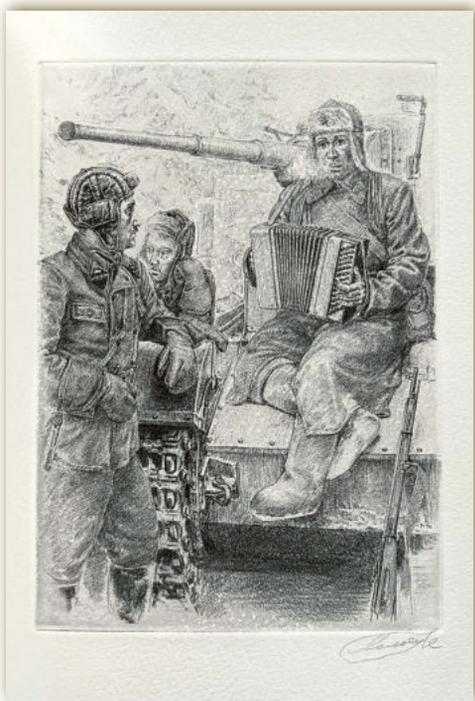
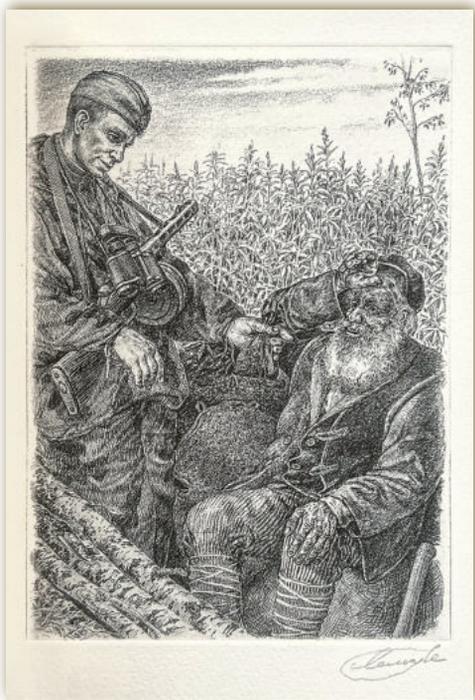

Футляр для книги, обтянутый куском брезентовой
плащ-палатки (образца 1937 года)

Деталь вкладыша командирской сумки
с ножом и циркулем-измерителем 1937 года

Офорты Я. Лельчука из коллекционного издания поэмы А.Т. Твардовского «Василий Теркин» (СПб., 2020).
Из собрания М.В. Сеславинского

*Элемент командирской сумки — переплет
книги А.Т. Твардовского «Василий Теркин»
(СПб., 2020)*

предметы 1930–1945 годов, что делает каждый экземпляр уникальным историческим памятником. В основе этого художественного решения — глубокая философская идея: объединить истории судеб владельцев военных артефактов, подарить предметам, ставшим свидетелями страшных событий, новую мирную жизнь.

Тираж «Василия Теркина» не обозначен, ибо каждый объект собирается после трудоемких поисков аутентичных предметов по блошиным рынкам и антикварным магазинам. На сегодняшний день изготовлено 8 экземпляров — и вряд ли их число перевалит за 10. Почти все они предназначены для музеев и высших должностных лиц

нашего государства. Автор этих строк — один из счастливых обладателей такого поэтического артефакта.

Директор Всероссийского музея А.С. Пушкина Сергей Михайлович Некрасов, покровитель петербургских библиофилов (и клуба «Бироновы конюшни»), презентовал очередной (№ 9) выпуск альманаха «Пушкинский музей» и свое последнее творение — «Дней минувших анекдоты», изданное во время пандемии. Они-то и веселили ценителей прекрасного на протяжении целого вечера.

Восхитили собравшихся в гостинной раскрашенные офорты любимой многими книжниками художницы Екатерины Носовец (особенно посвященные античным мифам).

Так как участники встречи не придерживались строгих тематических рамок, я поделился сделанными накануне приобретениями в антикварно-букинистических магазинах Сергея Ляха и Вадима Егорова на Литейном проспекте. В идеальном виде попала отдельная брошюра, отпечатанная в типографии «Сириус»: датированный 12 декабря 1913 года перечень членов Кружка любителей русских изящных изданий. Перед деятельностью этого объединения мы преклоняемся уже более ста лет! Маленький штампик на обороте титульного листа свидетельствует о том, что эта эфемера происходит из собрания известного петербургского библиофила Н.М. Часова.

Покорил мое сердце и очередной дубль замечательного альбома литографий М.В. Добужинского «Петербург в двадцать первом году». Когда-то мы за ним гонялись и считали большой редкостью. Последние три-четыре года сей фолиант, как по мановению волшебной палочки, стал регулярно появляться на аукционных торгах и в магазинах. Естественно, цена резко снизилась, а библи-

А.Ю. Дорошин, П.Г. Суспицын, С.М. Некрасов

офилы перестали удивляться даже именным экземплярам...

Хозяйка гостиной продемонстрировала несколько редких кулинарных книг XVIII–XX веков, включая знаменитый сборник рецептов Елены Молоховец. Грамотная и органичная прелюдия плавно завлекла в столовую, где Лена потчевала собравшихся своими фирменными блюдами: домашним борщом, запеченной с яблоками уткой, ну и, конечно, блинами с икрой. Из холодильника была вынута запотевшая бутылка хреновухи, а после третьей рюмки, можно сказать, на десерт, был устроен небольшой концерт. Принесший гитару главный редактор альманаха «Невский библиофил» и заместитель председателя Совета НСБ А.Ю. Дорошин исполнил несколько романсов и песен советских лет.

Рассказ об этом камерном событии быстро разошелся по книжному Петербургу, а хозяйка гостиной еще несколько недель была вынуждена оправдываться, отвечая на вопрос: «Почему же ты меня не пригласила?»

Мы считали, что такой удачный дебют (еще и приукрашенный рассказами очевидцев) станет ежеквартальным мероприятием, но жизнь внесла свои коррективы. То вновь набирали силу волны ковида, то мои приезды в Северную столицу были краткими и загруженными другими делами, то в них вмещались разные выставки и вернисажи. Прошло более полутора лет, прежде чем возникла оказия, позволившая провести

Вёрстка и рисунок
Екатерины Носовец.
Идея - Михаил Сеславинский.

Пригласительный билет с иллюстрацией Е.В. Носовец

вторую гостиную. Но зато какую изумительную!

Еще в августе была выбрана красивая дата — 30 сентября 2022 года, которое у православных христиан почитается большим праздником, — Днем Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Я помню его еще из своего детства и отрочества, хотя церковных праздников мы тогда почти не знали и их не отмечали.

Темой гостиной стала, соответственно «Вера, Надежда, Любовь на Суворовском проспекте».

К этому времени ареал обитания хозяйки просторной квартиры расширился, она арендовала около своего дома дополнительные апартаменты для рабочего офиса Аукционного дома

«ЛЕНКНИГА». Так что заодно клубные посиделки стали и празднованием новоселья.

К нашей встрече уже привычным тиражом в 10 экземпляров был изготовлен пригласительный билет, на лицевой стороне которого — специально созданный тематический черно-белый рисунок Кати Носовец. Три приглашения были вручную подкрашены самой Леной Матвеевой.

На этот раз, кроме хозяйки и вашего покорного слуги, присутствовали следующие лица: филокартист и коллекционер фотографий Е.А. Гуров, А.Ю. Дорошин, Л.Л. Колпахчиев, пришедший, как истинный джентльмен, с букетом любимых Еленой подсолнухов, С.Р. Лях (известный петербургский антиквар и буки-

Слева направо: А.Ю. Дорошин, Е.А. Гуров, А.Н. Михайлов, В.В. Манукян

нист, коллекционер рисунков и изданий с иллюстрациями Е.М. Бём), председатель Клуба любителей миниатюрной книги В.В. Манукян, исследователь истории экслибриса и печатник офортов А.Н. Михайлов, директор Всероссийского музея А.С. Пушкина С.М. Некрасов.

Превью-пати с шампанским и белым вином началось в первом зале, стены которого украшают два-три десятка офортов, а содержательная часть заседания продолжилась в более просторной гостиной, где можно любоваться уже более ценными живописными работами художников XIX века и открыть книжные шкафы с редкими изданиями.

Чтобы задать тон собранию, я показал ряд привезенных из Москвы книг. Первой из них стала детская книга

«Шарики» Евгения Шварца, вышедшая в 1929 году в Ленинграде. Несмотря на достаточно большой тираж в 10 тысяч экземпляров, она встречается крайне редко. В том числе и потому, что яркие иллюстрации в ней выполнены художницей, попавшей под каток сталинских репрессий. Речь идет о Вере Михайловне Ермолаевой (1893–1937).

Она родилась в селе Ключи Петровского уезда Саратовской губернии. В детстве упала с лошади, что вызвало паралич ног. Смогла ходить только с помощью костылей. Получила образование в Европе — в школе (Париж) и гимназии (Лозанна).

Библиофилы хорошо знают художницу по рисункам в книгах основанной ей печатной артели «Сегодня» (в технике

линогравюры) для журналов «Новый Робинзон», «Чиж», «Ёж», а также для таких детских книг, как «Топ-топ-топ» Николая Асеева, «Много зверей» и «Рыбаки» Александра Введенского, «Поезд» Евгения Шварца (1929), «Иван Иванович Самовар» Даниила Хармса (1930), и др.

В 1935 году осуждена: в вину вменялась «антисоветская деятельность, выражающаяся в пропаганде антисоветских идей и попытке организовать вокруг себя антисоветски настроенную интеллигенцию». Отбывала наказание (трехлетнее заключение) в Карагандинском ИТЛ. Вторично осуждена в 1937 году тройкой УНКВД и 26 сентября 1937 года расстреляна в лагере около Караганды. 20 сентября 1989 года реабилитирована.

Как известно, книжная продукция репрессированных авторов и художников в те годы активно уничтожалась. Так что неудивительно, что «Шарики» почти невозможно встретить в частных собраниях и на антикварно-художественном рынке.

Еще одним артефактом с трудной судьбой стал автограф Надежды Тэффи на книжке «Семь огней», известной тем, что ее украшает одна из лучших, на мой взгляд, обложек эпохи Серебряного века работы Сергея Чехонина. Точнее даже не автограф, а то, что от него осталось. Ибо сама дарственная надпись на авантитуле была вырезана — и от инскрипта сохранилась только подпись писательницы.

Книжка входит в сформированную мной мини-коллекцию уничтоженных автографов. Такие вымаранные или вырезанные дарственные надписи связаны, как правило, с репрессированными или эмигрировавшими из России авторами. Рукописные следы любой связи с ними могли при обыске оказаться в руках следователя и привести к трагическому финалу. Напомню, что На-

дежда Александровна Тэффи (Лохвицкая, 1872–1952) — необыкновенно талантливая и популярная писательница и поэтесса — покинула Россию с отступающими из Крыма частями Белой армии и через Константинополь добралась до Парижа, где активно печаталась. Несомненно, что прежний владелец-адресат инскрипта весьма ценил эту книгу, ибо она «одета» в изящный полукожаный переплет в стиле модерн с муаром на крышках.

Следующей привезенной в Петербург книжкой стал вышедший в 1928 году в издательстве «Узел» сборник стихотворений Софии Яковлевны Парнок (1885–1933) «Вполголоса. Стихи 1926–1927: На правах рукописи». Сама книжка иногда встречается на антикварно-букинистическом рынке, но этот экземпляр — особенный.

На странице с номером экземпляра — запись чернилами рукой С. Парнок: подставлен номер («IV») и указано, чей экземпляр («авторский»).

На авантитуле — автограф: «Анне Андреевне / Ахматовой / с большой любовью / С. Парнок / Вы и не знаете, какое Вы / для меня утешение! / 30.XI.1928 / Москва».

Парнок познакомилась с Ахматовой в 1922 году; зимой этого же года написала статью о ее поэзии, запрещенную цензурой из-за рассуждений о Боге. Ахматовой посвящено стихотворение Парнок, начинавшееся строчками: «Ты вошла, как входили тысячи, / Но дохнуло огнем из дверей, / И открылось мне: тот же высечен / Вещий знак на руке твоей...»

В январе 1924-го, побывав в Ленинграде в гостях у Ахматовой, увезла в Москву подаренную ей фотографию с надписью: «Софии Парнок в долготу дней. Анна Ахматова». Дневниковая запись поэта и литературоведа Л.В. Горнунга свидетельствует о том, что гостя

*Слева направо: С.М. Некрасов, М.В. Сеславинский, С.Р. Лях
рассматривают книгу Надежды Тэффи «Семь огней»*

подарила Ахматовой свою книгу, по просьбе хозяйки читала из нее стихи; читала свои стихи в тот день и Ахматова.

В июле 1936-го Л.В. Горнунг привез в Ленинград неизданные стихотворения Парнок, переписанные для себя из ее тетради вскоре после кончины поэтессы. Ахматова отозвалась о них: «Как мы богаты, если у нас есть еще такие стихи!»

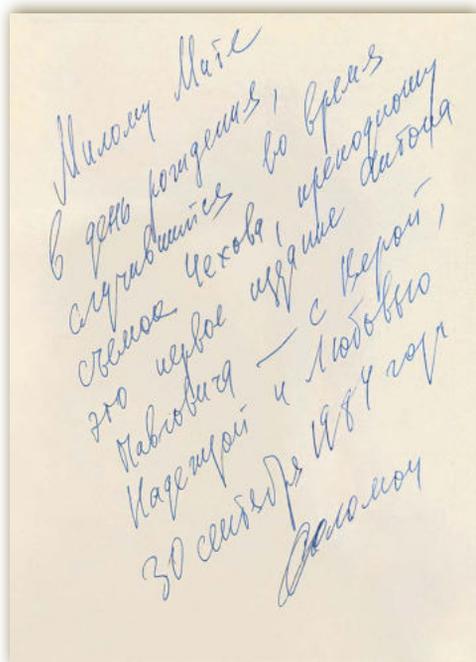
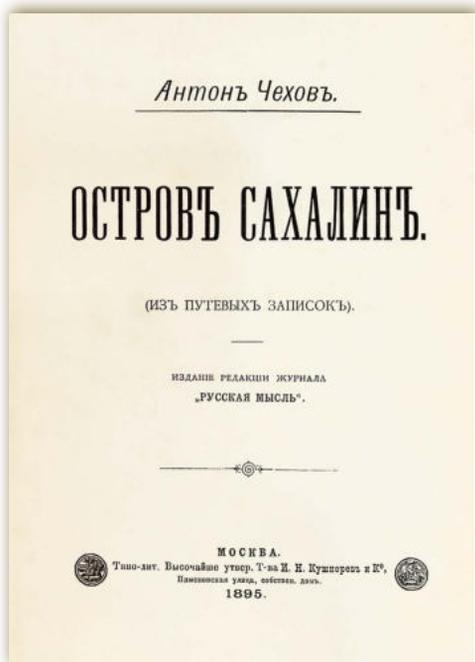
Завершилось мое выступление рассказом об удивительном автографе, написанном за 38 лет до нашей встречи. Он начертан на первом издании «Острова Сахалина» 1895 года и гласит следующее

«Милому Мите / в день рождения, / случившийся во время / съемок Чехова,

преподношу / это первое издание Антона / Павловича — с Верой, / Надеждой и Любовью / 30 сентября 1984 года / Соломон».

Адресат надписи — Дмитрий Алексеевич Долинин (род. 1938), кинооператор, кинорежиссер, сценарист, фотограф. Племянник известного литературоведа Натальи Долининой. Как оператор-постановщик он участвовал в создании около тридцати художественных фильмов — от блестящей комедии «Полосатый рейс» Владимира Фетина (1961) до знаменитой «Собаки Баскервилей» (1981) и сериала «Воспоминания о Шерлоке Холмсе» (2000) Игоря Масленникова.

Титульный лист первого издания книги А.П. Чехова «Остров Сахалин» (М., 1895) и форзац с автографом С.А. Шустера Д.А. Долинина

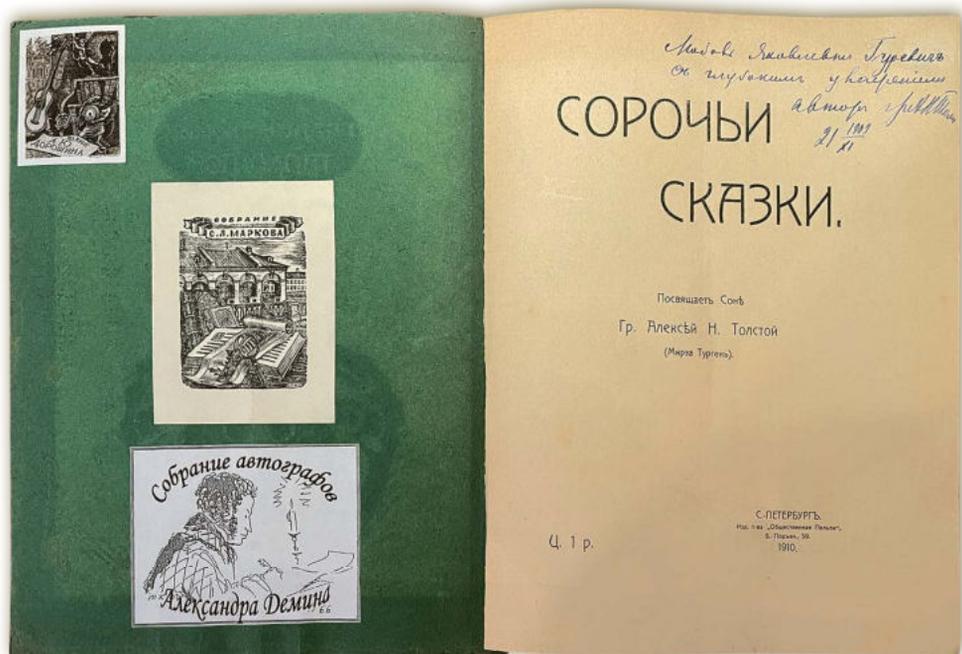
Книга была подарена знаменитым коллекционером Соломоном Абрамовичем Шустером (1934–1995) во время совместной работы с Дмитрием Долининым над фильмом «Огни» по мотивам рассказов А.П. Чехова. Эта кинокартина (режиссер С.А. Шустер, оператор Д.А. Долинин) вышла в прокат в 1985 году.

По словам режиссера Сергея Соловьева, С.А. Шустер был «одной из самых колоритных и запоминающихся фигур в русском, советском и постсоветском художественном мире ушедшего XX века и в особой степени в культурном мире Ленинграда [...]. Кто хоть раз в жизни видел Соломона Абрамовича Шустера, уже никогда не смог бы забыть его неповторимый облик. Неизменная бабочка, костюмы от Кардена, пальто с меховой изнанкой, трость... Все, кого я с ним когда-нибудь познакомил [...], навсегда были сражены уникальным впе-

чатлением, производимым его воистину великолепной художественной фигурой. Когда мы, допустим, с Курёхиным или с Гребенчиковым заводили речь о какой-нибудь публичной “поп-механической” кампании, они сразу, не сговариваясь, восклицали: “И обязательно позовем Соломона! Соломон нас украсит! Без Соломона эффекта не получится!”»

Сам Шустер говорил: «У меня есть две профессии: одна — это кино, а другая — это коллекционирование и собирание картин».

Он вошел в историю как собиратель русского искусства, легенда советского коллекционирования. По выражению авторов «Энциклопедии русского авангарда» — «один из представителей послевоенной плеяды коллекционеров, заново открывших русский авангард». В число его приобретений входили картины Б. Григорьева, И. Зданевича, П. Кузне-

Титульный разворот книги А.Н. Толстого «Сорочьи сказки» (СПб., 1909) с дарственной надписью автора Л.Я. Гуревич

цова, А. Ленгулова, И. Машкова, Н. Пироманишвили, Н. Синезубова, М. Сарьяна, Р. Фалька, В. Чекрыгина, Н. Удальцовой, Д. Штеренберга, А. Экстер, А. Яковлева и других мастеров.

Искусствоведы включают его в число десяти самых важных русских коллекционеров. Мои коллеги — старые книжники без тени сомнения относят С.А. Шустера и к библиофильскому сообществу: у него была замечательная библиотека редких и ценных изданий.

Так парадоксально «Остров Сахалин» соединил библиофильский интерес с историей коллекционирования изобразительного искусства и отечественной культуры конца XX века.

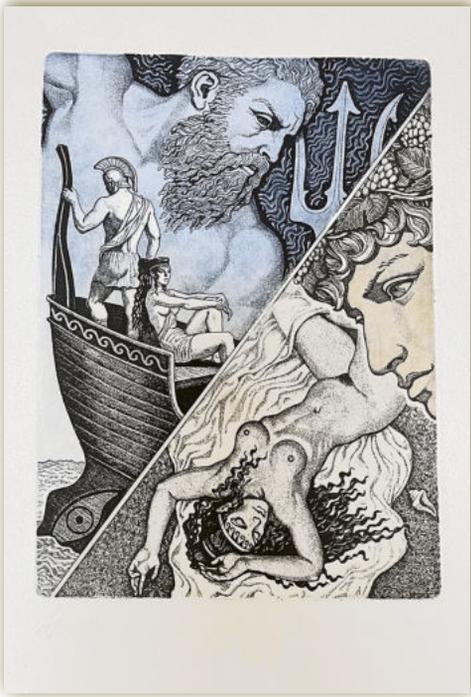
Гвоздем выступления Андрея Юрьевича Дорошина стал рассказ об экзем-

пляре первой прозаической книги Алексея Николаевича Толстого «Сорочьи сказки». Она выпущена в издательстве «Общественная польза» в конце 1909 года, но в выходных данных указан уже 1910 год. Ее украшает прекрасная яркая обложка, созданная художником В.Н. Левитским. Ассоциацию с темой клуба вызывает подзаголовок «Посвящает Соне гр. Алексей Н. Толстой», который адресован второй жене писателя С.И. Дымшиц (1884–1963). Но этого мало.

На титульном листе экземпляра — дарственная надпись: «Любовь Яковлевна Гуревич с глубоким уважением автор гр. А.Н. Толстой 21.XI.1909».

Л.Я. Гуревич (1888–1940) — писательница, театральная и литературный критик, переводчик, издатель. Двоюродная сестра философа И.А. Ильина (1883–1954), тетья литературоведа И.Л. Андроникова (1908–1990).

*И. Баранов «Брошенная Ариадна».
Офорт. 2020*

Интересно, что наша гостиная проходила в полукилометре от здания знаменитого учебного заведения, директором которого был ее отец — Яков Григорьевич Гуревич (1841–1906) — историк, педагог, действительный статский советник.

«Гимназия и реальное училище Гуревича» были в числе лучших средних учебных заведений Санкт-Петербурга. Располагались в большом здании на углу Бассейной (ныне ул. Н.А. Некрасова) улицы и Лиговского проспекта. В разные годы преподавателями гимназии были И.Ф. Анненский, Ф.Ф. Фидлер, Б.М. Эйхенбаум, скульптор-академик П.П. Забелло... Среди выпускников и учеников — С.К. Маковский (поэт, критик, издатель), композитор И.Ф. Стравинский, писатель К.К. Вагинов, поэт Н.С. Гумилев (учился четыре года).

Л.Я. Гуревич более всего известна как редактор и издатель журнала «Северный вестник», в котором во время ее руководства печатались Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Н.М. Минский и другие представители старшей ветви символизма. Экземпляр книги происходит из собрания С.Л. Маркова и описан в каталоге его библиотеки (№ 811). Позднее значился в собрании скончавшегося несколько лет назад члена НСБ А.А. Дёмина.

Дебютант гостины Евгений Александрович Гуров рассказал о своих увлечениях — филокартии и коллекционировании фотографий. В его собрании — около 15 тысяч старинных открыток на самые разные темы. Встреча воодушевила его ключевым словом — «Любовь». Иллюстрациями послужила волнующая подборка открыток и оригинальных фотографий в стиле ню.

Это же направление поддержал Александр Николаевич Михайлов, который не просто признанный маэстро печати офортов, но и опекун петербургских художников, работающих в этой технике. Знаток экслибрисов и гравюры любит эротические сюжеты и всячески пропагандирует их в среде графиков. Принесенные им полтора десятка литографий и офортов были посвящены в основном античным сюжетам. Взоры собравшихся заблестели от возникших перед ними красот, но при этом уточнения о технике гравюры и других деталях следовали одни за другими: «А с какого количества досок печатали?», «Подкраска вручную акварелью?», «И какой тираж оттисков?», «А литографский камень сохранился?», «Зачем же самые интересные детали прикрыты туникой?»

Несколько работ, доски которых находятся у А.Н. Михайлова, сразу были заказаны для своего личного собрания председателем НСБ.

Один из аксакалов петербургского библиофильского сообщества Валерий Васильевич Манукян последние годы работает над биографическими справочниками о коллекционерах и книжниках на основе тематических книг и периодических изданий из своего собрания. Тема его сообщения была связана с Надеждой. В первую очередь — на то, что удастся найти финансовые средства для выпуска очередного сборника.

Завершилась гостиная, конечно же, все-таки темой Любви. Финальное выступление Елены Матвеевой было посвящено прекрасному экземпляру *средней* «Книги Маркизы» в роскошном цельнокожаном переплете из библиотеки знаменитого архитектора и художника Федора Осиповича Шехтеля (1869–1926), о чем свидетельствует его экслибрис на переднем форзаце издания.

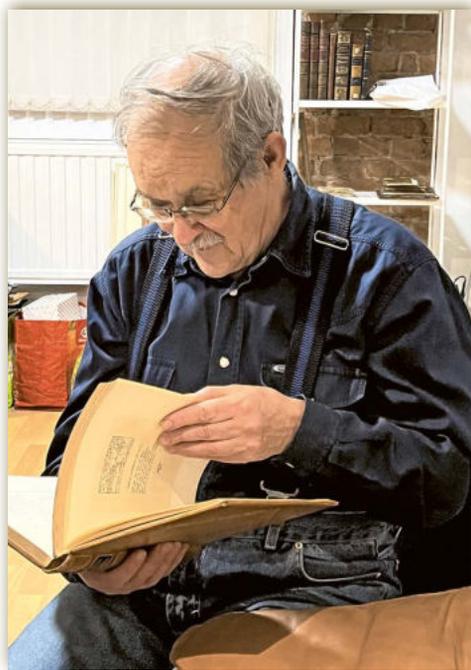
Напомню историю этого культового для библиофилов предмета.

«Книга маркизы» является антологией французской эротической прозы и поэзии XVIII века, среди авторов текстов — Вольтер, Казанова, Кребийон-младший, Парни, Андре Шенье, Шодерло де Лакло. Составитель и иллюстратор — Константин Андреевич Сомов (1869–1939). Книга стала одним из высочайших достижений в области книжной иллюстрации и эротического искусства начала XX века. Впервые она вышла в 1908 году в Берлине, а составителем ее стал австрийский библиофил, эссеист и переводчик Франц Блей. Но на обложке в качестве соавтора обозначено и имя художника К.А. Сомова. Для этой книги Сомов выполнил 31 рисунок, но напечатаны были не все. Цензура изъяла те, которые показались ей непристойными.

Книга стала отражением эпохи символизма, ее эстетических вкусов

и душевных переживаний. В 1915 году у К.А. Сомова возникла идея переиздать «Книгу Маркизы» в России.

Издание вышло в очень непростое время. 9 сентября 1918 года К.А. Сомов записал в своем дневнике: «Голике реkvизирован, но “Le Livre” выйдет без задержки». Часть тиража (считается — 50 экземпляров) вышла с дополнительными иллюстрациями особенно фривольного содержания и является наиболее редкой. В области эротического искусства издание стало подлинным прорывом. «Книга Маркизы» была возвратом к ненавязчивому и изящному эротизму французского рококо XVIII века, который в следующем столетии был предан забвению. Один из авторитетнейших искусствоведов и знатоков книги, член-корреспондент АН СССР А.А. Сидоров утверждал, что художник в ней преступил все запреты, существовавшие на тот момент в отечественном искусстве.

Александр Николаевич Михайлов

В KrooCafé: С.М. Некрасов, М.В. Сеславинский, Е.В. Матвеева, Л.Л. Колтахчиев

Издание отпечатано в одной из лучших русских типографий, компании поставщиков Двора Его Императорского Величества Р. Голике и А. Вильборг, на высококачественной плотной бумаге. Многочисленные иллюстрации и орнаменты, среди которых были цветные и черно-белые миниатюры в тексте и на двадцати одном отдельном листе, в большинстве своем представляли собой эротические рисунки пером, раскрашенные впоследствии вручную акварелью; ряд иллюстраций исполнен в технике силуэта. По традиции библиофилы называют немецкое издание «малой Маркизой», российское 1918 года — «средней» (ее тираж — 800 экземпляров), а его особую часть — «большой».

Собиратели всегда вождедели особые экземпляры. Сохранилось письмо К.А. Сомова к врачу, профессору Московского университета А.П. Ланговому,

в котором художник пишет: «Многоуважаемый Алексей Петрович, сделаю все возможное от меня, чтобы и у Вас был особенный экземпляр издающейся моей книги у Голике. Прошу Вас только, если возможно, держать это мое обещание в секрете от наших общих знакомых. Мне было [бы] невозможно, если бы явились еще желающие приобрести такие экземпляры, их удовлетворить ввиду небольшого количества этого издания».

«Книга Маркизы» 1918 года была задумана художником как целостное произведение книжного искусства. Иллюстрации здесь тесно привязаны к тексту — детально продумана гармония текстовой полосы с украшающими ее виньетками и концовками. Иллюстрации, впрочем, могли существовать и отдельно от книги. Так, 3 сентября 1917 года Сомов писал Евгению Сер-

геевичу Михайлову, мужу своей сестры Анны: «Почти два месяца я красил картинку (мои оттиски к “Книге Маркизы”) для Брайкевича, который мне сделал этот заказ. Нарисовал их около 60 штук. Эта работа довольно легкая сравнительно, хотя иногда медленная и кропотливая. Некоторые оттиски вышли очень удачными». Одесский инженер Михаил Васильевич Брайкевич был страстным коллекционером; впоследствии в эмиграции он и материально, и духовно поддерживал художника, который и скончался у него на руках.

«Книга Маркизы» подчеркнула эротический уклон гостиной, что, впрочем, также продолжает традиции наших славных предшественников.

Выдающийся библиофил Эрих Федорович Голлербах (1895–1942) писал о ней: «Здесь, как в некоем фокусе, сосредоточился и утонченный ретроспективизм, и модный эротизм эстетического мировосприятия, отразился мечтательный культ XVIII века, с его очаровательным бесстыдством, фривольностью и напряженной чувственностью. В смысле художественной идеологии в этой книге нет никакого движения вперед, никакого искания, но она бесспорно замечательна сама по себе, “как вещь”. Вся проникнутая духом “мелочей прекрасных и воздушных, любви ночей, то нежащих, то душных”, она строго выдержана в одном графическом стиле, в единой изобразительной гармонии. В графическом творчестве Сомова эта книга является высшим достижением. В истории русских иллюстрированных изданий она, по праву, может занять одно из первых мест».

«По мнению Сомова, — вторил ему близко знавший художника искусствовед Степан Петрович Яремич, — главная сущность всего — эротизм. Поэтому

и искусство немислимо без эротической основы».

После изучения иллюстраций в «Книге Маркизы» библиофилы поняли, что настал момент вспомнить знаменитую фразу из поэмы Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки»: «И немедленно выпил».

* * *

Неформальная часть встречи (впрочем, формального ничего в нашем общении и не было) прошла в расположенном рядом CrooCafé во французском стиле, где изголодавшихся душой и телом собирателей уже ждали заранее заказанные закуски и салаты. Хлебосольный С.Р. Лях принес бутылку шотландского виски «Macallan», которая была присовокуплена к ресторанному шампанскому и их фирменной хреновухе. Так что напитки были на любой вкус.

Мужчины в промежутке между разговорами о книгах, графике и экслибрисах не уставали произносить заздравные тосты в честь хозяйки вечера, которая периодически радовала их взоры выглядывающим краешком кружев на чулках, особо выделяя А.Н. Михайлова, которому доставались еще и дружеские объятия.

В конце вечера гости получили в подарок от известного галериста, коллекционера и издателя Владимира Петровича Березовского факсимильное издание книжки ученика К.С. Малевича, художника Владимира Васильевича Стерлигова (1904–1973) «Упрямый слоненок», оригинальный макет которой он недавно приобрел.

На следующий день все участники посиделок проснулись утром с одним и тем же вопросом в голове: «Когда соберемся в следующий раз?» [ПК]

Хроника заседаний клуба «Библиофильский улей»

Июнь — октябрь 2022 г.

В 2022 году наша страна широко отмечает 350-летие со дня рождения Петра I. Члены клуба «Библиофильский улей» не смогли остаться в стороне от знаковой темы, поэтому **126-е заседание, июньское**, решено было посвятить книгам петровской эпохи и иным «профильным» направлениям.

Первым с обстоятельным докладом выступил председатель НСБ Михаил Вадимович Сеславинский, который представил целую россыпь находок — как книг, так и графических работ. Сначала библиофил обратил внимание коллег на особо значимую библиографию книг петровской эпохи — труд Александра Васильевича Петрова «Собрание книг, изданных в царствование Петра Великого» (СПб.: тип. «Сириус», 1913)¹. Указатель вышел тиражом 100 экземпляров, а до его издания Петров опубликовал каталог своей коллекции петровских изданий в № 2 и № 3 журнала «Русский библиофил» за 1913 год.

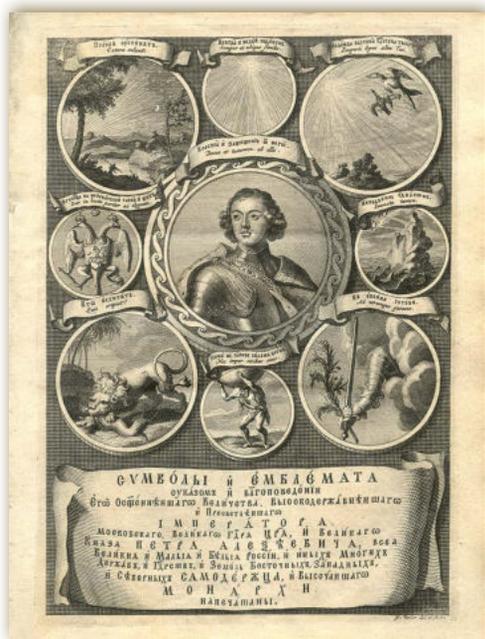
Затем Михаил Вадимович продолжил удивлять коллег. Он продемонстрировал одну из самых «звездных» книг, вышедшую по указанию Петра I, — «Символы и Емблемата указом и благоповедении Его Освященного Величества, Высокодержавнейшего и Пресветлейшего Императора Московского, Государя Царя, и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия

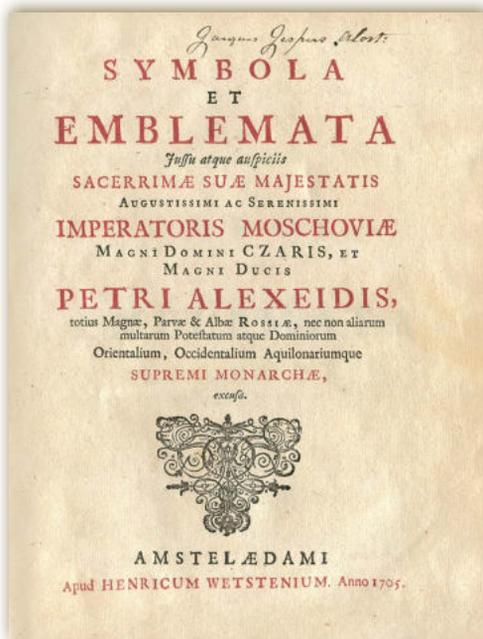
М.В. Сеславинский открывает заседание

и Малыя и Белья России, и иных Многих Держав и Государств и Земель Восточных, Западных и Северных самодержца, и Высочайшего монарха напечатаны» (Амстердам: типография Генриха Ветстейна, 1705). По подсчетам исследователей, тираж составлял не менее 800 экземпляров, однако их постигла непростая судьба: о привезенных из Амстердама книгах забыли на 12 лет, из-за чего часть их была утрачена. В продажу они поступили лишь в 1718 году, и неудивительно, что первое издание считается в наши дни большой редкостью.

¹ В этом каталоге есть ряд изданий, не описанных (или только упомянутых) в классическом труде П.П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» (1862).

Портрет Петра I с оригинала Готфрида Кнеллера из книги «Символы и Эмблемата...» (Амстердам, 1705)

Титульный лист книги «Символы и Эмблемата...» (Амстердам, 1705)

В основе содержания — две книги француза Даниэля де ла Фея, вышедшие в Амстердаме в 1691 и 1696 годах. Из них были отобраны 840 рисунков-эмблем. Составители разместили по шесть гравюр на нечетных страницах; на четных же — «символы» (пояснения к эмблемам). Каждый «символ» продублирован на восьми языках: русском, латинском, французском, итальянском, испанском, голландском, английском и немецком. Предполагается, что автором русских девизов, которые представляли собой, скорее, аналоги исходных надписей, являлся издатель и переводчик И.Ф. Копиевский, известный своей склонностью к литературным занятиям.

«Очень хорош портрет Петра I, выполненный с оригинала Готфрида Кнеллера, окруженный восьмью эмблемами с подписями», — отметил Михаил Вадимович. Библиофилов ждал прият-

ный сюрприз: им удалось познакомиться с двумя экземплярами редчайшей книги! Один находится в собрании Елены Владимировны Матвеевой, второй — в библиотеке Михаила Вадимовича.

Однако «Символы и Эмблемата» оказались не единственной редкостью в библиотеке библиофила. Еще одной значимой книгой Петровской эпохи стала «История о ординах или чинах воинских паче же кавалерских; Обдержажая уставления поведения и практику, принципальных действий, и великомагистерских, со оружием, и их фигурами». В издание 1710 года вошло 40 гравюр работы Адриана Шхонебека, которые до наших дней сохранились без дефектов. Считается, что Шхонебек был учителем русских граверов Алексея Федоровича и Ивана Федоровича Зубовых, Петра Леонтьевича Бунина.

На форзаце книги вклеен экслибрис юриста и библиофила Николая

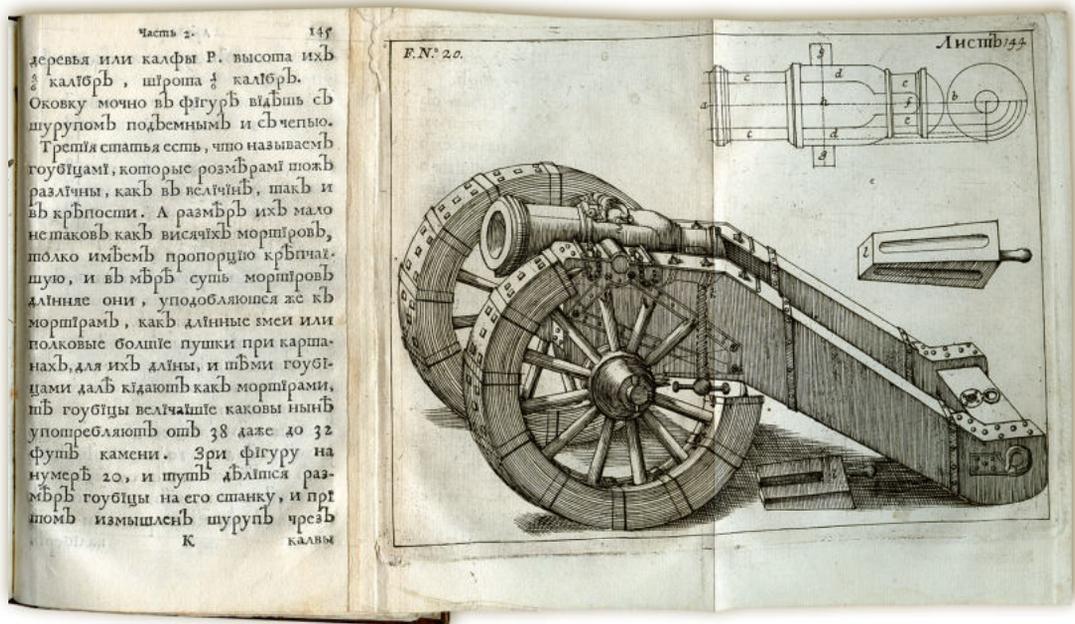

Форзац книги «История о ординах или чинах воинских паче же кавалерских...» (1710)
с экслибрисом Н.Н. Бирукова

Титульный разворот книги «История о ординах или чинах воинских паче же кавалерских...» (1710)

Разворот книги Т.Н. Бринка «Описание артиллерии ...» (М., 1710)

Николаевича Бирукова (1874–1921), на обороте фронтисписа — штамп «Bibl de N.N. Viroukoff», на последней странице — штамп «Каталог библиотеки Н.Н. Бирукова. Отд. №».

Вспоминая Петра Великого, невозможно не говорить о реформах, которые во многом определили дальнейший путь России. Они запечатлены в книгах и документах того времени, и Михаил Вадимович продемонстрировал коллегам два издания по военному делу. Одной из находок оказался учебник для артиллеристов, в котором особенно подробно изложено искусство стрельбы. Это — переведенный с голландского языка труд Т.Н. Бринка: «Описание артиллерии. В неже сокращенно написана все, еже к начинанию артиллерийскаго ведомства, и основания ея, хотящему у сего дела быти, ведати подобает. Зело прилично всем хотящим от младых лет потщатися в сеи науке своего искати счастья, и как пушкарям, бомбардирам, и над

теми людьми начальником искусным быть. Чинно описано, и пристойными лицами украшено, всем сея науки охочим на ползу. Чрез Тимофеа Бринка, артиллерийнаго дела капитана. Ныне новопреведся с галанскаго языка, на славенский. И повелением царскаго величества напечатано в Москве» (М., Март 1710).

Вторая военная книга — это «Устав воинский о должности генералов, фельдмаршалов, и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно. Напечатана повелением Царскаго величества в Санктпитебурхе лета Господня 1717, декабря в 15 день». Воинский устав Петра I является одним из самых значимых документов, положенных в основу его реформ. Кроме того, документ впервые в русском праве поставил на первое место не нравственное и религиозное содержание преступных действий, а противоречие воле государства. В Уставе

И.- Ф. Леопольд. Портрет Петра I.
Гравюра (1672)

были подробно описаны пять видов наказаний, которые применяли к провинившимся солдатам.

Перечислив их, Михаил Вадимович обратился к более веселой теме — изобразительным искусствам. Библиофил объявил, что в выставке «Петр Великий. Усы властелина», которая проходит в Третьяковской галерее, участвует шесть работ из его коллекции. Офорты происходят из собрания Андрея Леонидовича Кусакина (1946–2020), составившего подробные описания каждого из них.

Автором портрета Петра I, созданного в 1786 году по оригиналу Леруа 1717 года, стал Иоганн-Фридрих Баузе.

«Портрет в овале с фоном в виде облаков <...> Петр одет в латы, через правое плечо идет Андреевская лента. Лист описан Д. Ровинским, от 2-го состояния отличается наличием подписей». Особо было отмечено мастерство гравера — «блестящий резец. Отпечаток очень яркий, очевидно, один из первых. Оттиск доски сохранен полностью. Большие поля. На обратной стороне внизу слева круглый штемпель прежнего владельца “Sammlung Prof. Grobiz (?) Iena”», — отметил в описании А.Л. Кусакин.

Затем библиофил продемонстрировал портрет царя Петра I (как он выглядел в конце XVII века) работы Иоганна Кристофа Вейгеля. Лист описан Д.А. Ровинским по экземпляру из Императорской Публичной библиотеки (ИПБ): «Портрет в четырехугольнике с незатемненным фоном, на коне, скачущем вправо, лицо — en face, фигура вправо, в полный рост. На голове Петра высокая шапка, напоминающая боярскую, с левой стороны шапки прикреплен султан. Петр одет в кафтан, в правой руке подзорная труба. За спиной Петра видны конные и пешие солдаты и крепость на скалах. Таким европейцы изображали Петра I в Азовском походе».

Герард Вальк и Иосиф Фридрих Леопольд также изобразили, каким был Петр I в конце XVIII века. Государь запечатлен сидящим на троне в царском облачении, но без короны, а в правой руке он держит условные царские регалии. Работа Валька из собрания Кусакина была описана И.Д. Орловым в «Заметках о некоторых гравированных портретах»², а лист Фридриха Леопольда описан Ровинским по экземпляру из ИПБ.

² Имеется в виду библиофильское иллюстрированное издание: Орлов И.Д. Заметки о некоторых гравированных портретах. Дополнение к Подробному словарю [русских гравированных портретов] Ровинского / сост. по своему собранию И. Орлов. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, [1912]. [4], 92, [8] с., 42 л. ил.

Vermakelyke Bruiloft van Dwerfen aengefteld door Czaer Peter den eerften.

Я.-К. Филитс. Свадьба Екима Волкова — любимого карлы Петра I во дворце Меншикова. Гравюра, 1742

«Портрет не был под рукой при описании, и Ровинский указал “лицо молодое, без усов”, в то время как на портрете Петр с тонкими усиками», — подметил Михаил Вадимович.

На «десерт» своего выступления библиофил оставил две сюжетные гравюры 1742 года работы Яна Каспара Филиппса.

Первая из них — «Свадьба Е. Волкова, любимого карлы Петра I», созданная на китайской рисовой бумаге ручного производства. Торжество, запечатленное художником, собрало именитых гостей: помимо Петра и Екатерины за столом можно увидеть Александра Меншикова, офицеров, чиновников, нарядно одетых дам. «А на переднем плане всю веселятся приглашенные на свадьбу карлики. Кто-то не может поделить кувшин с вином; кто-то уже не может встать на

ноги; кто-то еще несет новые кубки, наполненные вином; кто-то подносит бокал сидящим дамам, а кто-то отплясывает веселый танец», — так описал гравюру Д.А. Ровинский. Михаил Вадимович заметил, что такие насыщенные описания часто характерны для картин Брейгеля, наполненных множеством самобытных персонажей.

Вторая работа — настоящий «блокбастер» сюжета того времени — «Петр I заставляет бояр обриться и надеть короткое платье». Картинка представляет процесс бритья бород и укорачивание платья у придворных, имевший место по указу Петра I в 1699 году. Действие разворачивается на фоне Москвы, с ее деревянными домами, церквями и каменными палатами. В центре гравюры солдаты-преображенцы укорачивают одежду старого боярина и готовятся отрезать

Byzondere manier omt dragen van lange Rokken by de Ruffen te beletten, door Czaer PETER denInt'werk gefield.

Я. К. Филипс. Петр I заставляет бояр обриться и надеть короткое платье. Гравюра, 1742

ему бороду; поодаль — еще два боярина, один из них платит штраф за ношение бороды. За выполнением указа наблюдает офицер (по версии Д.А. Ровинского — это сам Петр I). «На кирпичной стене висит “немецкое” платье, в которое предстоит переодеться боярам. А на самом переднем плане кучкой лежат обрезанные полы кафтанов», — гласит описание.

Полюбовавшись рисунками, слово взяла Елена Владимировна Матвеева. Она представила книгу Осипа Беляева «Кабинет Петра Великого» (СПб.: При Императорской Академии наук, 1800): каталог-путеводитель, содержащий первое на русском языке описание личных вещей Петра I, коллекции медалей, монет и прочих экспонатов Кунсткамеры. Первое издание, вышедшее в 1793 году, содержало лишь фронтиспис с изображением

императора, а второе имело еще три гравюры: изображения ложа Петра и двух его собак.

Второй книгой, о которой рассказала Елена Владимировна, стал «Духовный регламент» 1722 года, составленный епископом Феофаном Прокоповичем. На тот момент это был важнейший церковно-правовой памятник эпохи, главный юридический документ, определявший статус Русской православной церкви в стране вплоть до 1917 года.

Феофан Прокопович также стал автором книги «Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца всероссийского...». Из нее можно узнать о здоровье Петра Великого: чем царь болел, от чего умер — и кто был рядом в его последние дни.

Роман Андреевич Лизогубов напомнил коллегам, что ранее многократно

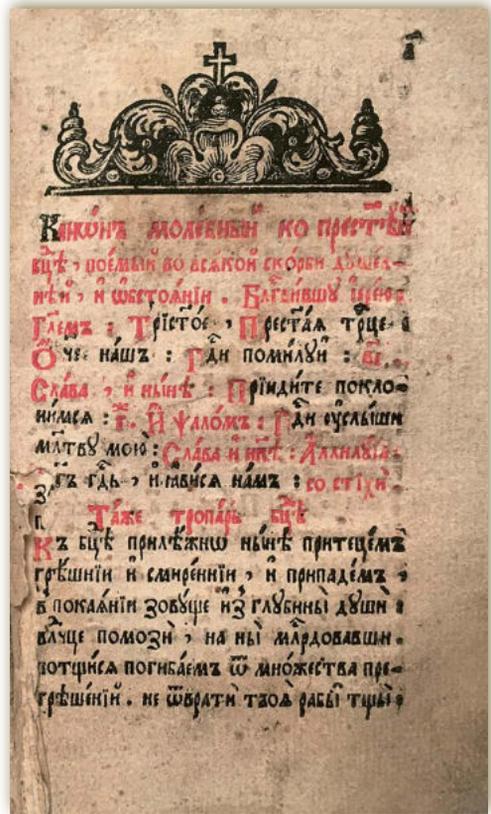
Елена Владимировна Матвеева

демонстрировал книги и документы Петровской эпохи, в том числе Сотную грамоту «Алатарского уезду деревни Ломать» (1685), миниатюрную черниговскую Псалтирь (1716), Алфавит духовный (1719). Однако в коллекции нашлось еще много редких и не менее любопытных изданий.

Сначала библиофил рассказал о наиболее ранней в его собрании книге, изданной в царствование Петра I, — Каноннике 1683 года. Роман Андреевич представил первое издание этой книги, напечатанное во время совместного правления царей Иоанна и Петра Алексеевичей. Библиофил отметил, что в его собрании находится полный экземпляр,

они встречаются крайне редко. В составе книги был впервые напечатан канон ангелу-хранителю с краегранесием³ «Ангельским зраком сияяй...».

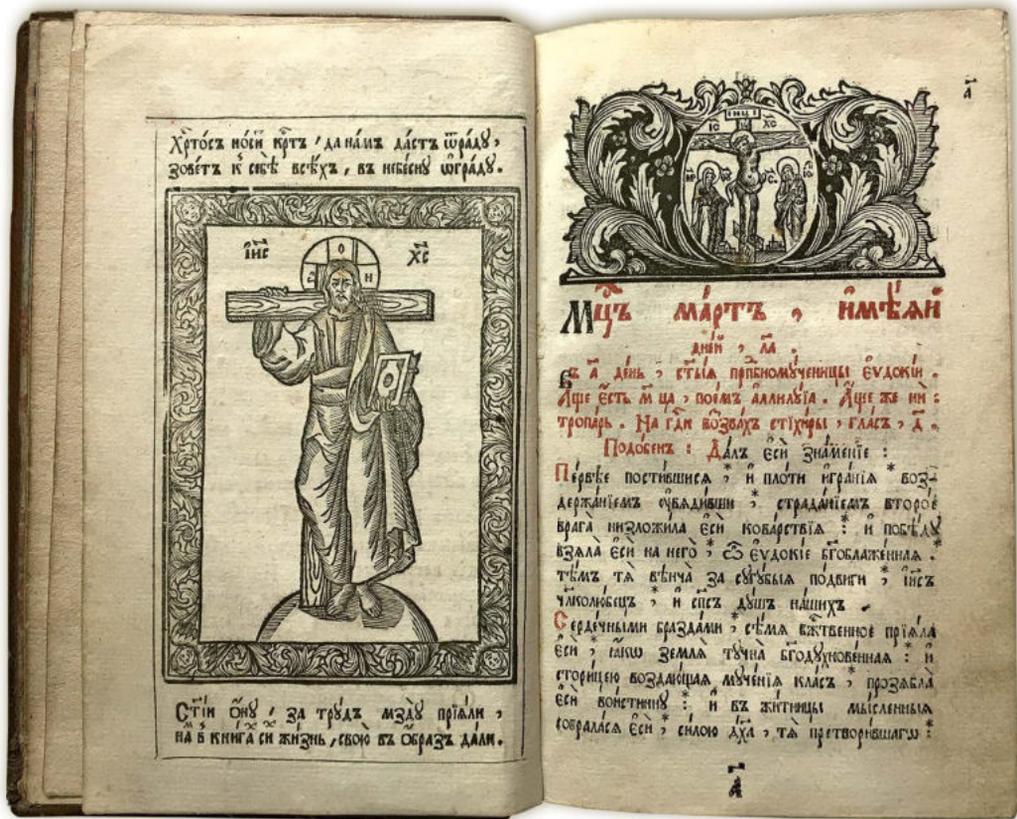
Затем библиофил показал одно из «летучих» изданий петровской эпохи — «Канон молебный ко Пресвятой Богородице, поемый во всякой скорби душевной, и обстоянии». Не имеющая выходных сведений, 12-листная брошюра (первый ее лист был пустым) была напечатана, судя по орнаментике, на московском Печатном дворе в самом начале

Лист книги «Канон молебный ко Пресвятой Богородице, поемый во всякой скорби душевной, и обстоянии» (М., 1702–1710-е)

³ Краегранесие — акrostих, т.е. начальные в строках буквы, из которых сложено слово или целая фраза. В славянских оригинальных и переводных канонах и в греческих Синаксарях означает начальный стих, представляющий тему, или главное предложение канона.

Миней служебная на месяц март (М., 1710)

XVIII века, в 1702–1710 годах. В собрании библиофила — единственный на сегодняшний день известный экземпляр.

Следующая книга, прекрасно сохранившийся экземпляр Миней служебной на месяц март, напечатанной в 1710 году, попала в собрание Романа Андреевича из Европы. В 1710–1711 годах круг служебных Миней, состоящий из 12 книг, был впервые в Москве напечатан в малом, дорожном, формате, в 8-ю долю листа. Редкость этих Миней отмечена уже «отцом русской библиографии» В.С. Сопиковым.

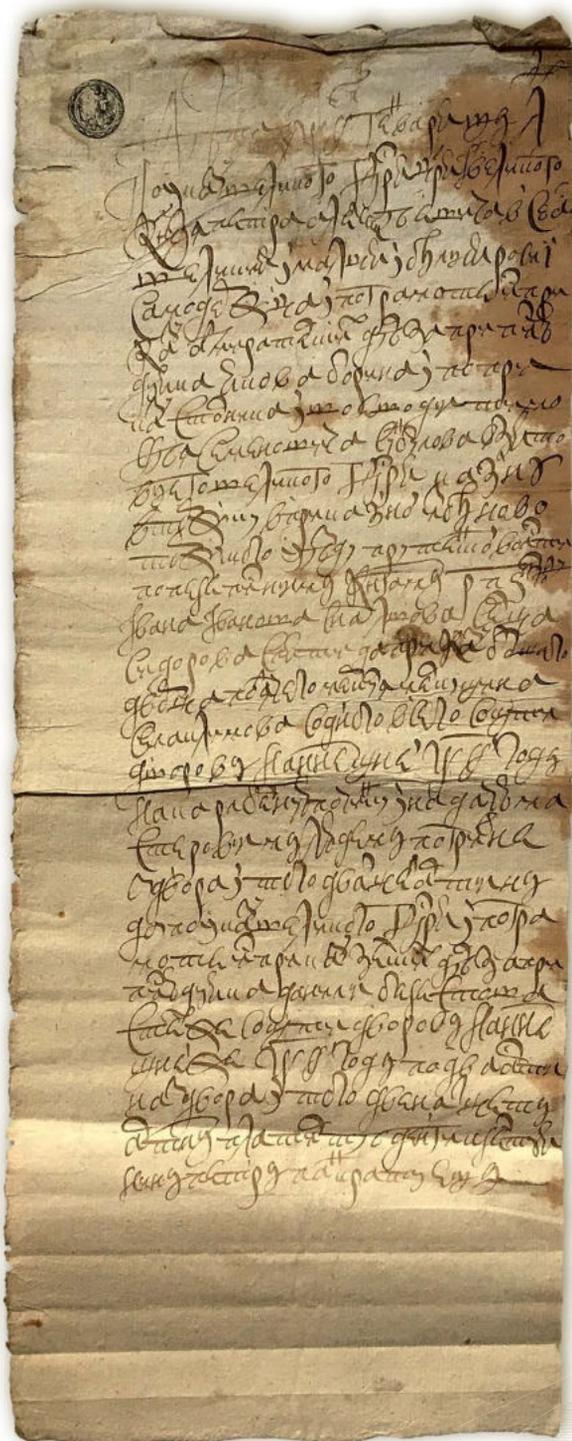
Далее Роман Андреевич рассказал об экземпляре Псалтири, напечатанной в типографии Черниговского Троице-Ильинского монастыря в 1717 году. Это

единственное известное старообрядческое издание, выпущенное в Чернигове. Именно из-за него, а также, вероятно, неизвестного в библиографии издания Часовника, эта типография в 1721 году была закрыта. Печать Псалтири в 1717 году заказал калужский купец Ераст Кадмин, печатавший до этого Псалтири и Часовники в Могилеве в типографии Максима Воцанки. В 1708 году Воцанка умер, типография в Могилеве временно пришла в упадок, что побудило Кадмина искать новую типографию. Предполагается, что тираж черниговского издания был небольшим, так как эта книга встречается намного реже могилевских Псалтири и Часовников.

В качестве примера документа петровского времени библиофил пока-

зал недавно приобретенную на аукционе Отпись 1709 года: «Лета 1709 января в 30 день по указу великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея великие и малые и белые России самодержца и по грамоте из приказа адмиралтейских дел за приписью дьяка Якова Борина и по приказу стольника и воеводы Тимофея Семеновича Сунбулова взято в его великого государя казну в Торжку в приказной избе Новоторжского уезда Прутенской волости по переписным книгам 186 года (1678) Ивана Иванова сына Львова сельца Сидорова с пяти да приказа Большого дворца подьячего Меркулия Меркушина села Климова с одного всего с шести дворов на нынешний 1709 год на корабельную починку и на дачу мастеровым людям по гривне с двора итого 20 алтын да по указу великого государя и по грамоте и приказу земских дел за приписью дьяка Данила Берестова с тех же с шести дворов на нынешний же 1709 год по два алтына с двора итого 12 алтын платил те деньги крестьянин Петр Панкратов».

Столбец написан на гербовой бумаге образца 1699–1702 годов. Известно, что клеймение бумаги проводилось в то время в Оружейной палате. «Перед вами, коллеги, налоговая квитанция начала XVIII века, свидетельствующая о целевом расходовании налоговых поступлений», — пошутил Роман Андреевич.

Отпись о взятии денег на корабельную починку и на дачу мастеровым людям (Торжок, 1709)

Ирина Алексеевна Дмитренко

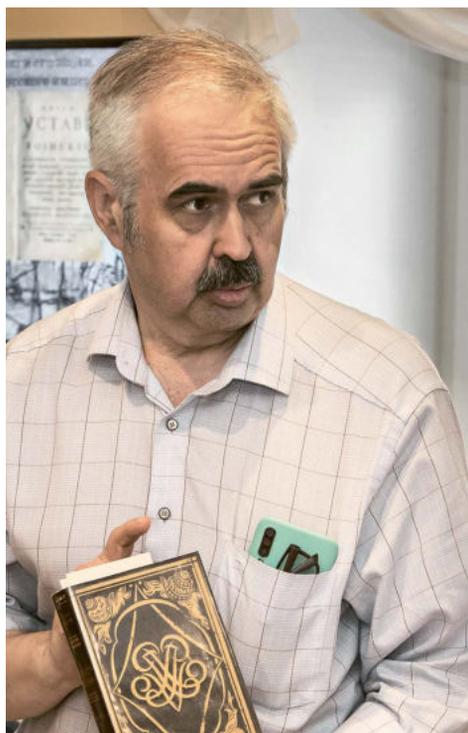
С Петровской эпохой связаны и личные разыскания докладчика. Наиболее ранний документ, в котором зафиксирован подтвержденный предок Романа Андреевича, — смотренный список «великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича <...> ратным всяких чинов людям полка генерала князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского» 1700 года. Оригинал документа хранится в РГАДА. Среди казаков этого полка числился Иван Лизогуб — прапрапрапрапрапрадед библиофила.

Во время подготовки к заседанию Роман Андреевич пришел к выводу, что эпоха Петра Великого, эпоха великих преобразований, замечательно прослеживается и в малом. К примеру, в это время содержание богослужебных книг было унифицировано, книги печатались в малом формате для путешествий; появ-

вились первые печатные издания старообрядцев; была введена гербовая бумага.

Вернувшись к теме изобразительных искусств, Ирина Алексеевна Дмитренко поделилась воспоминаниями о дипломной работе в сфере декоративно-прикладного искусства и показала эскизы нескольких шкатулок. Каждая из них расписана сюжетами, связанными с Петром I: на одной красуется портрет императора, на второй — Петровская ассамблея, на третьей — корабельные мастера. Изображения украсили не только внешнюю сторону шкатулок: так, внутри можно увидеть рисунок Зимнего дворца.

Редкой находкой удивил Владимир Николаевич Кутовой. Он представил «Арифметику» Леонтия Филипповича Магницкого — первый печатный российский учебник математики, изданный

Сергей Владимирович Смирнов

*Андрей Юрьевич Дорошин, Владимир Николаевич Кутовой, Борис Абрамович Хайкин,
Юрий Алексеевич Ростовцев с «Арифметикой...» Л.Ф. Магницкого*

в Москве: «Арифметика, сиречь наука числительная. С разных диалектов на славянский язык переведенная, и воедино собрана, и на две части разделенная». Книга была выпущена в 1703 году достаточно большим тиражом, 2400 экземпляров, и в ближайшие два столетия оставалась в числе главных учебников по математике.

Сергей Владимирович Смирнов представил знаменитый роман Алексея Толстого «Петр Первый» (М.: Федерация, 1932) с иллюстрациями Дмитрия Кардовского. Библиофил предположил, что это первое иллюстрированное издание романа. Книга стала одной из последних, выпущенных «Федерацией» (подписана к печати 25.11.1932), которая прекратила существование в том же 1932 году.

Завершивший заседание Михаил Михайлович Столяров подхватил тему, заданную Сергеем Владимировичем, и представил роман Алексея Толстого «Петр Первый» с иллюстрациями Анатолия Иткина, вышедший в «Издательстве Столяровых» в 2022 году. В основу иллюстраций легли работы Анатолия Зинovieвича, выполненные пером. Михаил Михайлович подчеркнул, что в каждом особом экземпляре отличаются иллюминированные рисунки — всего их 33. Библиофил отметил, что скоро надеется представить еще две книги, посвященные Петру: произведения А.С. Пушкина «Арап Петра Великого» с иллюстрациями Бориса Косульникова и «Медный всадник» с иллюстрациями Михаила Фёдорова.

Библиофилы готовятся отведать «Книжную окрошку»

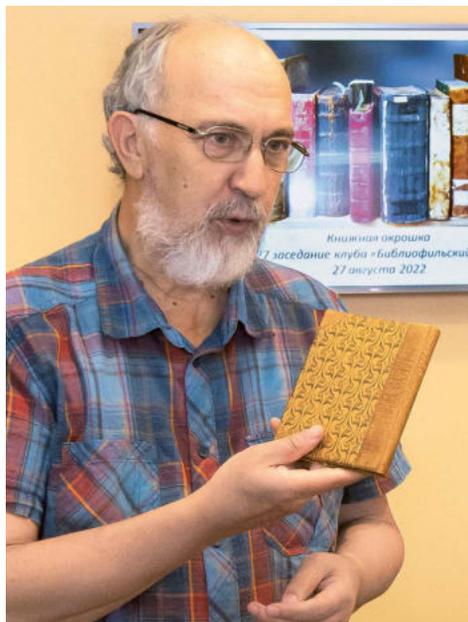
Затем обсуждение редкостей продолжилось за дружеским чаепитием.

* * *

В августе 2022 года члены клуба «Библиофильский улей» по традиции собрались на «Книжную окрошку», где обсудили главные приобретения этого лета.

Борис Абрамович Хайкин, первым выступивший с докладом, сначала представил экземпляр первого сборника стихов Федора Сологуба 1896 года в красивом полукожаном переплете с сохранением обложек из библиотеки В.Г. Лидина. Второй экземпляр из собрания библиофила имеет автограф автора, адресованный «любимому собрату по «пятницам» В. Мазуркевичу». Владимир Александрович Мазуркевич был поэтом, прозаиком, переводчиком, адвокатом. Вместе с Сологубом он участвовал в литературном кружке «Пятница», который с 1898 до 1903 год собирался на

квартире у поэта и писателя Константина Случевского в Петербурге. После смерти Случевского «пятницы» были переименованы в «вечера» и продолжили свою историю вплоть до 1917 года.

Борис Абрамович Хайкин

Борис Абрамович также заинтриговал коллег книгой, которую «никто и никогда не видел в твердом переплете». Даже в литературе встречается только упоминание экземпляров в мягкой обложке. Речь идет о книге Георгия Шторма «Повесть о Болотникове», вышедшей в Государственном издательстве в 1930 году. Обложку, как и несколько других книг Шторма, оформил художник Владимир Фаворский. Библиофил продемонстрировал экземпляр в издательском картоннаже и отметил, что книга в переплете стоила на 25 копеек больше, чем книга в обложке.

Об изданиях старообрядческой типографии в Иоганнисбурге (ныне — польский город Пиш) в своем собрании рассказал Роман Андреевич Лизогубов. Эта печатное предприятие было основано в 1859 году Павлом Прусским при типографии А. Гонсеровского. Книгопечатанием занимался ученик П. Прусского — Константин Ефимович Голубов.

Выходные сведения в большинстве изданий этой типографии либо отсутствовали вовсе, либо были напечатаны в сокращениях. К примеру, «Собрание краткие науки о артикулах веры» было напечатано «во граде Ио...рге (Иоганнисбурге), в Типографии А. Г — ва, в П — (Пруссии)». Чья типография подразумевалась в сокращении — доподлинно неизвестно: одни библиографы видят в нем указание на А. Гонсеровского (в этом случае некорректно окончание, должно быть «аго»), другие — на Голубова (тогда некорректно сокращение имени). Год издания в книге обозначен одной цифрой «3» — 1863-й.

В Иоганнисбурге было напечатано не менее 21 издания (еще выпускались газета и журнал «Истина»); в собрании библиофила имеется пять из них: Святцы 1861 года, «Последование церковного пения» 1862 года, «Сборник сочинений о браках» 1863 года, «Собрание краткие науки о артикулах веры» 1863 года, «Устав

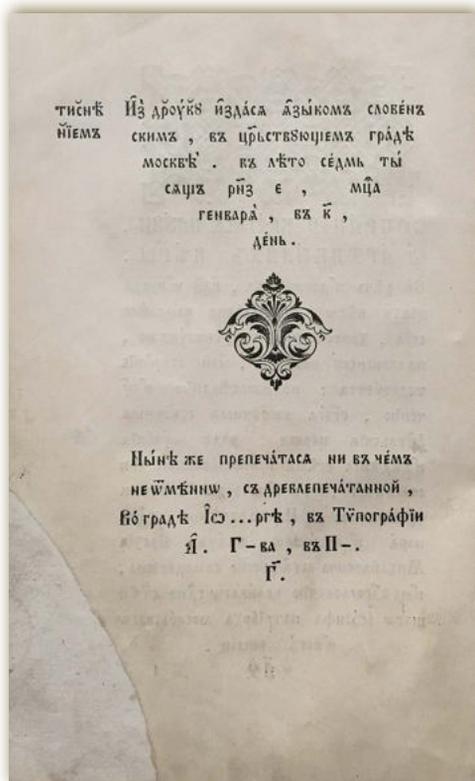
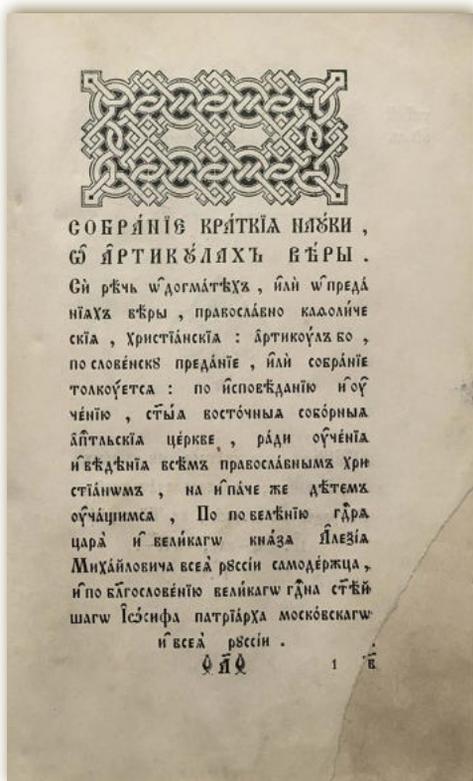

Устав обдержного христіанского жительствова (Иоганнисбург, 1865)

Экземпляры изданий старообрядческой типографии в Иоганнисбурге

Колофон книги «Собрание краткие науки о артикулах веры» (Иоганнисбург, 1863)

обдержного христианского жительство» 1865 года.

Особо библиофил отметил экземпляры Святцев и Устава. Эти книги были подарены Роману Андреевичу коллегами из Польши Еленой Потехиной и Иоанной Ожеховской, и они замечательны тем, что сохранились в первозданном виде: неразрезанными и не сброшюрованными. Книги происходят из собрания известного исследователя старообрядчества Эугениуша Иванца, который обнаружил большое число печатных листов в одной из польских деревень в 1970-х годах.

О плодотворном лете рассказал Андрей Юрьевич Дорошин. Библиофилу удалось приобрести несколько дорогих его сердцу изданий, среди которых оказалась небольшая книжка «Вася Тёркин на Ленинградском фронте», вышедшая в 1943 году в блокадном Ленинграде в издательстве Народного комиссариата обороны. В книжке — сорок страниц, на каждой — история в шести картинках, к которым прилагались четверостишия. Краткие истории, вошедшие в эту нарядную книгу, сочиняли Александр Прокофьев, Александр Флит, Борис Лихарев, побывавшие на фронтах вокруг Ленинграда. Такие «комиксы» пользовались огромным успехом у солдат.

Продолжив тему блокады, Андрей Юрьевич обратился к каталогу выставки Ореста Кипренского 1938 года, который оформил Николай Ильин. Один из составителей каталога, старший научный сотрудник Государственной Третьяковской галереи М.М. Колпакчи подарил каталог библиофилу и историку искусства Петру Корнилову, оставив дарственную надпись: «На память обо мне, о наших дружеских встречах. Петру Евгеньевичу от М. Колпакчи». Андрей Юрьевич напомнил, что в трудные годы блокады Корнилов старался поддерживать художников по

Андрей Юрьевич Дорошин

мере сил: кому-то находил работу, кого-то пытался порадовать подарками. Для него было большим счастьем приобрести книги по искусству, и они пополняли не только личную библиотеку. Известно, что П.Е. Корнилов приносил книги А.П. Остроумовой-Лебедевой и даже отправлял в Москву М.В. Нестерову.

12 февраля 1942 года Корнилов передал издание художнику Г.С. Верейскому. Подпись гласит: «Дорогому Георгию Семеновичу Верейскому с любовью и преданностью в тяжелые дни ленинградской жизни».

Андрей Юрьевич также прочитал пронзительное письмо Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой, направленное ленинградскому художнику Владимиру Александровичу Успенскому. 8 января 1943 года она ответила, видимо, на его поздравление с наступившим Новым годом. Среди пожеланий счастья и радости есть еще одно, не менее важное: «Пусть 1943-й год будет годом окончания

Обложка каталога киевского издательства «Культура» за 1928–1929 годы

войны и освобождения нашего дорогого города. Будем горячо этого желать».

Оригинальным исследованием порадовал библиофилов Сергей Владимирович Смирнов. Сперва он обратился к редкому каталогу киевского издательства «Культура» за 1928–1929 годы. В нем собраны наименования по разделам: беллетристика; методика и критика; техника и прикладные науки, а также названия около 220 детских книжек. Одновременно с перечнем русских книг издательство выпустило отдельный каталог своих украинских изданий.

Не менее интересное открытие ожидало Сергея Владимировича в, казалось бы, давно известном издании «Детям о Ленине» с иллюстрациями Б.М. Кустодиева. В собрании библиофила оказались первое и второе издание — 1926 и 1927 годов соответственно. Невооруженным глазом можно найти несколько отличий. Во-первых, в исход-

ном издании на восемь страниц больше. Во втором издании отсутствуют три иллюстрации: «Что писал о войне товарищ Ленин», «Владимир Ильич — глава рабоче-крестьянского правительства» и «Болезнь товарища Ленина». Во-вторых, в первом издании все иллюстрации подписаны художником Борисом Кустодиевым и большинство из них помечено 1924 годом. Во втором же оказалась «изюминка»: в разных экземплярах есть целых два варианта одной из последних иллюстраций к главе «Смены»! Один вариант повторял иллюстрацию первого издания, но имеются экземпляры с новой иллюстрацией: год ее создания значится как 1927-й, и подписана она уже иначе — «К.К.». Сергей Владимирович поделился версиями: либо была допущена ошибка, либо этот рисунок не принадлежит Борису Кустодиеву. Михаил Вадимо-

Михаил Михайлович Столяров

вич Сеславинский уточнил, что за инициалами скрывается Кирилл Кустодиев, сын художника, и поздравил библиофила с интересным открытием.

Собрание Наталии Викторовны Набатчиковой пополнил долгожданный автограф Владимира Германовича Лидина. Дарственную надпись на книге «Великий или Тихий»⁴ автор адресовал своей супруге 6 декабря 1933 года. Кроме того, Наталия Викторовна приобрела хорошо известное членам «Улья» издание Олега Григорьевича Ласунского «Власть книги. Рассказы о книгах и книжниках». Этот экземпляр был подарен Лидину: «Владимиру Германовичу в знак искреннего уважения. Мещеряков Т. 23 февраля 69 года, Балашов».

Вдохновленный заседанием, посвященным Петру I и книгам его эпохи, Михаил Михайлович Столяров представил настоящий эксклюзив — каталог библиофильских изданий, выпущенных к трехсотлетию Петра Великого (тираж — 12 номерованных экземпляров). На нем указано, что книга вышла в связи с заседанием клуба «Библиофильский улей», которое состоялось 18 июня 2022 года в Москве. Экземпляр № 1 с автографом Михаила Михайловича пополнил собрание председателя НСБ Михаила Вадимовича Сеславинского.

Михаил Михайлович не обошел вниманием еще одну новинку — поэму Александра Пушкина «Медный всадник», которая увидела свет в 2022 году в издательстве Столяровых. Иллюстрации создал художник Михаил Федоров, передавший также оригиналы своих работ в качестве дополнительных иллюстраций.

Михаил Дмитриевич Афанасьев

Затем слово взял Михаил Дмитриевич Афанасьев. Его рассказ был посвящен двум книгам — рукописи военного священника и знаменитому сборнику статей об интеллигенции «Вехи»⁵ (в котором участвовали такие выдающиеся философы и литераторы, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, П.Б. Струве, С.Л. Франк). Михаил Дмитриевич купил рукопись в одном из антикварных магазинов в Угличе, куда однажды забрел с писателем Сергеем Есиным. Он предположил, что священник, должно быть, сам переписал личные дневники о походно-боевой жизни, а позже кто-то дополнил рукопись справкой об авторе. В конце есть фотография, где запечатлен, видимо, сам священник, и отличным от его почерка написано, что автор рукописи был репрессирован.

⁴ Это первое издание романа: Лидин В.Г. Великий или Тихий: роман. М.: Сов. лит., 1933. Суп.-обл., переплет, 303 с.: ил.

⁵ Вехи: сб. ст. о рус. интеллигенции / [Соч.] Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона [и др.]. М.: Тип. В.М. Саблина, 1909. [2], II, 211 с.

Раритеты для настоящих гурманов: «От А.П. Чехова С.Х. Векслеру» и крыжовенное варенье

Вторая же книга интересна не столько содержанием (о котором существует целое море публикаций), сколько внешним видом (настоящей футуристической обложкой), что сразу отметили библиофилы. Оказалось, что этот экземпляр стал первым опытом отца Михаила Дмитриевича в переплетном деле. Когда ему было около девяти лет, он решил пойти по стопам своего отца (который таким образом зарабатывал на жизнь) и самостоятельно попытался переплести одну из книг, оказавшуюся уже без титульного листа. Результат его работы, с которым познакомились коллеги Михаила Дмитриевича, хранится ныне в семейном собрании.

Настоящим сюрпризом стало выступление Елены Владимировны Матвеевой. Сперва она рассказала о книге

Искандера (А.И. Герцена) «14 декабря 1825 и Император Николай», изданной редакцией «Полярной Звезды» в Лондоне в 1858 году⁶. Тираж составил не более 300 экземпляров. В содержание вошли: донесение Следственной комиссии по делу декабристов, доклад и приговор Верховного суда, «Письмо к императору Александру II» А.И. Герцена и «Разбор книги Корфа» Н.П. Огарева. Книга происходит из легендарной библиотеки Максима Екимовича (или Акимовича) Синицина — видного библиофила, ценителя и собирателя русского искусства, старообрядца поморского согласия. Его библиотека славилась своеобразием и роскошью переплетов.

Елена Владимировна порадовала библиофилов не только редчайшей находкой, которая захотела попасть в ее

⁶ 14 декабря 1825 и император Николай: по поводу книги барона Корфа [«Восшествие на престол императора Николая 1-го»]. London: Полярная звезда: Trübner & K^o, 1858. [2], XIV, 308 с.

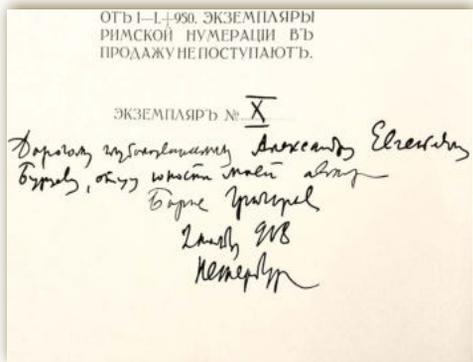
Иллюстрированный фронтиспис «Улица блондинок» из альбома Бориса Григорьева «Intimite» (Пг., 1918). Цинкография

коллекцию, но и вареньем из крыжовника со своего участка. Она привезла несколько баночек лакомства на дружеский аукцион и вспомнила об авторе рассказа «Крыжовник» Антоне Павловиче Чехове. А затем представила книгу в подносном переплете «От А.П. Чехова С.Х. Векслеру» с автографом автора и зачитала одно из известных писем Антона Павловича композитору: «Многоуважаемый Семен Харитонович! / Вальс, посвященный мне, а также Ваш портрет с надписью и еще два вальса я получил. Позвольте принести Вам сердечную благодарность за честь, оказанную мне, и вообще за доброе отношение, которым я дорожу и которое высоко ценю. / Крепко жму Вам руку и желаю всего хорошего. / Искренно Вас уважающий и благодарный / А. Чехов.» Семен Векслер прислал Чехову авторский экземпляр сборника своих вальсов с дарст-

венной надписью: «Автору бессмертной «Чайки» — А.П. Чехову».

По традиции Михаил Вадимович Сеславинский выступил в конце заседания. Сначала он обратился к альбому Бориса Григорьева «Intimite» с текстом Всеволода Дмитриева и Всеволода Воинова (Пг.: В.М. Ясный, 1918). Иллюстрированный фронтиспис «Улица блондинок» выполнен в технике цинкографии, пять иллюстраций — фототипии, 22 иллюстрации и 12 рисунков — автотипии. Библиофил отметил, что этот экземпляр римской нумерации № X прекрасен автографом Бориса Григорьева: «Дорогому глубокоуважаемому Александру Евгеньевичу Бурцеву, отцу юности моей, автор <Борис Григорьев> 2 апреля 918 Петербург». Михаил Вадимович напомнил, что автографы художника — явление редкое, а такие содержательные автографы вообще ему не

Автограф художника на экземпляре № X альбома Бориса Григорьева «Intimite» (Пг., 1918)

встречались до тех пор, пока он не взял в руки этот экземпляр.

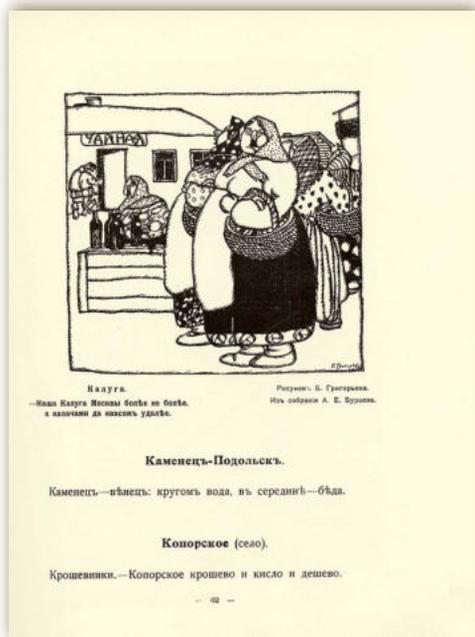
Для издателя и библиофила Бурцева Григорьев выполнил иллюстрации к произведениям русского фольклора в нескольких выпусках сборника «Свободные часы». Михаил Вадимович показал несколько изданий, где можно увидеть работы художника: «Народные присловия, собранные Александром Евгеньевичем Бурцевым» (СПб.: Типография А.К. Вейерман, 1911), «Русские народные песни из «Полного собрания этнографических трудов» Александра Евгеньевича Бурцева (СПб., 1911), «Жизнь русского народа. Его нравы и обычаи в картинах художников и в снимках с натуры» (СПб.: тип. Е. Вейерман и К°, 1914). Кроме того, Бурцев посвятил творчеству Григорьева несколько выпусков своего «Журнала для немногих» (1913–1914).

Затем Михаил Вадимович обратился к альбому Ольги Козловой (Album de madame Olga Kozlow. М.: Тип. А. Гатцука, 1883) — богато оформленному изданию, отпечатанному в количестве всего 40 экземпляров. На форзаце — вклеенный экслибрис врача-невропатолога В.С. Покровского, выполненный в 1963 году

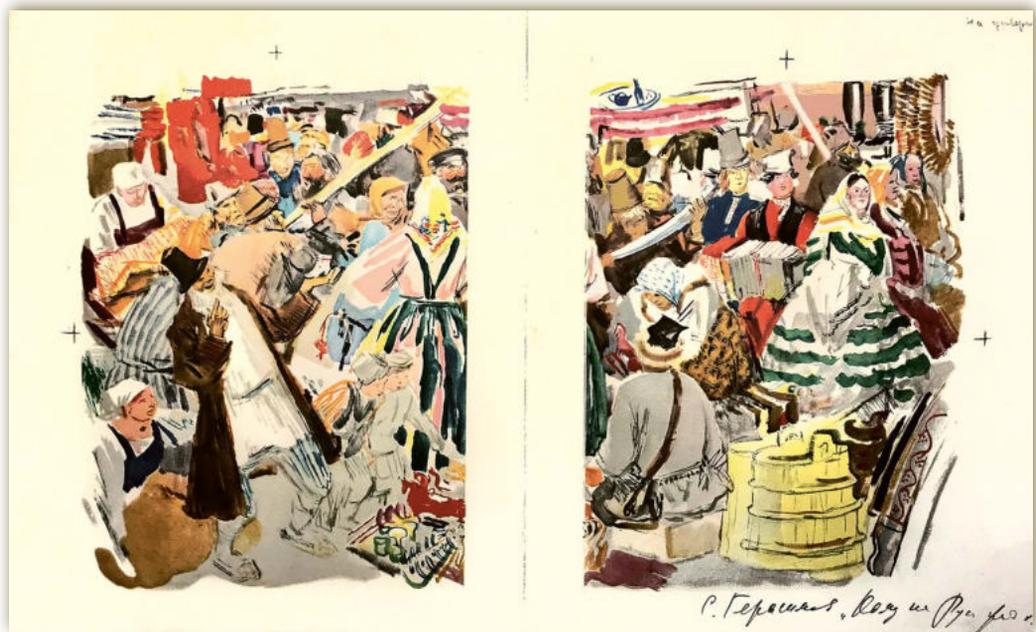
Р.В. Копыловым. На первом пустом листе есть владельческая надпись вдовы статского советника и камергера: «Екатерины Павловны Шаблыкиной».

Книга представляет собой издание рукописного альбома, заполнявшегося в 70 — 80-е годы XIX века, где свои записи оставили известнейшие отечественные и зарубежные авторы, среди которых Н.А. Некрасов, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, В. Гюго, П. Мериме, отец и сын Дюма, А. де Ламартин. Ольга Козлова собрала уникальную коллекцию автографов, превратив домашний альбом в интереснейший культурный памятник эпохи, а его издание — в подлинную библиофильскую редкость!

Любопытна, к примеру, запись Ф.М. Достоевского: «Посмотрел ваш альбом и позавидовал. Сколько друзей ваших вписали в эту роскошную памятную книжку свои имена! Сколько живых мгновений пережитой жизни напоми-

Лист из сборника «Свободные часы» (СПб., 1911) с иллюстрацией Б. Григорьева

С.В. Герасимов. Пробные оттиски иллюстраций к книге Н.А. Некрасова
«Кому на Руси жить хорошо» (1930-е)

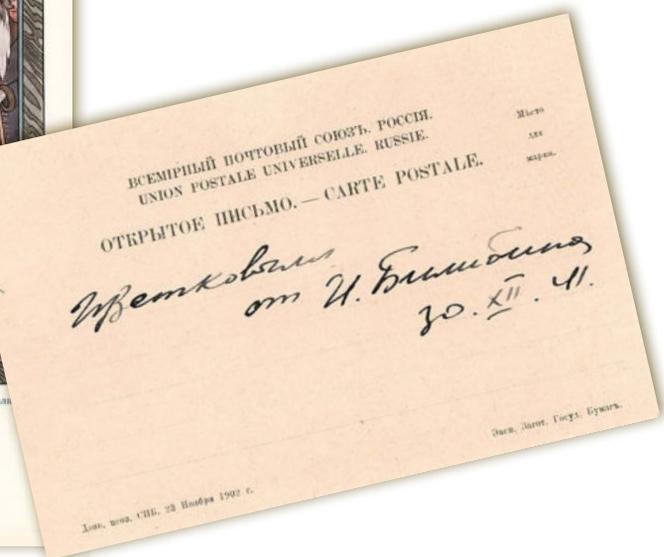
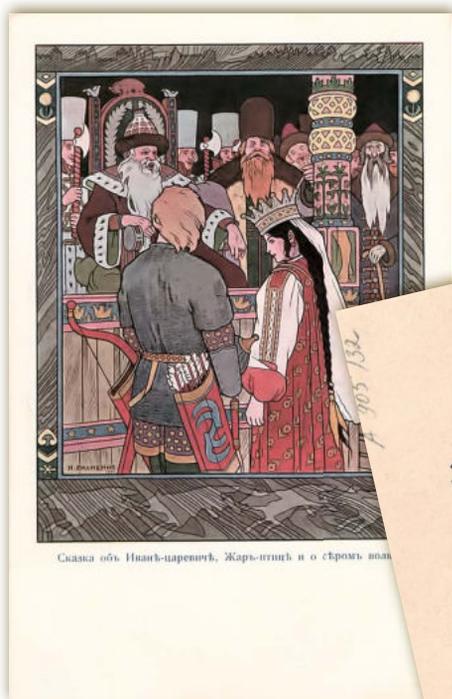
нают эти листы! Я сохраняю несколько фотографий людей, которых наиболее любил в жизни, — и что же? я никогда не смотрю на эти изображения: для меня, почему-то, воспоминание равносильно страданию, и даже чем счастливее воспоминаемое мгновение, тем более от него и мучения. В то же время, несмотря на все утраты, я люблю жизнь горячо; люблю жизнь для жизни и, серьезно, все еще собираюсь начать мою жизнь. Мне скоро пятьдесят лет, а я все еще никак не могу распознать: оканчиваю ли я мою жизнь или только лишь ее начинаю. Вот главная черта моего характера, может быть и деятельности».

Пробные оттиски иллюстраций и титульного листа к поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», выполненные Сергеем Герасимовым в 1930-е годы, вызвали не меньший интерес библиофилов. Книга «Кому на Руси жить хорошо» должна была выйти в издатель-

стве «Academia» в 1937 году. В итоге она была набрана только до 214-й страницы: дело было во времена борьбы с «художниками-пачкунами». На сегодняшний день точно известно о существовании одного экземпляра этой книги, находящегося в собрании члена НСБ Леонарда Исааковича Черткова. Это личный экземпляр С.В. Герасимова, попавший затем в коллекцию М.В. Раца.

В завершение доклада Михаил Вадимович вернулся к теме блокадного Ленинграда, обозначенной ранее Андреем Юрьевичем. Библиофил рассказал о книге поэта-фронтовика Николая Тихонова «Ленинградский год» (1943) с рисунками Виктора Морозова и автографом: «Дорогому Самуилу Мироновичу Алянскому на память о совместно проведенных героических днях осады города Ленина в 1941–1942 гг. от издателя полковника Цветкова. 10 сентября 1943 г. Гор. Москва».

И.Я. Билибин. Открытое письмо «Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке» с автографом художника

Михаил Вадимович отметил, что упомянутый полковник — Василий Иванович Цветков, который был большим любителем автографов. В его архиве сохранилось несколько альбомов с записями на память, авторами которых являлись артисты, писатели и художники. Вскоре после этой находки коллекцию Михаила Вадимовича пополнило открытое письмо «Сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о сером волке» с автографом Ивана Яковлевичем Билибина «Цветковым от И. Билибина 30.XII.41». Рассказ о посещении художником семьи Цветковых накануне Нового года и за месяц до кончины от голодной смерти известен в мемуарной литературе.

На этом официальная часть заседания завершилась, а библиофилы продолжили обсуждение книжных редкостей за дружеским чаепитием.

17 сентября заседание клуба «Библиофильский улей» было посвящено теме «Опять двойка. Книги о школе: взгляд из 2022 года». Она заставила библиофилов окунуться в воспоминания детства и юности, поэтому участники встречи не ограничились докладами, а делились также семейными историями, курьезами и даже фотографиями и школьными дневниками.

Первым слово взял Андрей Юрьевич Дорошин, который напомнил о традиции дарить книги при переходе из одного класса в другой. Ленинградским школьникам, вспоминал библиофил, нередко доставалась книжка Николая Носова «Витя Малеев в школе и дома». Спустя годы собрание библиофила пополнило первое издание, увидевшее

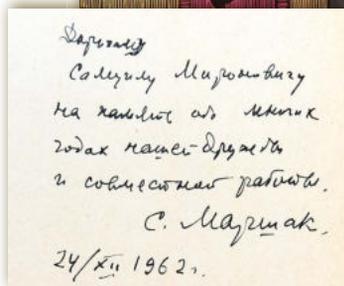

Обложка книги Н.Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома» (М.; Л., 1952).
Титульный лист с дарственной надписью автора С.М. Алянскому

свет в 1952 году, с иллюстрациями классика советской мультипликации Георгия Позина. На экземпляре — автограф писателя. Она была подарена Николаем Николаевичем издателю и редактору Самуилу Алянскому: «Дорогому Самуилу Мироновичу Алянскому в знак глубокого уважения и на память от автора. 21/IV 1952 г.». Эту же книгу продемонстрировал позже и Юрий Алексеевич Ростовцев.

Затем Андрей Юрьевич обратился к нарядной книге Самуила Маршак «В начале жизни», вышедшей в издательстве «Детгиз» в 1962 году. Иллюстрации выполнил известный художник Григорий Филипповский. На экземпляре стоит автограф, также адресованный Алянскому: «Дорогому Самуилу Мироновичу на память о многих годах нашей дружбы и совместной работы. С. Маршак. 24/XII 1962 г.»

Удивительной находкой взбудоражил коллег Сергей Владимирович Смирнов. На заседании он представил три журнала

Обложка книги Самуила Маршак «В начале жизни» (М., 1962)
Дарственная надпись автора С.М. Алянскому

Отдельные номера рукописного журнала старших классов средней женской школы № 165 «Путь к знанию» (февраль–апрель 1947)

«Путь к знанию» (№ 2; 3; 4), вышедшие в феврале — апреле 1947 года. Особенность их заключается в том, что издания оказались полностью рукописными (рисунки и текст выполнены на бумаге верже), а создали их не мастера полиграфии, а ученицы старших классов средней женской школы № 165, которая находилась на улице Правды в Москве.

Библиофилы имели возможность детально рассмотреть качественно выполненные журналы. Удивительно и их содержание: видно, что девочки не слепо переписывали научные тексты из энциклопедий, но и сами рассуждали о будущем, запечатлевали свои идеи в иллюстрациях. «Путь к знанию» — научный журнал, и потому во втором номере для предисловия был выбран отрывок не из политического текста, к примеру, И.В. Сталина, а из речи покойного президента Академии наук СССР А.П. Карпинского.

Библиофилы были поражены мастерством исполнения рисунков, тщательно подобранными материалами. Разгорелась жаркая дискуссия: трудно было поверить, что девочкам не помогали профессионалы (кроме учителя физики М.С. Державиной), ведь даже мельчайшие детали журнала очень хорошо продуманы. За талант учениц вступился Михаил Михайлович Столяров. Он признался, что еще в начальных классах испытывал тягу к издательской деятельности и пытался готовить свои первые книги. Поэтому, заметил библиофил, приложив должное усердие, девочки и сами — без помощи взрослых — могли выпускать такой журнал.

Затем Михаил Михайлович представил книгу, изданную в единственном экземпляре специально к сентябрьской встрече. Она неспроста получила название «Нерожденная библиофильская

Сергей Владимирович Смирнов, Михаил Михайлович Столяров и «Старик Хоттабыч»

книга». Это история о том, как не состоялось издание «Старик Хоттабыч» Лазаря Лагина, над которым издательство Столяровых работало почти год вместе с художником Германом Алексеевичем Мазуриным. Планировалось, что в переиздание войдут новые иллюстрации мастера, который захотел привести свои предыдущие работы в соответствие с текстом книги и убрать «ляпы», встречавшиеся в ранних иллюстрациях.

«Нерожденная библиофильская книга» с добрыми пожеланиями художника пополнила собрание председателя НСБ М.В. Сеславинского. Герман Мазурин оставил пожелания от Хоттабыча и сопроводил их портретом известного волшебника: «Миша ибн Вадим! Лучшему из лучших, умнейшему из умнейших, достойнейшему из достойных, да будет бла-

гословенны дни твои, дни родных твоих. Гера ибн Алеша. Гассан Абдурахман ибн Хоттаб. 17.09.2022».

Роман Андреевич Лизогубов подключился к заседанию дистанционно. Начал он с рассказа об одном из самых интересных приобретений прошлого года: о двух «летучих» изданиях Канона Алексею, митрополиту Московскому 1646 года. Одни и те же слова в этих 16-листных брошюрах (первый лист книги был пустым) набраны с разными литерами, одни и те же предложения оканчиваются разными знаками препинания. Всего таких разночтений в книгах обнаруживается более 80-ти.

Библиофил отметил, что уже к середине XVII века на Руси ошибки в грамматике, правописании и в произношении стали серьезной проблемой. Они

Разворот из «Букваря В.Ф. Бурцова 1637 г.» (Москва, 1885). Гравюра «Училище»

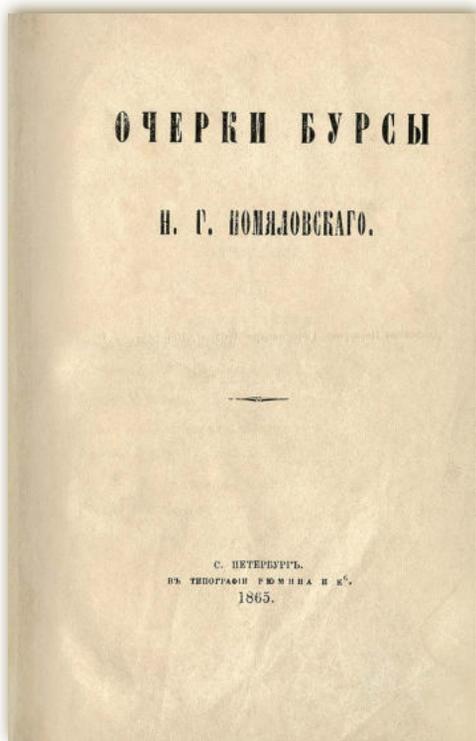
привели к необходимости переиздания целого ряда книг на Печатном дворе. В 1640-х годах такие книги, как Часовник и Псалтирь, получили дополнительные главы: «Наказание ко учителем, како им учить детей грамоте, и како детям учиться божественному писанию и разумению». В этом тексте подробно описывается, на что необходимо обращать внимание при обучении детей грамоте, приводятся примеры правильного произношения и написания букв и знаков препинания. В библиотеке Романа Андреевича эта глава сохранилась в Часовниках 1645 и 1647 годов. В XIX веке старообрядцы многократно перепечатавали эту главу в Часовниках и Псалтирях: например, она имеется в собрании библиофила в клинцовском издании типографии Ф. Карташева начала XIX века.

Примеры «детских рисунков в учебниках» библиофилы смогли рассмотреть в старообрядческом Букваре XVIII века под названием «Увещание младым отрочатем». Ребенок на свободном приплетном листе книги изобразил и подписал «церкву», «солнышко», «месяц». Без подписи осталось лишь изображение девушки в клетчатой юбке с цветком в руке.

В заключение Роман Андреевич напомнил, что первая московская светская гравюра также имеет отношение к теме заседания. Это гравюра «Училище» из Азбуки Василия Федорова Бурцова 1637 года, показывающая процесс наказания нерадивого ученика. Подобные гравюры печатались в виленских Грамматиках, например, в издании 1621 года.

На десерт осталась книга из собрания Михаила Вадимовича Сеславинского —

Титульный лист первого отдельного издания книги Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы» (СПб., 1865)

первое отдельное издание книги Николая Помяловского «Очерки бурсы». Оно вышло в 1865 году в Санкт-Петербурге, в типографии Рюмина и К°. Ранее, в 1862–1863 годах, журналы «Время» и «Современник» опубликовали четыре части «Очерков бурсы», которые и принесли автору наибольшую популярность. Изначально Помяловский планировал подготовить 20 очерков, которые осветили бы один скромный, но очень темный уголок русской жизни, куда не заглядывало еще ничье независимое око. Писатель провел свое детство в Александро-Невском духовном училище и описал свой жизненный опыт: рассказывал о ссорах и развлечениях бурсаков, об уроках и строгих учителях. Писарев называл «Очерки бурсы» «замечательным сочинением», из которого «можно

почерпнуть самые достоверные и самые любопытные сведения о русской школе». В статье «Погибшие и погибающие» Писарев сравнивает жизнь каторжников, изображенных Достоевским в «Записках из Мертвого дома», с жизнью героев Помяловского и отмечает, что жизнь бурсаков тяжелее. В отсутствие больного ковидом председателя НСБ эту книгу представил его помощник Сергей Александрович Трубачев.

После заседания библиофилы отправились на первую московскую персональную выставку работ Александры Якобсон. Экспозиция, открывшаяся в «Галеев Галерее», посвящена жизни и творчеству живописца и графика, иллюстратора детских книг, яркого представителя «ленинградской школы» 1920–1960-х годов.

* * *

На октябрьском заседании клуба «Библиофильский улей» речь шла о книгах, посвященных путешествиям. Каждый из присутствующих наслаждался не только библиофильскими редкостями, но и любопытными иллюстрациями, которыми, как правило, богаты издания о дальних берегах.

Первым выступил Ильдар Ибрагимович Галеев. Доклад был посвящен двум книгам с иллюстрациями одного из его любимейших ленинградских художников — графика Валентина Ивановича Курдова. Он работал в мастерских многих авангардистов, среди которых были Михаил Матюшин, Павел Филонов и Казимир Малевич, постигая особенности их творчества и умело используя полученные знания. К каждой из своих книжных работ — а их было больше пяти десятков — художник подходил основательно, стараясь, пусть неявно, продолжать авангардные традиции.

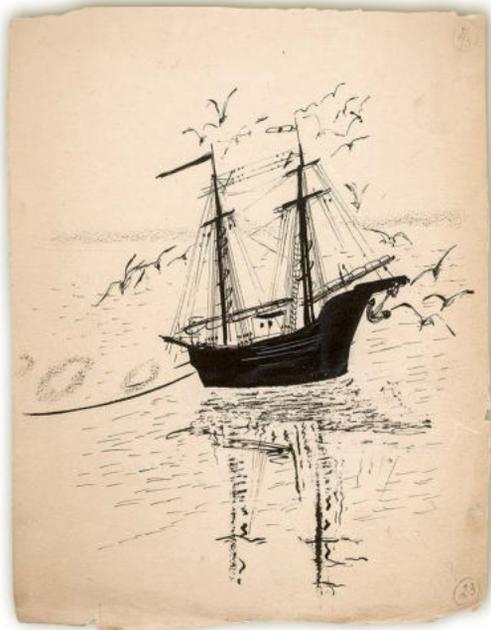
Библиофил обратил внимание коллег на незаслуженно забытое издание «Конец земли» (1933), выпущенное Валентином Курдовым в тандеме с писателем Виталием Бианки. Книга представляет собой травелог, рассказ о путешествии двух друзей от Вологды до Чукотки. Ильдар Ибрагимович отметил, что Виталий Бианки — не только сочинитель детских рассказов про животных, но и мастер актуального броского литературного стиля того времени. «Временами мне казалось, что я читаю романы американца Дос Пассоса: настолько это было ярко, монтажно, как фильмы Сергея Эйзенштейна», — признался библиофил.

Он приобрел экземпляр из библиотеки Николая Кострова с автографом Валентина Курдова: «Дорогим Анечке и Коле в знак дружбы». «Это небольшая книга, но она сделана по-настоящему увлекательно. Практически все развороты заполнены рисунками, виньетками,

заставками, концовками руки Валентина Ивановича», — поделился своими впечатлениями Ильдар Ибрагимович и добавил, что все эти элементы напоминают манеру художников группы «13». Курдов, не примкнувший к объединению официально, разделял их взгляды, что эскиз — уже готовое произведение, не требующее доработки.

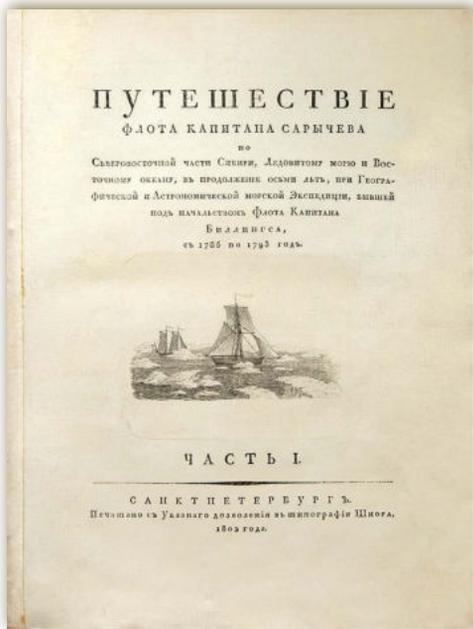
Экземпляр книги «Конец земли» — не единственная находка библиофила: однажды Ильдар Ибрагимович в выставленном на продажу гараже художника нашел чемоданчик с оригиналами иллюстраций. Этот лотерейный выигрыш необычайно возбудил библиофилов: многие кинулись просматривать на экранах своих смартфонов объявления о продаже гаражей, а некоторые — и ненавязчиво пытались выяснить адресок у докладчика.

Затем библиофил обратился к книге Тэки Одулока «Жизнь Имтеургина старшего» (1934), которая была выпущена по

В.И. Курдов. Оригиналы иллюстраций к книге Виталия Бианки «Конец земли» (1933)

Титульный лист книги «Путешествие флота капитана Сарычева» (СПб., 1802)

Иллюстрация из книги «Путешествие флота капитана Сарычева» (СПб., 1802)

инициативе Валентина Курдова. Художник выступил уже не как последователь стиля группы «13», но как серьезный мастер автолитографии. Издание украшено отдельными вклейками, выполненными в ленинградской литографской мастерской. Иллюстрации запечатлели моменты из жизни народов Севера: поездки на собачьих упряжках, охоту на моржей, строительство чума. Экземпляр, попавший в собрание Ильдара Ибрагимовича, происходит из библиотеки популяризатора темы северных народов, советского прозаика Геннадия Гора.

Андрей Юрьевич Дорошин обратился к фигуре Алексея Владимировича Вышеславцева — врача, литератора, искусствоведа и путешественника. Он совершил кругосветное путешествие, откуда привез в Петербург около 100 рисунков с натуры и записки о впечатлениях «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857,

1858, 1859 и 1860 годах», которые вышли в издательстве Морского министерства (1862). Библиофил продемонстрировал второе, дополненное издание «Очерков...», опубликованное пятью годами позже в издательстве М.О. Вольфа. «Книга украшена 27-ю литографиями по рисункам Алексея Вышеславцева, — отметил Андрей Юрьевич. — поскольку долгое время экспедиция провела в Японии, путешественник запечатлел на рисунках как местные пейзажи, так и моменты повседневной жизни». Вышеславцев проявил себя в некоторой степени и как библиофил: первым из россиян привез домой образцы японской живописи и книги.

Андрей Юрьевич также познакомил собравшихся с находкой Бориса Абрамовича Хайкина — томиком сочинений Дениса Ивановича Фонвизина в роскошном цельнокожаном переплете из серии «Полное собрание сочинений русских

авторов», подготовленной издательством А.Ф. Смирдина. Андрей Юрьевич не смог удержаться и прочел отрывок из путевых заметок знаменитого комедиографа «Путешествие в Вену».

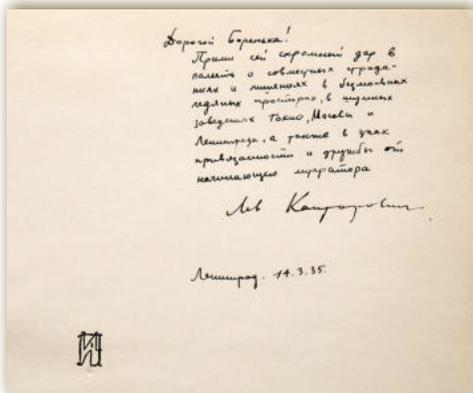
Поддержал тему путешествий и Клементий Сергеевич Целовальников, специализирующийся на книгах издательства «Academia». Он представил два экземпляра из своего собрания: культовый роман Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера» и первое советское издание (без купюр!) знаменитого «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо.

Владимир Николаевич Кутовой остановился на редкой книге «Путешествие флота капитана Сарычева» (1802), которое тот совершил в 1785–1793 годах. Он побывал в северо-восточной части Сибири, Ледовитом море и Восточном океане в составе морской экспедиции под начальством капитана Биллингса. Путешественники в тех краях бывали и раньше, однако их опыт не был описан. Гавриил Андреевич Сарычев задался целью подготовить точные карты. Команда под руководством капитана тщательно исследовала местность, делала зарисовки всего, что казалось достойным внимания, и составляла атлас этих мест. Томики с описаниями путешествия дополняет редчайший атлас с гравюрами. Елена Владимировна Матвеева дополнила доклад, представив свой экземпляр атласа Г.А. Сарычева.

Готовясь к заседанию, Михаил Михайлович Столяров обратил внимание на записки о путешествиях главного героя романа Александра Сергеевича Пушкина «Евгений Онегин». Евгений побывал в Москве, Нижнем Новгороде, Астрахани, на Тавриде и Кавказе. Библиофил продемонстрировал коллегам новое издание романа, вышедшее в Издательстве Столяровых (2022) с иллюстраци-

Переплет книги М. Дьяконова «Четыре тысячи миль на “Сибирякове”» (Л., 1934)

Дарственная надпись Л.В. Канторовича Б.В. Громову на книге М. Дьяконова «Четыре тысячи миль на “Сибирякове”» (Л., 1934)

ями живописца Дмитрия Анатольевича Белюкина. Большая часть выполненных акварелью работ посвящена именно путешествиям Онегина.

Сергей Владимирович Смирнов представил книгу М. Дьяконова «Четыре тысячи миль на “Сибирякове”» (Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934)

Инскрипт Л.В. Канторовича Б.В. Громову на вкладном листе в книге М. Дьяконова «Четыре тысячи миль на "Сибирякове"» (Л., 1934)

о первом в истории сквозном плавании по Северному морскому пути из Белого моря в Берингово за одну навигацию. В коллекции библиофила находится экземпляр с автографом автора иллюстраций Льва Владимировича Канторовича, адресованный другому участнику экспедиции, корреспонденту «Известий» Борису Васильевичу Громову. Надпись гласит: «Дорогой Боренька! Прими сей скромный дар в память о совместных страданиях, лишениях в безмолвных ледяных просторах, в шумных заведениях Токио, Москвы и Ленинграда, а также в знак привязанности и дружбы от начинающего литератора. Лев Канторович. Ленинград, 14.3.35».

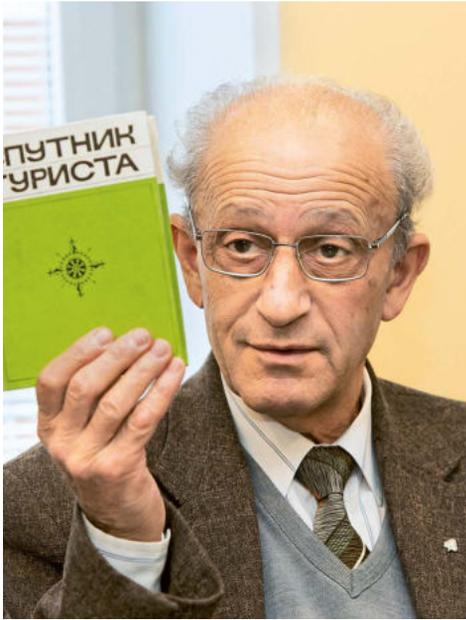
Не успели библиофилы восхититься этим автографом, как Сергей Владимирович зачитал еще один на вкладном листе, также адресованный Б.В. Громову: «Дорогому Борису в память о Ледовитом

океане, полюсе, тропиках, Архангельске, Токио, Москве и Ленинграде, в память о трудностях и веселье, в память о дружбе и любви, в память о вине и искусстве / от скромного мастера полярного художества, романтика и истинного друга / Льва Канторовича / Ленинград / Лето от Рождества Господа нашего Иисуса Христа тысяча девятьсот тридцать четвертое, июля месяца, двенадцатого дня».

Лев Канторович издал отдельный альбом, куда вошли рисунки, сделанные им в экспедиции. «Поход "Сибирякова"» (1933) включает в себя портреты руководителей, участников экспедиции, местных жителей и рисунки основных событий, которые происходили во время исторического плавания в 1932 году. Члены экипажа достойно преодолели

Ярослав Николаевич Костюк

Гарольд Давидович Злочевский

испытания, возникшие в пути: в открытом море меняли сломанные лопасти, а на заключительном этапе экспедиции и вовсе плыли под самодельными парусами из брезента, поскольку сломался винт; при этом лед ломали с помощью взрывчатки. С оригиналами иллюстраций Канторовича библиофилы смогли познакомиться благодаря Ильдару Ибрагимовичу Галееву, в чьем собрании они находятся.

Коллекционер миниатюрных книг Ярослав Николаевич Костюк поделился историей миниатюрного издания Жюль Верна «24 минуты на воздушном шаре», созданного на основе небольшой брошюры об этом путешествии. Затем библиофил обратился к творчеству преподавателей и студентов Самарского полиграфического колледжа и представил сделанную на конкурс переплетов книгу — сказку Сельмы Лагерлёф «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции».

Гарольд Давидович Злочевский рассказал, что первой книгой о путешествиях, которая пополнила его собрание, стало издание Сергея Владимировича Обручева «Справочник путешественника и краеведа». Затем в коллекцию вошли: книга Николая Михайловича Верзилина «По следам Робинзона» (1946); книга М.П. Цапенко «По равнинам Десны и Сейма» из научно-популярной серии «Дороги к прекрасному» (1967); карточное пособие «Советы туристу», где собраны советы для начинающих путешественников. Карточки наглядно показывали, как, например, разжечь костер или оказать первую помощь пострадавшему.

После доклада Гарольда Давидовича слово взял председатель НСБ Михаил Вадимович Сеславинский. Первым из трех представленных им изданий стал фолиант голландского художника и путешественника Корнелиса де Брюйна «Путешествия Корнелиса де Брюйна в Московию, Персию и Индию: украшенная тремястами резцовыми гравюрами» (Амстердам: Wetstein et al., 1714). На первых страницах можно увидеть аллегорический фронтиспис, гравированный Пикаром в 1711 году, а также гравированный портрет автора книги работы Валка по рисунку Кнеллера. Де Брюйн совершил два путешествия на Восток; книги о них имели сенсационный успех в Европе и были переведены на несколько языков.

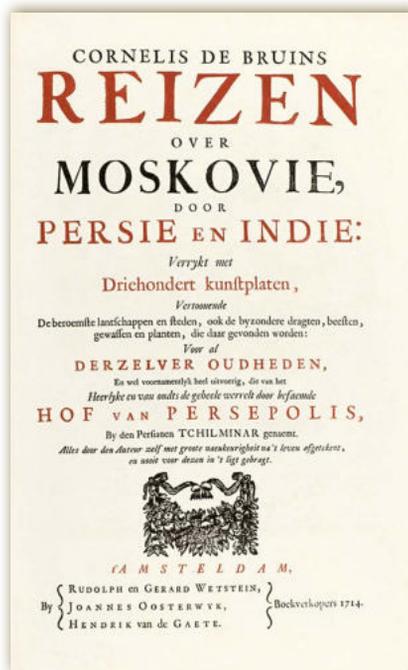
Во время второго путешествия он посетил Россию, ее северную часть, Москву, Астрахань и далее Персию. Во время пребывания в Москве де Брюйн познакомился с Петром I. Он выполнил по заказу царя портреты русских царевен, племянниц Петра I, а позже эти работы — за неимением фотографий — были разосланы потенциальным женихам.

Листы книги «Путешествия Корнелиса де Брюйна в Московию, Персию и Индию: украшенная тремястами резцовыми гравюрами» (Амстердам, 1714)

Портрет Корнелиса де Брюйна. Гравюра

Титульный лист книги

Представители северных народностей

Библиофилы любуются древней панорамой стольного града Москвы

Воспользовавшись привилегиями, полученным от царя, де Брюйн стал первым иностранцем, который сделал много уникальных рисунков в Москве и других регионах России. Художник обращал внимание на быт и нравы: одежду, наказания, праздники и свадьбы, еду и питье (в том числе водку и вино), погодные условия и средства передвижения.

Главная «изюминка» фолианта из собрания Михаила Вадимовича — редко встречающаяся в хорошем состоянии панорама Москвы начала XVIII века, помещенная под № 12. Работа представляет собой три склеенных листа, а длина ее составляет 196 сантиметров. Любопытный вид, как бы снятый с нынешних Воробьевых гор, открывает зрителю интереснейшие подробности. Цифрами отмечен ряд наиболее примечательных

зданий и частей города от Новодевичьего до Даниловского монастыря. Как рассказывает де Брюйн в своей книге, Петр I сам выбрал место, откуда с наибольшей шириной можно было охватить город.

Еще одной удивительной находкой стало третье издание книги на немецком языке о путешествии Адама Олеария (Шлезвиг: отпечатано в герцогской типографии Йоханом Хольвейном, 1663). «Книга стоит того, чтобы зачитать ее полное название: “Подробное описание известного путешествия в Москву и Персию, произошедшего по случаю голштейнского посольства из Готторпа к Михаилу Федоровичу, великому царю Московии и шаху Сефи, королю Персии. С подробным описанием лежавших на пути путешествия местностей и государств, таких как Лифляндия, Россия,

Титульный лист и портрет автора из немецкого издания книги Адама Олеария «Подробное описание известного путешествия в Москву и Персию, произошедшего по случаю голштинского посольства из Готторна к Михаилу Федоровичу, великому царю Московши...» (Шлезвиг, 1663)

Татария, Мидия и Персия, с их жителями, природой, жизнью, обычаями, домашним хозяйством и духовным сословием, украшенным многочисленными рисунками, сделанными в большинстве случаев с натуры», — отметил Михаил Вадимович.

Впервые Олеарий посетил Россию в 1633–1634 годах в составе шлезвиг-голштинского посольства в качестве его ученого секретаря, а затем советника. Во время пребывания в России и Персии тщательно записывал все замеченное на долгом пути, делал зарисовки, которые по возвращении в 1639 году обработал для гравирования, а в 1643 году завершил всю книгу.

«Обязательным приложением к этому изданию Олеария в библиотеке должно

быть еще одно — «Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием» (1870)», — заметил библиофил. В его собрании находится экземпляр этого первого отдельного издания на русском языке с автографом Павла Барсова на титуле: «Его превосходительству Григорию Ефимовичу Щуровскому от глубокоуважающего переводчика». В экземпляре, в том числе и на внутренней стороне второго форзаца, оказалось множество пометок на грузинском языке: «Купил в Ленинграде 25 августа 1954 г. Гацерелия. 25.VIII.54. г. Ленинград».

Заседание не могло обойтись без книги Александра Николаевича Радищева

М.В. Сеславинский и Е.В. Матвеева со своими экземплярами радищевского «Путешествия...»

«Путешествие из Петербурга в Москву» (СПб.: А.С. Суворин, 1888). Через пятнадцать лет после уничтожения собрания сочинений Александра Радищева, изданного П.А. Ефремовым, А.С. Суворину удалось напечатать полностью «Путешествие из Петербурга в Москву» исключительно «для знатоков и любителей» в количестве только ста экземпляров. Большого тиража цензура не разрешила. Михаил Вадимович продемонстрировал экземпляр № 6 и осудил издателя, который не указывал, из какой части тиража происходит книга. Без тщательного изучения нескольких экземпляров невозможно разобраться, что такое малый и большой форматы; где японская, а где слоновая бумага. Библиофилы смогли в этом убедиться, увидев отличия книг из собрания Михаила Вадимовича

Сеславинского и Елены Владимировны Матвеевой.

Однако издатель сплеховал не только в этом. Типография А.С. Суворина допустила ошибку при наборе и печати этой книги: на обложке и на выходном листе перепутала инициалы Радищева — вместо «А. Н.» напечатала «А. И.». Пришлось к каждому экземпляру приложить второй выходной лист и вторую обложку с исправленной ошибкой. Эти правки есть во втором экземпляре из собрания Михаила Вадимовича.

В завершение заседания библиофилы с удовольствием рассмотрели панораму Москвы начала XVIII века работы де Брюйна и атласы экспедиции Г.А. Сарычева.

*Подготовила
Мария Тетина*

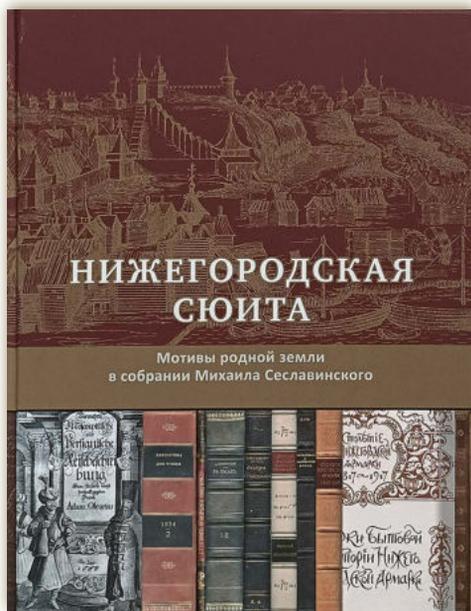

Книжные ПРОИсшествия

Презентация на Красной площади

4 июня 2022 года на книжном фестивале «Красная площадь» (площадка 15) прошла презентация альбома-каталога «Нижегородская сюита. Мотивы родной земли в собрании Михаила Сеславинского»¹.

Очень символично, что все это происходило неподалеку от Спасской башни Кремля, под зорким покровительством «гражданина Минина и князя Пожарского». Нижегородский след на главной площади страны теперь остался и в книжной культуре...

Обложка альбома-каталога «Нижегородская сюита. Мотивы родной земли в собрании Михаила Сеславинского»

Альбом-каталог оказался красочным, богато иллюстрированным, «вкусным» изданием. Его приятно держать в руках. Молодцы нижегородцы! Надежный переплет, глянцевая бумага... Шрифт, заголовки, воспроизведения титульных листов и инскриптов, полные библиографические описания — все было безукоризненно и могло порадовать самого взыскательного книжного гурмана или истового библиофила, коим, как известно, является сам автор-составитель...

Привлеченные зрелищным действием, на площадку подтянулись самые разные люди — читатели, простые и не очень (книголюбы и краеведы), ценители-библиофилы (среди которых, конечно же, были и члены НСБ), представители прессы, сотрудники московских и региональных издательств, гости ярмарки, друзья и коллеги М.В. Сеславинского...

Никто не ушел разочарованным. Краткое, но насыщенное интересной информацией выступление виновника торжества раскрыло удивительную палитру региональной книжности, прочно (а иногда и весьма затейливо) завязанной на важнейших событиях отечественной и мировой истории и культуры.

Михаил Вадимович остановился на самых памятных ему автографах, редкостях, рисунках и гравюрах из своего обширного собрания. Как известно, он родился в Дзержинске (детство прошло

¹ Нижегородская сюита. Мотивы родной земли в собрании Михаила Сеславинского: альбом-каталог / авт.-сост. М.В. Сеславинский. Н. Новгород: БегемотНН, 2022. 432 с., ил.

Именной сертификат «Нижегородской сюиты» от автора

среди книжных шкафов, в которых «места постоянно не хватало!»), затем окончил исторический факультет Нижегородского университета (библиотеки — наше все!) и трижды избирался депутатом парламента по одномандатному округу с центром в его родном городе (а это и книги, и бумаги, и люди...).

Читатели альбома-каталога были по-настоящему заинтригованы лирическим вступлением с картинками и экскурсами «Дзержинск — Горький — Нижний Новгород — Москва», повествующей о жизни семьи Сеславинских — настоящих провинциальных интеллигентов (само собрание росло в трех поколениях!), а также о начальной поре жизни будущего деятеля книжной культуры («Позже мы с папой стали заниматься поисками уже вместе, гордясь интересными находками»).

«У каждого человека есть памятные предметы, которые помогают снова пережить приятные воспоминания о счастливых моментах отрочества и юности. У меня эти осколки прошлого трансформировались в полифоническую коллекцию книг, автографов и графики, связанных с историей и культурой Нижегородской земли», — эти слова как нельзя лучше характеризуют библиофильское кредо собирателя.

Разделы альбома-каталога говорят сами за себя: «Автографы поэтов и писателей» (вступление — «Искусство автографа»), «Художники русской эмиграции» (вступление — «Смесь французского с нижегородским»), «Нижегородская рапсодия» (одноименное вступление), «Редкие тематические издания» (вступление — «Книжная полка»), «Болдинская

Автограф-сессия под звон кремлевских курантов

бессонница» (вступление — «Моя Пушкиниана»).

Особый интерес у многих вызвала заветная «тематическая» полка в собрании М.В. Сеславинского (хотя название, как нам представляется, скорее, скрывает, чем раскрывает для читателя истинное богатство данного раздела): редкие издания с изображениями Нижнего Новгорода XVII — начала XIX века, исторические источники (среди них знаменитые записки Адама Олеария «Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reyse Nach Muscow und Persien...» — «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно...»), книги известных писателей и ученых, чья жизнь, так или иначе, оказалась связана с Нижегородским краем (В.И. Даль, Н.И. Лобачевский, П.И. Мельников-Печерский и др.). Внушительна подборка прижизненных изданий А.С. Пушкина (вспомним его пребывание в карантине во время тог-

дашней эпидемии — историки литературы, впрочем, по традиции называют этот период «Болдинской осенью»).

По-новому в собрании раскрыто и творчество ряда художников — уроженцев Нижегородского края (А.С. Ведерников, Л.В. (Леон) Зак, Т.А. Маврина...), либо тех, кто вдохновлялся местными красотами.

Отвечая на вопросы, М.В. Сеславинский поделился интересной подробностью об Эдуарде Лимонове (тоже уроженце Дзержинска), который одно время подрабатывал шитьем брюк... Наброски и заметки, связанные с этим обстоятельством, конечно, не имеют прямого отношения к творчеству писателя, но зато нашли свое законное место в коллекции.

«В российской традиции всегда существовало бережное отношение к родной земле. Пароль “земляки” работает в самых разных средах и ситуациях. Мотивы жизни русской провинции являются одной из главных тем отечественной литературы. Вот и у меня альбом наполнился многочисленными героями, лирическими отступлениями и экскурсами, и, надеюсь, он будет интересен не только нижегородцам, но и многим другим читателям», — подытожил под звон курантов М.В. Сеславинский.

Пожелаем же приятных минут знакомства с «Нижегородской сюитой» широкому кругу читателей, а также краеведам и библиографам, библиофилам и искусствоведам, сотрудникам музеев и библиотек.

Д.Н. Бакун

Очередная встреча немецких библиофилов

23–25 сентября 2022 года в городе Ольденбург (Нижняя Саксония) прошла 49-я ежегодная встреча Пиркхаймерского общества библиофилов (Pirckheimer-Gesellschaft), объединяющего коллекционеров книг, собирателей графики и экслибрисов.

На встречу приехало около 70 участников из разных городов Германии. Насыщенная программа включала выставки, лекции, дружеские встречи и организационное собрание.

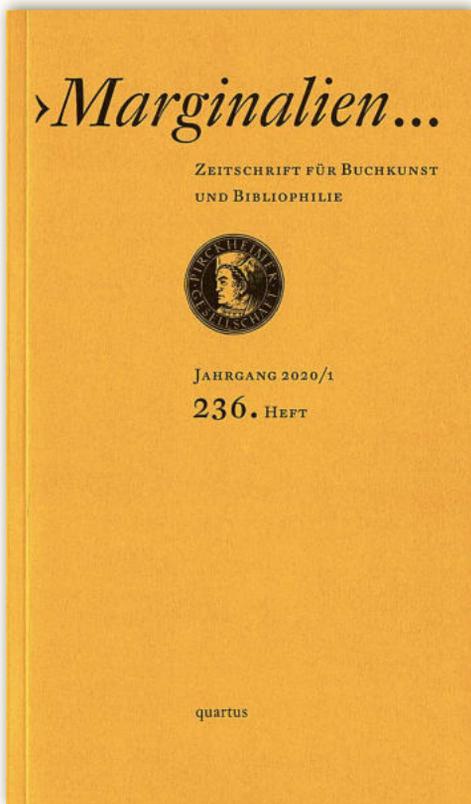
Общество было образовано в 1956 году в Веймаре и Берлине под эгидой Культурного союза ГДР (Kul-

turbund der DDR). С 1957 года и по сей день ежеквартально выходит журнал «Marginalien», в котором в разные годы публиковались О.Г. Ласунский, Ю.А. Молок, Е.Л. Немировский, А.А. Сидоров, С.П. Фортинский, Л.И. Юниверг и др. Появлялись там и рецензии на советские печатные издания, посвященные библиофильству и книжному делу.

«Центр притяжения» общества — искусство книги, книга художника, книжная графика.

Общество является общегерманским и сегодня имеет группы в Берлине, Тюрингии, Рейн-Майн-Некаре, Гамбурге, Халле (Заале), Баварии. В настоящее время объединяет почти 600 человек.

Председатель с 2015 года — доктор Ральф Эплер (Ralph Aepler).

Обложка журнала «Marginalien» (2020)

День первый. «Не только о книгах...»

Мероприятия проходили в старинном квартале, в Государственном музее истории искусства и культуры (Ландесмузей): он размещается в трех зданиях, построенных великими герцогами Ольденбургскими для своих коллекций. Сегодня в фондах музея — более 30 тыс. произведений живописи, графики, истории культуры и предметов декоративно-прикладного искусства. Здесь же — крупнейшая в городе библиотека с огромным собранием редких книг.

Лекция директора музея профессора Райнера Штамма (Rainer Stamm) была посвящена книгам 1920-х годов из собраний основателя музея, публициста Вальтера Мюллер-Вулкова (Walter

*Обложка книги «Russische Kunst. Sechste Ausstellung. Galerie von Garvens Hannover» (1921).
Одно из редких изданий коллекции
Государственного музея истории искусства
и культуры*

Müller-Wulckow) и создателя Общества молодого искусства (Vereinigung für junge Kunst) юриста Эрнста Бейерсдорфа (Ernst Beyersdorff).

Общество стало одним из ведущих авангардных художественных объединений Веймарской республики. Оно проводило выставки, публичные чтения выдающихся писателей (Бертольда Брехта, Альфреда Деблина, Эриха Кестнера и др.), концерты и фестивали искусства. Профессор Штамм показал множество редких каталогов выставок, гостевые книги, машинописную копию описи книжного фонда утраченной библиотеки общества, а также коллекцию эфемер, которая является гордостью музея.

Вторая лекция была посвящена рисункам знаменитого художника-портретиста Августа Тишбеина (Johann Hein-

rich Wilhelm Tischbein; 1751–1829), друга И.В. Гете. Эту коллекцию приобрели герцоги Ольденбургские у самого художника (он прожил здесь около четверти века). Интерес у слушателей вызвал подробный рассказ о работе по выявлению провенанса каждого рисунка, а также о новых находках (как в фондах самого музея, так и на международных аукционах).

Один из хранителей коллекции д-р Маркус Кенцлер (Marcus Kenzler) рассказал, в частности, что на сегодняшний день ему удалось выявить очень многое из похищенного в период господства национал-социализма. Процесс реституции начался только в 2014 году. Среди прочего, по его словам, было доказано, что часть экспонатов из Ольденбурга предназначалась для так называемого «Музея фюрера» в Линце.

День второй.

«Не все то книга, что имеет блок...»

Этот день прошел в богатой редкостями земельной библиотеке Ольденбурга (Landesbibliothek Oldenburg), одном из трех главных книгохранилищ земли Нижняя Саксония, и был посвящен исключительно книгам.

Лекция директора библиотеки Коринны Редер (Corinna Roeder) представила недавно приобретенную обширную коллекцию д-ра Онно Фендерса (Onno Feenders). Более сорока лет он вместе с супругой собирал лучшие образцы немецких «Pressendrucke». Этим термином обозначаются издания высокого качества, изготовленные вручную методом высокой печати (рычажный пресс или пробопечатный станок). Такие книги, как правило, содержат оригиналь-

ные гравюры (ксилография, офорт, литография), выполняются на бумаге особого качества или ручной работы. Переплеты изготавливаются вручную, с применением особых техник. Издания обычно подписываются автором или художником. Тираж их небольшой. Часто выпускаются особые экземпляры. Это направление развивалось в Германии с начала XX века и существует до сих пор.

Более 1 100 изданий из коллекции Фендерса охватывают все разнообразие «Pressendrucke» за 125 лет: от работ в югендстиле Анри ван де Вельде (Henri van de Velde) до экспериментальных книг художника XXI века. В коллекции — продукция более 25 библиофильских издательств, частных и любительских типографий: «Келмскотт-Пресс», «Янус-Прессе», «Эрнст-Людвиг-Прессе», «Бремер-Прессе», «Кранах-Прессе» и др.

В 2014 году (после приобретения собрания) состоялась выставка, к которой был приурочен выход альбома «100 лет немецкой Pressendrucke. Шедевры типографики, иллюстрации и переплетного искусства из коллекции Фендерса» («100 Jahre deutsche Pressendrucke. Meisterwerke der Typographie, Illustration und Einbandkunst aus der Sammlung Feenders») с описанием и изображением наиболее интересных изданий. Часть этих книг участники встречи смогли не только увидеть в витринах, но и полистать.

Кристиан Хессе, владелец аукционного дома «Christian Hesse Auktionen» в Гамбурге, рассказал о работе с частными книжными коллекциями. Есть два варианта: переход собрания в собственность какого-либо учреждения — или

возвращение раритетов в круг коллекционеров через аукцион. Так произошло, например, с коллекцией Фонда Барбары Ахиллес¹, которая была распродана на аукционе в 2021 году. Однако коллекция продолжает существовать в виде каталога: «Wege zum idealen Buch — Die Sammlung der Barbara Achilles-Stiftung» («Пути к идеальной книге — Коллекция Фонда Барбары Ахиллес»), экземпляры которого были подарены участникам ежегодной встречи.

* * *

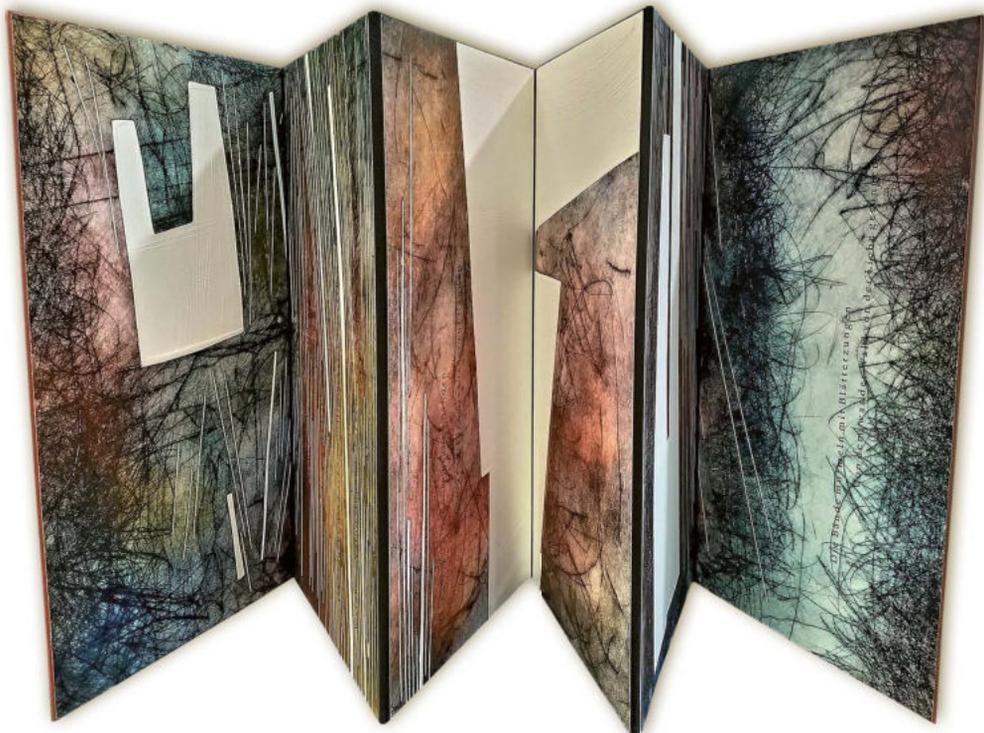
Обзорная экскурсия по библиотеке продолжилась показом собрания альдин (более 250 томов) на выставке «Книжные сокровища венецианского Возрождения из типографии Альда Мануция». В 1790 году герцог Ольденбургский приобрел за 24 тысячи талеров одну из самых значительных книжных коллекций XVIII века, принадлежавшую юристу Георгу Фридриху Брандесу (Georg Friedrich Brandes, 1719–1791). Это собрание — в основе нынешней Государственной библиотеки Ольденбурга. Оно было научным (из эпохи энциклопедистов!), и в то же время истинно библиофильским (богато украшенные переплеты и искусно оформленные обрезы).

В процессе изучения коллекции, которое ведется с 2021 года, удалось обнаружить две неизвестные книжные миниатюры самого Альбрехта Дюрера (1471–1528), которые впервые были продемонстрированы именно на встрече Общества Пиркхаймера. Рисунки находятся на первых страницах книг, выпущенных Альдом Мануцием в Венеции

¹ Коллекцию собирали мать и дочь — Эдит и Барбара Ахиллес; после их смерти книги продали через Аукционный дом «Christian Hesse Auctions» (Гамбург). Собрание включало издания библиофильских издательств («Инзель», «Фантазус», «Пропилен» и др.), Максимилиановского библиофильского общества, частных типографий.

Экспонаты выставки «Wie ist doch alles weit ins Bild gerückt»

Книжная миниатюра работы Альбрехта Дюрера с гербом Виллибальда Пиркхаймера, найденная в Государственной библиотеке Ольденбурга.
Фото: Фрауке Прошек (Frauke Proschek)

в 1502 г. Изначально книги принадлежали Виллибальду Пиркхаймеру (1470–1530) и были проданы его наследниками коллекционеру из Голландии в 1634 году.

Аня Хармс (Anja Harms) и Эберхард Мюллер-Фрис (Eberhard Müller-Fries) провели экскурсию по выставке своих работ — «книг художника» (Künstlerbücher) — «Wie ist doch alles weit ins Bild gerückt». Художники работают вместе с 2011 года. Основа их творчества — тексты или их фрагменты. Помимо графики и книг они создают книжные скульптуры и инсталляции.

Заключительным мероприятием второго дня стали авторские чтения — формат, чрезвычайно распространенный в Германии. Писатель и переводчик Клаус Модик (Klaus Modick) читал фрагменты своих эссе, посвященных книгам и чтению, после чего провел автограф-сессию.

В эссе «Книжная лихорадка» Клаус Модик поведал: будучи ребенком, если он

не находил столь желанных книг в общественной библиотеке, то шел в гости к другу. «Школьному товарищу сказочно повезло с отцом, который собирал комиксы и владел всеми, на самом деле всеми, томами Карла Мая. Книги с пестрыми обложками и зелено-черным югендстиль-орнаментом на корешках... [...] Тома Карла Мая располагались за раздвижными стеклянными дверцами. Гордый владелец был настоящим коллекционером, не допуская мысли, чтобы выпустить книги из дома и одолжить их нам; возможно, он боялся, что его сокровища могут воспламениться под нашими горящими глазами. И вот мы четвером, пятером и больше очень благопристойно усаживались на диване или на полу перед этим деревянным лакированным шкафом и отпраплялись с пылающими ушами в наш путь через Дикий Курдистан, вместе с трилогией про Виннету и приключениями Тарзана и принца Вэлианта».

Завершилась встреча традиционным праздничным ужином.

М.М. Богданович

Ex libris «Про книги»

Неузнанная Маврина...

Татьяна Маврина. Ода к радости: каталог выставки / [Пос. Третьяковская галерея]; сост. каталога, авторы аннотаций к произведениям: Е. Архипова, И. Лейтес; отв. ред. Т. Карпова; науч. ред. А. Струкова. М.: [ГТГ], 2021. 319 с.: ил., факс., цв. ил.

В биографическом телефильме «Татьянин день» 1992 года (он был снят еще при жизни Татьяны Мавриной) ее близкая подруга, редактор издательства «Советский художник» Анимаиса Мирнова размышляла: несмотря на огромную популярность на Западе, большая слава в России к Мавриной не торопится, но ее время еще придет. Пришло ли оно сегодня, спустя 30 лет? Пожалуй, и да — и нет. Маврина остается в массовом восприятии прежде всего художницей дет-

ской книги, хотя в сетевых отзывах на выставки и книги похвалы чередуются с непониманием. И очень яркие краски, и ее фирменный неопримитивизм, как выясняется, выходят далеко за рамки «детского жанра».

Безусловные и всегда восхищенные зрители Мавриной — конечно, художники декоративно-прикладного искусства. Им хорошо понятно, что ее модернистские лубки — нечто большее, чем забавные книжные вещицы. В них лексикон Пикассо причудливо переплетен с архитектурным древнерусским узорочьем, личный дневник граничит с монументальным эскизом, а русская провинция проглядывает сквозь советский быт — детям и родителям, пожалуй, все это не так интересно. Другая категория — коллекционеры, знатоки ее ранней живописи и графики 30-х годов. Как ни странно, этот материал в массовом сознании все еще «отставлен в сторону» — и в биографиях, и в рецензиях главный акцент всегда делается на сказочном цвете, на сочетании народности и детскости.

Этот акцент был ощутим и в Третьяковской галерее — на самой полной на сегодняшний день ретроспективе Мавриной «Ода к радости». Кураторы разделили экспозицию на три раздела, однако ранняя графика оказалась как бы сдвинута в глубину, в дальний зал: не столько пролог, сколько дополнение к основной части. В двух главных залах вновь доминировала сказочность. Ранняя живопись почти без паузы перетекала в послевоен-

Т.А. Маврина

ный красочный лубок, в страницы бестиария, в пестрые расписные бутылки и туески — и выглядела на их фоне бледновато, как и всякая живопись при столкновении с плакатом.

Казалось бы, ни одна из граней искусства Мавриной на выставке не оказалась пропущенной, но не хватало главного: взаимосвязи. Каждый раздел предлагался зрителю сам по себе, без контекстного комментария, который позволил бы увидеть поиски Мавриной как часть большой эпохи, сравнить хотя бы с работами ее друзей-вхутемасовцев, если не с западными мастерами. Как результат, у зрителя остается больше вопросов, чем ответов...

Не последней причиной такого мозаичного восприятия наследия Мавриной была ее собственная стратегия. Как и ее муж, график Николай Кузьмин, она укрывалась от нежелательного внимания власти за фасадом книжной иллюстрации. Одновременно, как многих выпускников Вхутемаса, ее отличала огромная работоспособность и упорство в сочетании со стилистической всеядностью (совер-

шенно не свойственной их учителям — от Фалька до Родченко).

Однако увидеть ее поиск, как целое, и в то же время, как одну из частей крупного стилистического движения, непросто. Для сравнения вспомним выставку Юрия Пименова, где разные фазы его работы — экспрессионизм, военные исторические картины, журнальная графика, оттепельный лирический стиль — сливались в единое убедительное повествование о художнике, который желал быть голосом эпохи, идти в ногу со временем. Также была построена экспозиция «Дейнека/Самохвалов» в петербургском Манеже. От выставки Мавриной складывалось совсем другое впечатление — как будто она навсегда уединилась в мастерской в окружении древних икон, книг и коллекции бабочек, лишь изредка заглядывая во внешний мир, сознательно избегая громких современных тем.

Дверь в эту мастерскую приоткрывают дневники художницы, которые не так давно были прекрасно переизданы в «Красном пароходе» и дополнены ее текстами об искусстве.

Здесь видно другую Маврину: она живо и цепко до самых последних дней интересуется всеми новостями; сравнивает себя с импрессионистами, вдруг хвалит Тышлера и припечатывает «суровый стиль», ищет типы эпохи на вернисажах и улицах. Да, радость — ее художественный инструмент, но в жизни ее не назвать радостной: сосредоточенная, желчная, остроумная, иногда сияющая, скорее не мечтательница — прагматик: быстро увлекается и быстро остывает и к темам, и к людям — образ, далекий от слащавого портрета веселой сказочницы.

Впрочем, хорошим ключом к Мавриной стала новая книга — прекрасный каталог, выпущенный Третьяковской галереей. Здесь «классически музейный»

79 Маргаритов и Кадина
в массовом рисунке
1936–1937
Бригада солдат, гулять,
бегущие, 201 × 284
На обороте слепки
напольной стеновой аэрофото-
налички Э. Золя «Чрево
Парижа» под «Издательство»
Поступления. Два автора
в 1936
ГТХ. Инв. РС-8332

80 Физран и Лиза
в рыбном рисунке
1936
Бригада, мясники, 221 × 285
Зачерпнул, 454 × 218
(подложка)
На обороте напольные
графические карандашные
чертежи Т. Бабанова
Физран, Лиза и старик
Мясник в рыбном рисунке
с слепкой аэрофото.
Поступления. Два автора
в 1936
ГТХ. Инв. ГТХ КП 133115

подход, не оправдавший себя на выставке, оказался плюсом. Выстроенные в хронологическом порядке шедевры разных этапов на страницах книги как будто сравнивались в историческом масштабе. Малоизвестная графика тридцатых оказалась «подсвечена» и выделена в должном объеме, красочные лубки поздних лет, наоборот, заняли отдельную нишу, не стягивая на себя все внимание. Важнейшей частью книги, помимо вступительной статьи И. Лейтес, стала подробная биография Мавриной, составленная искусствоведем А. Струковой (ГТГ) и наследником художницы А. Шелудченко. Издание иллюстрировано множеством редких фотографий, графические и живописные вещи воспроизведены замечательно.

Так что же остается за скобками? Во-первых, причины характерных для Мавриной быстрых и интенсивных стилистических переломов. Каталог и выставка наглядно показали, что Маврина не просто могла свободно работать едва ли не в десятке совершенно разных манер, но прожила несколько художественных

жизней — и в каждой из них достигла вершины.

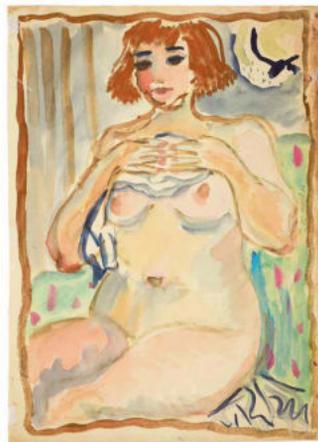
Думаю, важным фактором здесь была ее тесная дружба и одновременное соперничество с более старшими художниками группы «13», включая и Кузьмина, который (судя по дневникам) был не особенно высокого мнения об уровне образования во Вхутемасе. Отсюда некоторая архаичность иллюстраторского почерка Мавриной времен ее работы в издательстве «Academia».

Ее циклы рисунков к романам Эмиля Золя «Чрево Парижа» (1936–1937), «Харчевня королевы Гуселапы» (1936, при жизни художницы не публиковались) и «Боги жаждут» (1936) производят удивительное впечатление. В виртуозности перового рисунка, в психологической глубине и скрытом юморе она безусловно опередила Кузьмина и почти сравнялась с Милашевским — основателем «Тринадцати» и флагманом быстрого рисунка в советской книге. Станут открытием для читателя и ее экспериментальные офорты и наброски к «Коту

88 **Олга Гальдебранд**
1927
Венета, Австрия.
200 x 19,5
Слева внизу — ошейник
американской ручной
подписи: ТМ.
На обложке: Гайман
Австрия, Бельгия.
Слева внизу — американской
ручной подписи: ТМ.
Собрание А. Г. Сакрабинич,
Москва

89 **Облава Иванова**
Автопортрет
2008
Бронза, медальон.
Примечание художника: 43,8 x 31,8
В правую сторону угла
указательным пальцем
показаны даты: 1930
На обороте: Облава Иванова
на картоне фон: 1930
Австрия, Гураль
Слева внизу — американской
подписи: ТМ. 1930
После смерти. Дарил вдова
в 1995
Г.Т. Иван. РС-14027

Мурру» Эрнста Гофмана, в которых стремительный проволочный рисунок порой граничит с шаржем и заставляет вспомнить популярного в СССР конца 1920-х годов Георга Гросса.

Многие из найденных Мавриной стилизованных приемов (или даже целые вселенные, которые она так быстро оставляла позади) получили развитие в советском искусстве спустя несколько десятков лет. Неоромантизм мавринских иллюстраций к Франсу предшествовал неоромантической программе братьев Траугот.

В живописи с ней перекликались шестидесятники-неопримитивисты — от москвичек Ирины Евстафьевой или Екатерины Григорьевой до Кима Бритова и других мастеров владимирской школы. Оригинальная идея зарисовок в женских банях — «воровство» обнаженной натуры, торжественной и гротескной в свете советского быта — в пятидесятых была перепридумана Александром Арефьевым.

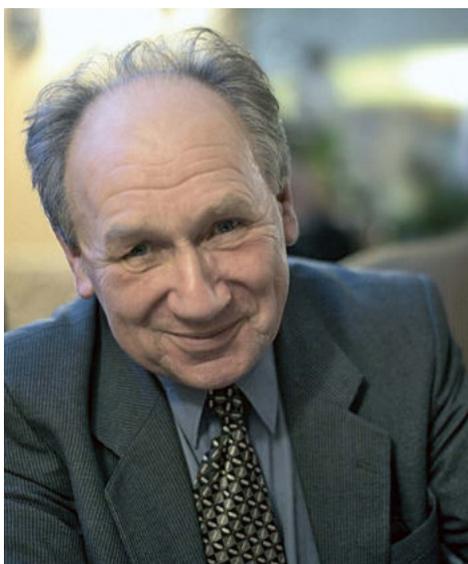
Огромное число уже прямых последователей создали и ее лубочная стилистика, и модернистские прочтения городецких росписей, и сам формат авторской рисованной книги-травелога. Маврина делала и театральные декорации, и диафильмы. Наконец, она была оригинальной писательницей, пусть ее наследие и не так велико, как могло бы быть. Чувствительная к «воздуху эпохи», Маврина даже одна из первых запечатлела (в поздних натюрмортах) своеобразный цвет и атмосферу ранних 1990-х.

В этом смысле «Ода к радости» стала завершением большого этапа, показав, что устоявшийся образ «камерного живописца» или «доброй сказочницы» Маврину вовсе не исчерпывает. Будем уверены: рано или поздно и наука, и музейный мир, и коллекционеры утвердят Маврину в ее настоящем статусе — бесстрашной первооткрывательницы, открытой любым экспериментам.

Н.В. Плунгян

Памяти Вилли Александровича Петрицкого

(10.07.1931–31.10.2022)

Ушел поэт и библиофил, прирожденный книжник и блестящий лектор, удачливый коллекционер и щедрый даритель, благожелательный собеседник, охотно делившийся своими обширными знаниями, драгоценными раритетами и, главное, «роскошью человеческого общения»...

Вилли Александрович прожил долгую, насыщенную событиями жизнь, которая вместила изрядную часть трагичного XX столетия. Родился он в Ленинграде, в семье военного моряка, одного из создателей Северного военного флота, который был репрессирован. Семью (мать с двумя детьми) выслали в волжский город Рыбинск (Ярославскую область).

Есть такое понятие: «Человек Книги». Именно так, с большой буквы. Вилли Александрович был им в полной мере.

Но даже большие люди — родом из детства. Влечение к книжной культуре проявилось у него с ранних лет. Первые рифмованные опыты с течением времени стали складываться в стихотворные строчки, затем — в стихи, глубокие и лиричные (псевдоним был выбран со значением: Велимир Петрицкий). Его стихи и очерки стали печататься в газетах сначала Рыбинска, потом — Ленинграда. В конце концов и ему (первому из семьи) удалось вернуться в Северную столицу.

В 1957 году Вилли Александрович с отличием окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. Дальнейший его путь в науке и преподавании — доцент, профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой культурологии, эстетики и политологии Ленинградской лесотехнической академии (знаменитой ЛТА; ныне — Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова).

В середине 1960-х годов В.А. Петрицкий стал членом Секции книги и графики Ленинградского Дома ученых АН СССР им. М. Горького. В 1975 году был избран председателем Секции и успешно руководил ею более 45 лет. По его инициативе проведены двенадцать представительных научных конференций «Актуальные проблемы теории и истории библиофильства» (одноименные сборники материалов издавались с 1982 по 2010 год).

Вилли Александрович закономерно вошел в число ведущих деятелей библиофильского движения. В 1990 году он стал одним из сопредседателей Всероссийской ассоциации библиофилов (ВАБ), позднее — Организации российских библиофилов (ОРБ). Он горячо поддержал идею создания Национального союза библиофилов (НСБ), подхватившего эстафету ОРБ, и был избран заместителем председателя Совета НСБ.

В 1996 году В.А. Петрицкий стал одним из основателей альманаха «Невский библиофил» (и главным редактором его первых 20 выпусков). Он входил также в состав редакционных советов сборника «Книга. Исследования и материалы» и альманаха «Библиофилы России».

Российской национальной библиотеке Вилли Александрович передал в дар значительную часть своей коллекции рукописей и автографов деятелей отечественной культуры, а также «Швейцериану» — самое обширное в России собрание материалов на разных языках

о мыслителе-гуманисте, лауреате Нобелевской премии мира Альберте Швейцере.

В.А. Петрицкий — автор более 20 книг и более 700 научных статей, а кроме того — нескольких поэтических сборников. Его основные публикации собраны в сборнике «Мир библиофильства. Вопросы теории, истории, психологии» (М.: Наука, 2006), который вышел в серии «Книжная культура в мировом социуме».

Он — член Союза журналистов СССР с 1959 года, заслуженный работник культуры России, лауреат пушкинской медали «Ревнителю просвещения», почетный член Российской академии космонавтики имени К.Э. Циолковского, в 2013 году В.А. Петрицкий был награжден медалью «За личный вклад в развитие отечественного библиофильства имени Н.П. Смирнова-Сокольского», учрежденной НСБ и журналом «Про книги».

Нам очень будет не хватать Вилли Александровича...

Национальный союз библиофилов

Наши авторы

Бакун Дмитрий Николаевич — заведующий отделом Центра исследований книжной культуры Научного и издательского центра «Наука» РАН, ответственный редактор журнала «Про книги. Журнал библиофилов», кандидат исторических наук, член НСБ.

Богданович Мария Михайловна — кандидат филологических наук, член НСБ.

Казанджан Эмиль Погосович — кандидат технических наук, библиофил.

Ларионова Людмила Геннадьевна — заведующая отделом истории книжной культуры Государственной публичной исторической библиотеки России, кандидат исторических наук, член НСБ.

Ласунский Олег Григорьевич — литературовед, книговед, историк культуры, библиофил, кандидат филологических наук, член НСБ.

Наумов Олег Николаевич — профессор Московского государственного областного университета, главный редактор альманаха «Гербоведение» и журнала «Летопись Историко-родословного общества в Москве», доктор исторических наук.

Плунгян Надежда Владимировна — старший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат искусствоведения.

Рябов Олег Алексеевич — директор издательства «Книги», главный редактор журнала «Нижний Новгород», член Союза писателей России, член НСБ.

Сеславинский Михаил Вадимович — председатель Совета НСБ, член-корреспондент Российской академии художеств.

Тетина (Воронова) Мария Сергеевна — корреспондент отдела культуры «Российской газеты».

Table of contents

L.G. Larionova

Did the “Bible of Charles XII” belong to the Swedish King

One of the book riddles of the Peter the Great era

M.M. Bogdanovich

“He was able to inspire others and instill in them a love for the beautiful...”

Elena Kulpa-Ivask’s memories of her father

O.N. Naumov

“...Every amateur should strive for the possible completeness of his collections...”

D.V. Ulyaninsky in letters to U.G. Ivask

O.A. Ryabov

Sets are collected, or Why it is sometimes important to buy a bag in time...

From the stories of a seasoned bibliophile

“I am interested in all kinds of books...”

Interview with E.P. Kazanjan

O.G. Lasunsky

From the collector’s notes

M.V. Sestlavinsky

Home living rooms on Suvorovsky Prospekt

Chronicle of meetings of the “Bibliophile Beehive Club”

(June – October 2022)

Book Events

Presentation on Red Square

Another meeting of German bibliophiles

Ex libris «About Books»

N.V. Plungyan.

Unrecognized Mavrina...

In memory of Willy Alexandrovich Petritsky

Именной указатель

- Абрамов Г.М. — 74
Абрикосов А.И. — 29
Адарюков В.Я. — 43
Аладын Б.В. — 12
Александр II — 140
Алексий, митрополит — 148
Алмазов С.Б. — 35
Алянский С.М. — 143, 145
Андреев И.Г. — 15
Андрен К.Г. — 14, 15
Андронников И.Л. — 117
Аникушин М.К. — 102, 103
Анна Иоанновна, императрица — 19
Анненков Ю.П. — 71
Анненский И.Ф. — 118
Антоновская А.А. — 94
Аристотель — 68
Артоблевская А.Д. — 68–70
Асеев Н.Н. — 114
Астапов А.А. — 37
Ауслендер С.А. — 88
Афанасьев М.Д. — 139, 140
Ахиллес Б. — 165
Ахматова А.А. — 70, 77, 78, 102, 114, 115
- Бабель** И.Э. — 60–62
Бабкины — 45
Бакст Л.С. — 71
Бакун Д.Н. — 57–79
Бальзак О. де — 60, 62
Баранов И. — 118
Барбюс А. — 94
Барсов П.П. — 158
Баргенов П.И. — 36, 37
Баузе И.Ф. — 126
Бахрушин А.П. — 8, 31, 32
Бедный Д. — 63
Безыменский А.И. — 96
Бейерсдорф Э. — 164
Белый А. — 70
Белюкин Д.А. — 153
Беляев О.П. — 128
Беляев Ю.Д. — 36
Бенуа А.Н. — 71, 88
Бенцелиус Э. — 24
- Бердичевский Я.И. — 41
Бердяев Н.А. — 139
Березовский В.П. — 121
Берестов Д. — 131
Берия Л.П. — 94
Берков П.Н. — 41
Бернер В.И. — 17
Бернс Р. — 77
Бетанкур А.А. — 39
Бетховен Л. ван — 58
Бехтеев В.Г. — 62
Бём Е.М. — 113
Бианки В.И. — 151
Билибин И.Я. — 143
Биллингс И.И. — 153
Бируков Н.Н. — 123–125
Благовещенская Е.В. — 13
Блей Ф. — 119
Блок А.А. — 23, 77
Богданович М.М. — 27
Боднарский Б.С. — 27, 34–36, 38
Болотина Н.Ю. — 17, 25
Болотников И.И. — 135
Борин Я. — 131
Боровков А.И. — 73
Бородин А.П. — 72
Брайкевич М.В. — 121
Брандес Г.Ф. — 165
Брехт Б. — 164
Бринк Т.Н. — 125
Бритов К. — 171
Брюллов К.П. — 39, 53
Брюйен К. де — 155–157, 159
Брюс Я.В. — 10, 12, 16, 17, 21, 22, 31
Брюсов В.Я. — 37, 63, 69
Булгакова Л.В. — 17
Бунин П.Л. — 62, 123
Булгаков С.Н. — 139
Бурцев А.Е. — 141, 142
Бурцев В.Ф. — 149
Бухгейм Л.Э. — 8, 37
Быков П.В. — 77
- Вагинов** К.К. — 118
Валк, художник — 155
Вальк Г. — 126
Валявин Д.К. — 21
Василенко В.Г. — 101, 103
- Вахтерова (Петровская) М.В. — 66, 75
Ведерников А.С. — 162
Вейгель И.К. — 126
Вейерман А.К. — 142
Векслер С.Х. — 140, 141
Вельде А. ван де — 165
Венгеров А.А. — 52, 53, 73, 79
Венгеров С.А. — 51, 79
Вентворт Т. — 16
Верейский Г.С. — 137
Верзилин Н.М. — 155
Верн Ж. — 115
Верне О. — 40
Вертинский А.Н. — 77, 78
Ветштейн Т. — 122
Вилинбахов Б.А. — 31
Вильборг А.И. — 120
Виноградов С.П. — 37, 46, 96
Витязев П. — 29
Вишневский В.В. — 94
Вишневский И.Г. — 33, 36, 38
Воинов В.В. — 141
Волкерт Х. — 30
Волков Е. — 127
Волков Н.Д. — 87–89
Волконские О.П. и П.Д. — 38, 39
Волконский П.М. — 38–40
Вольтер — 119
Вольф М.О. — 31, 152
Вошанка М. — 130
Всевожский И.А. — 40
Вышеславцев А.В. — 152
- Гавричков** М.А. — 107
Галактионов И.Д. — 53
Галеев И.И. — 150–152, 155
Галифакс, лорд — 16
Галь Н.Я. — 73, 74
Гарднер Ф. — 23
Гаттенбергер Н.Л. — 40
Гатцук А.А. — 142
Гегель Г.Ф. — 68
Герасимов А.М. — 94
Герасимов С.В. — 143
Герцен А.И. — 140
- Гершензон М.О. — 88, 139
Герштейн Э.Г. — 65
Гете И. — 164
Гиппиус З.Н. — 118
Глазунов И.С. — 57
Гнедич Н.Н. — 84
Голике Р.Р. — 119, 120
Голицын С.Ф. — 84
Голлербах Э.Ф. — 121
Головин Ф.А. — 81, 82
Голубов К.Е. — 135
Голубцов В.В. — 45
Гольд В.Я. — 87, 88
Гонсеровский А. — 135
Гончаров И.А. — 142
Гор Г.С. — 152
Горбатов И.С. — 103
Горбушина Н.В. — 8
Гордон М.З. — 66, 67
Горнунг Л.В. — 114, 115
Горький М. — 41, 60, 94, 172
Гофман Э.Т.А. — 171
Гребенщиков Б.Б. — 116
Гретер К.Я. — 29
Григ Э. — 70
Григлок Э.И. — 77, 78
Григорьев Б.Д. — 116, 141, 142
Григорьев Б.Н. — 14
Григорьева Е. — 171
Громов Б.В. — 153, 154
Гросс Г. — 171
Гузеева И.А. — 13
Гумилев Н.С. — 118
Гунст Е.А. — 65–67, 72, 73
Гуревич Л.Я. — 117, 118
Гуревич Я.Г. — 118
Гуров Е.А. — 112, 113, 118
Гурьев Г.Л. — 12
Густав I Ваза (Ваза) — 24
Густав II Адольф — 24
Юго В. — 142
- Даль** В.И. — 162
Данин Д.С. — 72, 77
Деблин А. — 164
Дейнека А.А. — 169
Демидов П.Г. — 21
Дёмин А.А. — 118
Державин Г.Р. — 53–55

- Державина М.С. — 147
 Дернов Н.А. — 90, 91
 Дефо Д. — 153
 Джованьоли Р. — 62
 Дмитренко И.А. — 132
 Дмитриев А.А. — 45
 Дмитриев В.М. — 141
 Добужинский М.В. — 71, 110
 Доде А. — 60
 Долгорукий Д.И. — 78
 Долинин Д.А. — 115, 116
 Долинина Н.Г. — 115
 Долматовский Е.А. — 96
 Дорошин А.Ю. — 103, 111–113, 117, 133, 137, 143, 144, 152, 153
 Дос Пассос Дж. — 151
 Достоевский Ф.М. — 142, 143, 150
 Дружинин П.А. — 14, 79
 Дубинский Д.А. — 62
 Дымшиц С.И. — 117
 Дьяконов М.В. — 153, 154
 Дю-Кир И. — 14
 Дюма А. — 77, 142
 Дюрер А. — 165, 167
- Евстафьева И.** — 171
 Евтушенко Е.А. — 75
 Егоров В.А. — 110
 Екатерина I 127
 Екатерина II 107
 Елизавета Петровна, императрица — 24, 25
 Ежов И.С. — 69
 Ермолаева В.М. — 113, 114
 Ерофеев В.В. — 121
 Есенин С.А. — 77
 Есин С.Н. — 139
 Ефремов П.А. — 159
- Жданов А.А.** — 70
 Жеврежев Л.И. — 78
 Жернаков К.И. — 84
- Забелло П.П. — 118
 Забирухин Б.П. — 106, 107
 Зак Л. — 162
 Зданевич И.М. — 116
 Зильберштейн И.С. — 73
 Злочевский Г.Д. — 35, 155
 Золотухин Ю.И. — 90
- Зоя Э. — 170
 Зубовы А.Ф. и И.Ф. — 123
- Иван V Алексеевич** — 129
 Иванец Е. — 137
 Иванов В.Н. — 18
 Иванов Вяч.И. — 70
 Иванов Е.П. — 23, 24
 Иванов Д.Д. — 21
 Иваск (Фролова) А.А. — 40, 44, 46, 49
 Иваск Г.Ф. — 30
 Иваск П.Г. — 40
 Иваск У.Г. — 27–41, 43–48
 Иваск Ю.П. — 40
 Иваск-Кульпа Е.У. — 27–41
 Ильин Н.В. — 92–94, 137
 Ильин И.А. — 117
 Исаева Е.В. — 16–19, 21, 25
 Искандер — см. Герцен А.И.
 Иткин А.З. — 133
- Кадмин Е.** — 130
 Казанджан Э.П. — 57–79
 Казанова Дж. — 119
 Казароза-Волкова Б.Г. — 87–89
 Казимова Н.И. — 101
 Калмыкова В.В. — 60
 Канторович Л.В. — 153–155
 Каравак Л. — 23
 Карден П. — 116
 Кардовский Д.Н. — 33
 Карелин А.О. — 8
 Карл XII 5-7, 9-22, 24, 25
 Карпинский А.П. — 147
 Карпова Т. — 168
 Карпович В. — 85
 Каташов А. — 149
 Катагощина М.В. — 8, 22
 Кац З.М. — 97
 Кенцлер М. — 164
 Кестнер Э. — 164
 Кикины 40
 Кипренский О.А. — 137
 Киприан, митрополит — 55
 Киров С.М. — 107, 172
 Кичанова И.Н. — 77
 Климов М. — 63
- Клюканова О.В. — 18
 Кнеллер Г. — 123, 155
 Коваль П. — 90, 91
 Козлова О. — 142
 Коллонтай А.М. — 88
 Колпакчи М.М. — 137
 Колпахчиев Л.Л. — 101, 112, 120
 Копиевский И.Ф. — 123
 Кольцов А.В. — 91, 92
 Кольцов -Мосальский И.М. — 132
 Комаров И.Л. — 103
 Конашевич В.М. — 99, 100, 104
 Кондратенко В.А. — 95
 Кондратьев А.А. — 76
 Копылов Р.В. — 142
 Корнеева (Борисова) Н.И. — 8
 Корнилов П.Е. — 137
 Кораблинов В.А. — 91, 92
 Коробанов Л.М. — 19
 Коробанов П.Ф. — 18
 Коровин К.А. — 30
 Корсаков И.Н. — 47
 Корф М.А. — 140
 Костров Н. — 151
 Костюк Я.Н. — 154, 155
 Косульников Б. — 133
 Красильников В.Г. — 92, 94
 Крафт Д. фон — 15
 Кребийон-младший — 119
 Кротов П.А. — 22
 Крылов В.А. — 101
 Крылов И.А. — 83–86
 Крылов Н.И. — 67
 Кузмин М.А. — 73, 88, 89
 Кузнецов П.В. — 116, 117
 Кузьмин Н.В. — 62, 169, 170
 Кукрыниксы — 62
 Курдов В.И. — 150–152
 Курёхин С.А. — 116
 Кусакин А.Л. — 126
 Кусевецкий С.В. — 71
 Кустодиев Б.М. — 138
 Кустодиев К.Б. — 138, 139
 Кутовой В.Н. — 132, 133, 153
- Ла Мара (Липсиус М.)** — 69
- Лагерлёф С. — 155
 Лагин Л.И. — 148
 Ламартин А. де — 142
 Ланговой А.П. — 120
 Ларионова Л.Г. — 5, 10, 27
 Ласунский О.Г. — 41, 81, 85, 96, 139, 163
 Левитский В.Н. — 117
 Лейнинген-Вестербург К.Э. фон — 30
 Лейтес И. — 168, 170
 Лельчик Я.Я. — 107, 109
 Ленин В.И. — 138, 143
 Лентулов А.В. — 117
 Леонардо да Винчи 72
 Леопольд И.-Ф. — 126
 Лермонтов М.Ю. — 76, 77
 Леруа 126
 Лидин В.Г. — 63, 83, 84, 134, 139
 Лизогуб И. — 132
 Лизогубов Р.А. — 128–132, 135, 137, 148, 149
 Лимонов Э.В. — 162
 Липкин И. — 77
 Лисовский Н.М. — 34, 35, 38
 Лихарев Б.М. — 137
 Ломоносов М.В. — 72
 Лобанов М.Е. — 84–86
 Лобанова (Вульфферт) О.К. — 85, 86
 Лобачевский Н.И. — 162
 Лосев А.Ф. — 68
 Лукомский В.К. — 31
 Луннов С.М. — 53, 55
 Львов И.И. — 131
 Любимов Н.М. — 65
 Лютер М. — 24
 Лях С.Р. — 110, 112, 115, 121
- Маврина Т.А.** — 62, 162, 168–171
 Магницкий Л.Ф. — 132, 133
 Мазель Л.А. — 71
 Мазурин Г.А. — 148
 Мазуркевич В.А. — 134
 Май К. — 167
 Макарьев Свирепый — см. Олейников Н.М.
 Макарий, митрополит 55

- Маковский С.К. — 118
 Максимов В.И. — 17
 Малевич К.С. — 121, 150
 Малкиель М.А. — 46
 Мамонтов А.И. — 9
 Мандельштам О.Э. — 58
 Мануйлов П.И. — 12
 Манукян В.В. — 113, 119
 Мануций А. — 165
 Маразли Г.Г. — 47
 Мария Федоровна, императрица — 29
 Марков С.Л. — 101, 118
 Марцишевская К.А. — 76
 Маршак С.М. — 145
 Масановы И.Ф. и Ю.И. — 73
 Масленников И.Ф. — 115
 Матвеева Е.В. — 99–102, 111, 112, 119, 120, 123, 128, 129, 140, 141, 153, 159
 Матюшин М.В. — 150
 Машков И.И. — 117
 Мейерхольд В.Э. — 88
 Мекк А.К. фон — 32
 Мельников-Печерский П.И. — 162
 Меншиков А.Д. — 127
 Мережковский Д.С. — 118
 Мериме П. — 142
 Меркушин М. — 131
 Мещеряков Т. — 139
 Милашевский В.А. — 62, 170
 Миллер П.Н. — 35
 Минин К. — 160
 Минский Н.М. — 118
 Минцлов С.Р. — 8
 Миронова А. — 168
 Михаил Федорович, царь — 157, 158
 Михайлов А.Н. — 113, 118, 121
 Михайлов Е.С. — 120–121
 Мнухин Л.А. — 63, 73
 Модзалевский Б.Л. — 46
 Моисеев Н.Д. — 67, 68
 Модик К. — 167
 Молок Ю.А. — 163
 Молотов В.М. — 94, 95
 Молоховец Е.И. — 111
 Мольер — 52
 Монферран О. — 39
 Мопассан Г. де — 65
 Морев М. — 96
 Морозов В.В. — 143
 Моруа А. — 65
 Моцарт В.А. — 68
 Мусин-Пушкин М.Н. — 47
 Мюллер-Вулков В. — 163
 Мюллер-Фрис Э. — 167
Набатчикова Н.В. — 139
 Налбандян Д.А. — 94
 Наумов О.Н. — 43
 Некрасов Г.А. — 21
 Некрасов Н.А. — 118, 142, 143
 Некрасов С.М. — 103, 110, 113, 115, 120
 Нелидов Ю.А. — 33
 Немировский Е.Л. — 163
 Нестеров М.В. — 137
 Нивинский И.И. — 88, 89
 Никитин И.С. — 92
 Николай I — 140
 Новоселов В.Р. — 17
 Носов Н.Н. — 144, 145
 Носовец Е.В. — 101, 103, 110, 112
 Нурдберг Ё. — 15
 Ньютон И. — 72
Образчиков В.Н. — 17
 Обручев С.В. — 155
 Огарев Н.П. — 140
 Одоевский В.Ф. — 72
 Одулок Т. — 151
 Ожеховская И. — 137
 Озеров Л.А. — 73–75
 Олеарий А. — 158, 162
 Олейников Н.М. — 75
 Оленина В.А. — 85
 Оппенгейм Э. — 77
 Орлов И.Д. — 126
 Орлов Н.Н. — 29, 31, 35, 36, 43
 Орловский А.О. — 72
 Остерман А.И. — 22
 Остроумова-Лебедева А.П. — 137
Павел I — 29
 Павлов П.П. — 28
 Палийчук Б.Д. — 96
 Панин А. — 17
 Панкратов П. — 131
 Панферов Ф.И. — 94
 Парни Э. — 119
 Парнок С.Я. — 114, 115
 Пастернак Б.Л. — 59, 73
 Пекарский П.П. — 122
 Перельман Я.И. — 91
 Петр I Великий — 5, 9, 12, 14–17, 21, 31, 81–83, 122, 123, 125–129, 131–133, 139, 157
 Петрицкий В.А. — 172–173
 Петров А.В. — 122
 Пикар Б. — 155
 Пикассо П. — 168
 Пильняк Б.А. — 36
 Пименов Ю.И. — 169
 Пиркхаймер В. — 163, 165, 167
 Пирсоманишвили Н.А. — 117
 Писарев Д.И. — 150
 Платон — 68
 По Э. — 70
 Подобедов М.М. — 96
 Пожарский Д. — 160
 Позин Г.А. — 145
 Покровский В.С. — 142
 Полунина Н.М. — 8, 18
 Полякова О.Б. — 8
 Помяловский Н.Г. — 150
 Посошков И.Т. — 81–83
 Потемкин-Таврический Г.А. — 107
 Потехина Е. — 137
 Прево А.Ф. — 65–67
 Прокопович Ф. — 128
 Прокофьев А.А. — 137
 Прусский П. — 135
 Прутков К. — 74, 75
 Пушкин А.С. — 46, 76–78, 84, 133, 139, 153, 162
Радищев А.И. — 77, 158, 159
 Радловы А.Д. и С.Э. — 88
 Разгон Л.Э. — 55
 Разумовская С.Д. — 73
 Раковский Л.И. — 63
 Рахманинов С.В. — 71
 Рац М.В. — 63, 73, 79, 143
 Редер К. — 164
 Ремизов А.М. — 104–107
 Ренье А. де — 51
 Рихтер С.Т. — 59
 Ровинский Д.А. — 126–128
 Родченко А.М. — 169
 Розанов В.В. — 107
 Розанов И.Н. — 10–14, 63, 72, 73, 76
 Розанов Ф. — 82, 83
 Розен Г.О. фон — 30
 Ронсар П. де — 77
 Роос К.Г. — 22
 Ростовцев Ю.А. — 145
 Ростовцев Я.И. — 85, 86
 Ростопчин А.Ф. — 47
 Рундальцов М.В. — 44
 Рычаловский Е.Е. — 6
 Рябов А.И. — 55
 Рябов О.А. — 51
Саблин В.М. — 139
 Савелов Л.М. — 43
 Савельева Е.А. — 16
 Салтыков С.А. — 12
 Самарин А.Ю. — 35, 43, 45
 Сандин П. — 22
 Сарнов Б.М. — 74
 Сарычев Г.А. — 152, 153, 159
 Сарьян М.С. — 117
 Свердлов М.Е. — 23, 24
 Свифт Дж. — 153
 Седерстрём Г.У. — 16
 Семенов И.Г. — 13
 Серов А.И. — 71
 Сеславинский М.В. — 79, 99, 100, 101, 103, 105, 106, 108, 109, 112, 115, 120, 122–123, 125–127, 138, 139, 141–144, 148, 149, 157–162
 Сефи I, шах — 158
 Сиверс А.А. — 33
 Сидоров А.А. — 119, 163
 Симони П.К. — 35, 43
 Синицын М.Е.(А.) — 140
 Скаррон П. — 62
 Случевский К.К. — 134
 Смирдин А.Ф. — 153
 Смирнов С.В. — 132, 133, 138, 145, 148, 153, 154
 Смирнов-Сокольский И.П. — 78, 79, 173
 Снегирев В.Л. — 27, 37
 Соболев А.Л. — 14, 73, 79

- Собольщиков В.И. — 37
 Солнцев Ф.Г. — 40
 Соловьев Н.В. — 33, 34, 37
 Соловьев С.А. — 116
 Сологуб Ф. — 134
 Сомов К.А. — 71, 107, 119–121
 Сомова А.А. — 121
 Сопиков В.С. — 130
 Сотников И.П. — 33, 37
 Софронова А.Ф. — 70
 Спиридонов С.В. — 46
 Сталин И.В. — 13, 87, 92–94, 147
 Старицын А.М. — 31, 37
 Степанов Н.Л. — 64
 Стерлигов В.В. — 121
 Столяров М.М. — 133, 138, 139, 147, 148, 153
 Столяров Ю.Н. — 27
 Стравинский И.Ф. — 118
 Струве П.Б. — 139
 Струкова А. — 168, 170
 Суворин А.С. — 159
 Сунбулов Т.С. — 131
 Суспицын П.Г. — 103, 104, 107, 111
 Сю Э. — 51
- Тарасов И.Т.** — 47
 Такибаев К. — 64
 Талалаевский М.А. — 97
 Тарасенков А.К. — 78, 95, 96
 Тарковский А.А. — 63–65
 Твардовский А.Т. — 75, 95–97, 107–110
 Тегнер Э. — 62
 Тимирязев А.К. — 8
 Титунова И.Б. — 36
 Тихонов Н.С. — 143
 Тишбейн А. — 164
 Толстой А.Д. — 37
 Толстой А.Н. — 94, 117, 133
- Торопов А.Д. — 37
 Трауготы — 171
 Трубачев С.А. — 150
 Трубецкой Н.И. — 48
 Трутовский В.К. — 29, 32, 33, 37
 Турчинский Л.М. — 59, 60, 73, 78
 Тынянов Ю.Н. — 64
 Тыркова-Вильямс А.В. — 78
 Тышлер А.Г. — 169
 Тэффи Н.А. — 114, 115
 Тютчев Ф.И. — 67
- Удальцова Н.** — 117
 Ульрика Элеонора (младшая) — 16
 Ульрика Элеонора (старшая) — 14
 Ульянинский В.А. — 48
 Ульянинский Д.В. — 31, 32, 34, 35, 43–49
 Ульянинский Н.Ю. — 34, 35, 45
 Уоллес Э. — 77
 Уредссон С. — 15
 Успенский В.А. — 137
 Успенский Д.И. — 19
 Ухтомский Э.Э. — 48
- Фаворский В.А.** — 135
 Фальк Р.Р. — 62, 117, 169
 Федоров М.С. — 133, 139
 Фей, Даниэль де ла — 123
 Фендерс О. — 164
 Фетин В.А. — 115
 Фидлер Ф.Ф. — 118
 Филатов Т.В. — 21
 Филипповская Э.И. — 59
 Филипповский Г.Г. — 57–62, 145
 Филипс Я.-К. — 127, 128
 Филонов П.Н. — 150
 Фишер В. — 46
- Флит А.М. — 137
 Фонвизин Д.И. — 152
 Фортинский С.П. — 163
 Франк С.Л. — 139
 Франс А. — 60, 63, 65, 171
 Фрейман В.В. — 47
 Фролов А.И. — 18
 Фурсенко Л.И. — 35, 43
- Хайкин Б.А.** — 133–135
 Хайям О. — 77
 Хармс А. — 167
 Хармс Д.И. — 114
 Хвоцинские А.Д. и Ф.Д. — 48
 Хессе К. — 165
 Хёёк К. — 19, 22, 25
 Хлебников В. — 64
 Ходасевич В.Ф. — 76
 Хольвейн И. — 157
- Цапенко М.П.** — 155
 Цветаева М.И. — 78
 Цветков В.И. — 143, 144
 Цветковы — 144
 Целовальников К.С. — 153
 Циолковский К.Э. — 173
 Цявловский М.А. — 73
- Часов Н.М.** — 110
 Чекрыгин В. — 117
 Чернышева Н.Ф. — 13, 14
 Чертков Л.И. — 73, 79, 143
 Чехов А.П. — 115–117, 140, 141
 Чехов М.А. — 70
 Чехонин С.В. — 114
 Чуванов М.И. — 97
 Чулков Н.П. — 45, 46
- Шаблыкина Е.П.** — 142
 Шаляпин Ф.И. — 71
 Шамурин Е.И. — 69
- Шапошников К.А. — 14
 Шаховские А.А., А.И. и Н.А. — 19
 Шварц Е.Л. — 113, 114
 Швейцер А. — 173
 Шевченко Т.Г. — 97
 Шекспир В. — 58, 59, 62
 Шелудченко А. — 170
 Шенье А. де — 119
 Шереметев Б.П. — 17
 Шереметевы — 17, 21
 Шехтель В.О. — 119
 Шибанов П.П. — 31, 37
 Шодерло де Лакло — 119
 Шопен Ф. — 71, 73
 Шостакович Д.Д. — 71
 Штрамм Р. — 163, 164
 Штернберг Д.П. — 117
 Штурм Г.П. — 135
 Шуман Р. — 79
 Шүстер С.А. — 115–117
 Шхонебек А. — 123
- Щербиновская О.С.** — 36
 Щукин П.И. — 6–10, 13
 Щуровский Г.Е. — 158
- Эйзенштейн С.** — 151
 Эйнштейн А. — 67
 Эйхенбаум Б.М. — 118
 Эплер Р. — 163
 Эразм Роттердамский — 24
 Эрнст К.Л. — 104
 Эфрон А.М. — 62, 88
- Юниверг Л.И.** — 163
- Яacobson А.Н.** — 150
 Яковенко Е.Б. — 24
 Яковлев А. — 117
 Якубов М.А. — 71
 Яремич С.П. — 121

Адрес редакции: г. Москва, Сытинский пер., д. 5/10, стр. 1.

Тел.: +7 (495) 650–23–63.

E-mail: about-books@yandex.ru.

Архив: <http://nsb-bibliophile.ru/zhurnal-pro-knigi>.

Все права защищены.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов журнала.

Авторы несут ответственность за содержание статей,
точность приводимой информации, цитат и ссылок.

При использовании материалов, опубликованных в журнале,
ссылки на журнал носят обязательный характер.

В оформлении обложки и страниц журнала использован
фрагмент портрета Петра I с оригинала Готфрида Кнеллера
из книги «Символы и Емблемата...»
(Амстердам, 1705)

Отпечатано с электронной версии заказчика
в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат».
115093, г. Москва, пер. Партийный, д. 1, корп. 58, стр. 1

Тираж 300 экз.
Цена свободная.